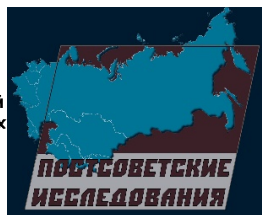

Центр
исследований
постсоветских
стран

ЖУРНАЛ ПОСТСОВЕТСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

2023 Том 6 № 1

<https://www.postussr.org>

Электронный научный журнал

Издается с 2018 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ЭЛ № ФС 77 - 71895 от 13 декабря 2017 г.

Учредитель: Курьлев Константин Петрович

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Курьлев Константин Петрович
доктор исторических наук,
профессор, РУДН, Москва,
Российская Федерация,
kuryljov@narod.ru

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Пархитько Николай Петрович
кандидат исторических наук, доцент
РУДН, Москва, Российская Федерация,
scharnchorst@mail.ru

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Губайдулина Мара Шаукатовна
доктор исторических наук,
профессор, КазНУ им. Аль-Фараби,
Алматы, Республика Казахстан,
maragu@mail.ru

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Смолик Надежда Григорьевна
старший преподаватель,
РУДН, Москва,
Российская Федерация,
nadian@list.ru

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Аватков Владимир Алексеевич, доктор политических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН), заведующий отделом, Ближнего и Постсоветского Востока, главный редактор журнала «Ближний и Постсоветский Восток», Москва, Российская Федерация

Аглян Ваагн Робертович, кандидат исторических наук, заведующий кафедрой государственного управления Ереванского государственного университета, Ереван, Республика Армения

Арчана Упадхай, профессор, руководитель Центра исследований России и Центральной Азии Школы международных исследований Университета Джавахарлала Неру, Дели, Республика Индия

Бейбутова Рысбюбю Алджамбаевна, кандидат филологических наук, декан факультета международных отношений и востоковедения Кыргызского национального университета им. Ж. Баласагына, Бишкек, Кыргызская Республика

Гущин Александр Владимирович, кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института постсоветских и межрегиональных исследований Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет» (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Дегтерев Денис Андреевич, доктор политических наук, заведующий кафедрой теории и истории международных отношений Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Российский университет дружбы народов» (РУДН), Москва, Российская Федерация

Достанко Елена Анатольевна, кандидат политических наук, декан факультета международных отношений Белорусского государственного университета, Минск, Республика Беларусь

Есдаулетова Ардак Мэлсовна, доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева, Нур-Султан, Республика Казахстан

Жильцов Сергей Сергеевич, доктор политических наук, заведующий кафедрой политологии и политической философии Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Российской Федерации», Москва, Российская Федерация

Зеленева Ирина Владимировна, доктор исторических наук, профессор кафедры мировой политики Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет» (СПбГУ), Санкт-Петербург, Российская Федерация

Ибрагимов Алимуса Гюльмуса оглу, доктор философии по политическим наукам, преподаватель кафедры «Международные отношения» Бакинского государственного университета, Баку, Республика Азербайджан

Ибраева Эльмира Алпамысовна, доктор исторических наук, вице-президент в Казахстане Академии информации и бизнеса, Алматы, Республика Казахстан

Лапенко Марина Владимировна, кандидат исторических наук, доцент кафедры сравнительной политологии Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Российский университет дружбы народов» (РУДН), директор Информационно-аналитического центра «Евразия-Поволжье», Москва, Российская Федерация

Мавланов Ибрагим Раджабович, доктор экономических наук, профессор кафедры Международные финансы и инвестиции Университета мировой экономики и дипломатии Республики Узбекистан, декан факультета практической дипломатии Дипломатической академии Республики Узбекистан, Чрезвычайный и Полномочный посол, Ташкент, Республика Узбекистан

Майтдинова Гузель Майтдиновна, доктор исторических наук, профессор кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики Российско-таджикского славянского университета (РТСУ), директор Центра геополитических исследований РТСУ, член-корреспондент Таджикской академии архитектуры и строительства, Душанбе, Республика Таджикистан

Маркедонов Сергей Мирославович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра евро-атлантической безопасности Института международных исследований Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (Университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации» (МГИМО (У)), Москва, Российская Федерация

Ныгусие Кассеа Вальтер Микаэль, доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Российский университет дружбы народов» (РУДН), Москва, Российская Федерация

Полоскова Татьяна Викторовна, доктор политических наук. Государственный советник Российской Федерации Первого класса, Председатель Межрегионального общественного движения «Евразийский народный союз». Член Экспертного совета по общественно-гуманитарным программам при Россотрудничестве, Москва, Российская Федерация

Робертс Кэри, доктор философии по политическим наукам, доцент кафедры политологии факультета экономики, юстиции и политических исследований Университете Маунт Ройал, Калгари Канада

Рцхиладзе Гулбаат Викторович, кандидат политических наук, директор Института Евразии, Тбилиси, Грузия

Саква Ричард, доктор философии по политическим наукам, профессор факультета политологии и международных отношений Университета Кента, Великобритания

Симонс Грег, доктор философии по политическим наукам, профессор института российских и евроазиатских исследований Университета Уппсала, Швеция

Станис Дарья Владимировна, кандидат экономических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления, Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Российский университет дружбы народов» (РУДН), Москва, Российская Федерация

Томанн Пьер-Эммануэль, доктор философии по геополитике, Президент Eurocontinent (Брюссель, Бельгия), доцент Университета Лион III, университета Жана Мулена (Лион), профессор геополитики в ISSEP (Лион), Французская Республика

Федорченко Сергей Николаевич, доктор политических наук, профессор кафедры политологии и права, заместитель декана факультета истории, политологии и права по научной работе Государственного образовательного учреждения высшего образования Московской области «Московский государственный областной университет» (МГОУ); главный редактор «Журнала политических исследований» Москва, Российская Федерация

ЖУРНАЛ ПОСТСОВЕТСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Издается Центром исследований постсоветских стран (ЦИПС), Москва, Россия

ISSN: 2618-7426 (online)

8 выпусков в год.

Тематика журнала в терминах действующей номенклатуры специальностей научных работников:

5.6.7 – История международных отношений и внешней политики – отрасль науки (исторические)

5.5.4 – Международные отношения – отрасль науки (политические)

Издается при научно-методической поддержке Центра исследований постсоветских стран (ЦИПС).

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, Electronic Journals Library Cyberleninka, и Google Scholar.

Языки: русский, английский, французский, немецкий.

Официальный сайт журнала: <https://www.postussr.org>.

Цель и тематика

Перед журналом «Постсоветские исследования» ставится цель публикация материалов на основе комплексного междисциплинарного изучения существующих проблем и тенденций развития постсоветского пространства. В фокусе публикуемых исследований – анализ внешнеполитических концепций, стратегий и приоритетов бывших республик СССР, вызовов и угроз, с которыми они сталкиваются в условиях формирования новой полицентричной системы международных отношений. Тематическая направленность издания обуславливает необходимость привлечения в качестве авторов публикаций представителей экспертно-аналитического сообщества стран-участниц СНГ и Грузии из числа профессорско-преподавательского состава ведущих ВУЗов, независимых исследовательских центров, специалистов и официальных лиц различных уровней.

Характерной чертой журнала является то, что он отражает широкий спектр мнений специалистов, читатель получает комплексное представление о национальных интересах стран СНГ и их преломлении во внешнеполитических доктринах. Перечень тематических разделов издания включает рубрики, предполагающие анализ внешней политики и вопросов безопасности стран постсоветского зарубежья, внутривосточных процессов, социально-экономических и проблем.

В первую очередь к публикации принимаются статьи по приоритетным постоянным рубрикам журнала, к которым относятся «Страны СНГ в мировой политике и экономике», «Внешняя политика стран СНГ», «Интеграционные процессы в регионе СНГ», «Конфликтный потенциал в регионе СНГ».

Тематический портфель на 2023 г., следующий:

№ 3 2023	Республика Узбекистан в мировой политике и международных отношениях	до 01.03.2023 г.
№ 4 2023	Номер не тематический	до 01.04.2023 г.
№ 5 2023	Постсоветский кинематограф в настоящем и будущем	до 01.05.2023 г.
№ 6 2023	Номер не тематический	до 01.09.2023 г.
№ 7 2023	Номер не тематический	до 01.10.2023 г.
№ 8 2023	Номер не тематический	до 01.11.2023 г.

Правила представления рукописей размещены на сайте журнала <https://www.postussr.org/avtoram>.

Почтовый адрес:

117133, Москва, Россия, ул. Академика Виноградова, д. 10, к. 2
e-mail: article@postussr.org

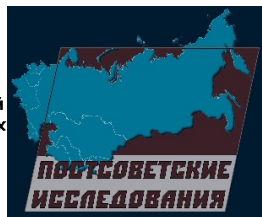
Фактический адрес:

117133, Москва, Россия, ул. Академика Виноградова, д. 10, к. 2
e-mail: article@postussr.org

© К.П. Курылев, 2023

Центр
исследований
постсоветских
стран

JOURNAL POST-SOVIET STUDIES

2023 VOLUME 6 No. 1

[http://](http://www.postussr.org) <https://www.postussr.org>

Electronic journal

Founded in 2018

The edition is registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Communications, information technologies and mass communications.

Registration certificate: ЭЛ № ФС 77 – 71895 from 13.12.2017

Founder: Konstantin Petrovich Kurylev

EDITORIAL COUNCIL

EDITOR-IN-CHIEF

Konstantin P. Kurylev
Doctor in History, Professor,
RUDN University,
Moscow, Russia
kuryljov@narod.ru

DEPUTY EDITOR

Nikolay P. Parkhitko
PhD in History, Assistant Professor
RUDN University,
Moscow, Russia
scharnchorst@mail.ru

DEPUTY EDITOR

Mara Sh. Gubaydulina
Doctor in History, Professor,
KazNU Al-Frabi,
Almaty, Republic of Kazakhstan,
maragu@mail.ru

EXECUTIVE SECRETARY

Nadejda G. Smolik
Senior Lecturer RUDN University,
Moscow, Russia,
nadian@list.ru

EDITORIAL BOARD

Aglyan Vaagn Robertovich, PhD in History, Head of the Department of Public Administration, Yerevan State University, Yerevan, Republic of Armenia

Archana Upadhyay, PhD in Political Sciences, Professor, Head of the Center for Russian and Central Asian Studies, School of International Studies of the Jawaharlal Nehru University, New Delhi, Republic of India

Avatkov Vladimir Alekseevich, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Leading Researcher at the Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAS), Head of the Department, Middle and Post-Soviet East, Chief Editor of the journal "Near and Post-Soviet East", Moscow, Russian Federation

Beibutova Risbyubyu Aldzhambaevna, PhD in Philology, Dean of the Faculty of International Relations and Oriental Studies of the J. Balasagyn Kyrgyz National University, Bishkek, Kyrgyz Republic

Degterev Denis Andreevich, Doctor in Political Sciences, Head of the Department of Theory and History of International Relations, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Dostanko Elena Anatolyevna, PhD in History, Dean of the Faculty of International Relations of the Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus

Esdauletova Ardak Melsovna, Doctor of History, Professor of the Department of International Relations of the L.N. Gumilev Eurasian National University, Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan

Fedorchenko Sergey Nikolaevich, Doctor in Political Sciences, Professor of the Department of Political Science and Law, Deputy Dean of the Faculty of History, Political Science and Law for Scientific Work of the Moscow State Regional University

(MSOU); Editor-in-Chief of the "Journal of Political Studies" Moscow, Russian Federation

Gushchin Aleksandr Vladimirovich, PhD in History, Leading Researcher at the Institute of Post-Soviet and Interregional Studies of the Russian State University, Associate Professor, Moscow, Russian Federation

Ibraeva Elmira Alpamisovna, Doctor of History, Vice President, Kazakhstan Academy of Information and Business, Almaty, Republic of Kazakhstan

Ibrahimov Alimusa Gulmusa, PhD in political Sciences, lecturer at the Department of International Relations of the Baku State University, Baku, Republic of Azerbaijan

Lapenko Marina Vladimirovna, PhD in History, Associate Professor of of the Department of Comparative Political Science, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Maitdinova Guzel Maitdinovna, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Foreign Regional Studies and Foreign Policy (RTSU), Director of the Centre for Geopolitical Studies of the RTSU, Corresponding Member of the Tajik Academy of Architecture and Construction, Dushanbe, Republic of Tajikistan

Markedonov Sergey Miroslavovich, PhD in History, Leading Researcher, Center for Euro-Atlantic Security at the MGIMO Institute for International Studies, Moscow, Russian Federation

Mavlanov Ibragim Radjabovich, Doctor of Economics, Professor of the MFI Department of the University of World Economy and Diplomacy of the Republic of Uzbekistan, Dean of the Faculty of Practical Diplomacy of the Diplomatic Academy of the Republic of Uzbekistan, Tashkent, Republic of Uzbekistan

Nygussie Kassae Wolde Mikael, Doctor in History, Professor of the Department of Theory and History of International Relations, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Poloskova Tatyana Viktorovna, Doctor in Political Science. State Councilor of the Russian Federation, First Class, Chairman of the Interregional Public Movement "Eurasian People's Union". Member of the Expert Council on Social and Humanitarian Programs at Rossotrudnichestvo, Moscow, Russian Federation

Roberts Kari, PhD in Political Sciences, Associate Professor of Political Science in the Department of Economics, Justice, and Policy Studies at Mount Royal University in Calgary, Canada

Rzkhiladze Gulbaat Viktorovich, PhD in Politics, Director of the Institute of Eurasia, Tbilisi, Georgia

Sakwa Richard, PhD in Political Sciences, Professor of Russian and European politics at the University of Kent, The UK

Simons Greg, PhD in Political Sciences, Professor of the Institute for Russian Studies, Uppsala University, Sweden

Stanis Daria Vladimirovna, PhD in Economics, Associate Professor, Department of the Public and Municipal Administration of RUDN University, Moscow, Russian Federation

Thomann Pierre-Emmanuel, PhD in Geopolitics, President of Eurocontinent (Brussels, Belgium), Associate Professor at Lyon III University, Jean Moulin University (Lyon), Professor of Geopolitics at ISSEP (Lyon), French Republic

Zeleneva Irina Vladimirovna, Doctor in History, Professor of the Department of World Politics, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

Zhiltsov Sergey Sergeevich, Doctor in Political Science, Head of the Department of Political Science and Political Philosophy, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

JOURNAL POST-SOVIET STUDIES

Published by the Center for Post-Soviet Studies, Moscow, Russian Federation

ISSN: 2618-7426 (online)

Periodicity - 8 issues per year

Subjects of the journal in terms of the current nomenclature of scientific specialties:

5.6.7 - History of international relations and foreign policy (Historical sciences)

5.5.4 - Political problems of international relations and global and regional development (Political science)

The journal is published with the scientific and methodological support of the Center for Studies of Post-Soviet Countries (CSPSC).

Journal materials are posted on the RISC platform of the Russian Scientific Electronic Library, Electronic Journals Library Cyberleninka, and Google Scholar. Languages: Russian, English, French, German.

Aims and Scope

The journal "Post-Soviet Studies" aims to publish materials based on the integrated interdisciplinary study of relevant problems and trends of the post-Soviet region. The research of the journal is focused on the analysis of foreign policy concepts, strategies and priorities of the former Soviet republics, the challenges and threats they face in the context of the formation of the new polycentric system of international relations. Thus, determines the involvement of representatives of the expert and analytical community of the CIS countries and Georgia including the staff of leading universities, independent research centers, specialists, and officials of wide professional specters as authors of publications.

A characteristic feature of the journal is that it reflects a wide range of professional opinions and gives the reader a comprehensive idea of the national interests of the CIS countries and their refraction in foreign policy doctrines. The list of thematic sections of the publication includes the headings suggesting the analysis of foreign policy and security issues of the countries of the former Soviet republics, internal political processes, economic and social problems.

First of all, the articles based on the priority permanent agenda that includes "CIS countries in world politics and economy", "Foreign policy of the CIS countries", "Integration processes in the CIS region", "Conflict potential in the CIS region", "Political portraits" are welcomed in journal for further publication.

Upcoming issues for 2023 will deal with the following issues:

№ 3 2023	The Republic of Uzbekistan in world politics and international relations	Until 01.03.2023 г.
№ 4 2023	Non-thematic issue	Until 01.04.2023 г.
№ 5 2023	Post-Soviet cinema in the present and future	Until 01.05.2023 г.
№ 6 2023	Non-thematic issue	Until 01.09.2023 г.
№ 7 2023	Non-thematic issue	Until 01.10.2023 г.
№ 8 2023	Non-thematic issue	Until 01.11.2023 г.

Manuscript submission rules are posted on the journal website.
<https://www.postussr.org/avtoram>

Postal Address of the Editorial Board:

10/2 Academic Vinogradova str., 117133, Moscow, Russia
e-mail: article@postussr.org

Actual Address of the Editorial Board:

10/2 Academic Vinogradova str., 117133, Moscow, Russia
e-mail: article@postussr.org

Содержание

ГЕОПОЛИТИКА И ГЕОЭКОНОМИКА

Гребнев Р.Д. Геополитическая субъектность и геополитическая идентичность10

Якубов И.Х. Подрыв газопроводов «Северный поток» и «Северный поток-2» как угроза энергетической безопасности на постсоветском пространстве20

ТЕРРОРИЗМ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Мурадова А. Г., Таяновский М. В., Сэнсук Д. Социальные сети как инструмент для пропаганды терроризма и противодействие террористическим структурам в СМИ в странах СНГ30

Федина С.В., Суруш Х.Х., Якуба А.Я. Контртеррористическое взаимодействие Индии и Таджикистана.....42

Ма Вэньвэнь Борьба Китая с международным терроризмом в Восточном Туркестане.....56

РЕГИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Санакоев И.Б., Плиев С.М., Смолик Н.Г., Кулумбегова Л.Т. Перспективы признания непризнанных государств постсоветского пространства со стороны международного сообщества.....63

Итяшева Д.Р., Лушина А.А., Чекрыгина Д.Д. Новый режим в Афганистане как вызов безопасности Республики Таджикистан.....76

Дин Синьи Основные вызовы межкультурного взаимодействия в рамках интеграционных процессов на пространстве ШОС.....87

ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Пархитько Н.П. Формирование технологической независимости СССР. Преемственность опыта для России на примере КБ Туполева (К 100-летия основания КБ).....97

ПРОБА ПЕРА

Каримова М.И. Характер и особенности таджикско-российских отношений (1991-1997).....107

Contents

GEOPOLITICS AND GEOECONOMICS

Grebnev R.D. Geopolitical Subjectivity and Geopolitical Identity.....10

Yakubov I.Kh. Sabotage of the Nord Stream and Nord Stream 2 gas pipelines as a threat to energy security in the post-Soviet space20

TERRORISM IN THE POST-SOVIET REGION

Muradova A.M., Tayanovskiy M.V., Sansuk J. Social networks as a tool for promoting terrorism and countering terrorist structures in the media in the CIS countries.....30

Fedina S.V., Holov S.H., Yakuba AY. Counter-terrorism cooperation between India and Tajikistan.....42

Ma Wenwen China's fight against international terrorism in East Turkestan.....56

REGIONAL SECURITY

Sanakoev I.B., Pliev S.M., Smolik N.G., Kolumbegova L.T. Classification and forms of existence of unrecognized states63

Ityasheva D.R., Lushina A.A., Chekrygina D.D. Afghanistan's New Regime as a Challenge to the Security of the Republic of Tajikistan..... 76

Ding Xinyi The main challenges of intercultural interaction in the integration processes in the SCO region.....86

TECHNOLOGICAL SECURITY

Parkhitko N.P. Formation of Soviet technological independence. Continuity of experience for Russia on the example of the Tupolev Bureau (To the 100th anniversary of the Bureau foundation).....97

FIRST STEP

Karimova M.I. Character and features of Tajik-Russian relations (1991-1997).....107

ГЕОПОЛИТИКА И ГЕОЭКОНОМИКА / GEOPOLITICS AND GEOECONOMICS

Научная статья/ Research article

Геополитическая субъектность и геополитическая идентичность

Р. Д. Гребнев

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

E-mail: grebnev-rd@rudn.ru

Аннотация. В статье опубликованы результаты исследования, посвященного особенностям геополитического подхода к пониманию субъектности и идентичности. Результаты исследования были получены при использовании общенаучных и специальных методов политических наук и смежных с ними. Методологическую основу исследования составили системный, исторический, эволюционный и глобалистический подходы. Концепция многополярности предъявляет государствам новые требования по позиционированию статуса, роли и места государства в многополярном мире. Конститутивными признаками государства или союза государств в многополярном мире являются геополитическая субъектность и геополитическая идентичность. В статье обосновано, что под геополитической субъектностью понимается способность политического образования осуществлять экспансию любого вида или противостоять экспансии другого политического образования. Структурным элементом сложной многомерной системы геополитической субъектности является геополитическая идентичность. Геополитическая идентичность формируется интегральным образом и представляет собой как целостное единство всех видов социальной идентичности, так и часть интегральной совокупности известных видов социальной идентичности.

Ключевые слова: геополитика, геополитическая субъектность, геополитическая идентичность, национальная идентичность, многополярность.

Для цитирования: Гребнев Р.Д. Геополитическая субъектность и геополитическая идентичность // Постсоветские исследования. 2023; 1(6):10-19

Geopolitical Subjectivity and Geopolitical Identity

Ruslan D. Grebnev

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia

E-mail: grebnev-rd@rudn.ru

Abstract. The paper contains the research results of a study aimed to substantiate the geopolitical approach to subjectivity and identity meanings. The results of the study were obtained using general and special research methods of political studies and related ones. The methodological basis of the study was made up of systemic, historical, evolutionary and globalistic approaches. The concept of multipolarity imposes new requirements for positioning the status, role and place of the state in a multipolar world. The constitutive features of a state or a union of states in a multipolar world are geopolitical subjectivity and geopolitical identity. The article substantiates that geopolitical subjectivity is understood as the ability of a political entity to carry out expansion of any kind or to resist the expansion of another political entity. A structural element of a complex multidimensional system of geopolitical subjectivity is geopolitical identity. Geopolitical identity is formed in an integral way and represents both an integral unity of all types of social identity, and a part of an integral set of known types of social identity.

Keywords: geopolitics, geopolitical subjectivity, geopolitical identity, national identity, multipolarity.

For citation: Ruslan D. Grebnev. Geopolitical Subjectivity and Geopolitical Identity // Postsovetskie issledovaniya = Post-Soviet Studies. 2023;1(6): 10-19 (In Russ.).

Введение. Концепция многополярности предъявляет государствам новые требования по позиционированию статуса, роли и места государства в многополярном мире. Конститутивными признаками государства или союза государств в многополярном мире являются геополитическая субъектность и геополитическая идентичность.

Реализация концепции многополярности мира подразумевает создание новых межконтинентальных, континентальных и региональных блоков государств Австралии и Океании, Азии, Африки, Европы и Латинской Америки наряду с существующими союзами, в которых доминируют США и их сателлиты. Поиск роли и места государств в многополярном мире требует концептуализации их самобытности и других основ для совместной внешнеполитической деятельности.

Концепция русского мира находится в переходной стадии своего становления от идеологии византизма к мировоззрению евразийства. Россия является срединным культурно-цивилизационным и геополитическим образованием в Евразии. Сторонники евразийства связывают срединное положение России в Евразии с ее предназначением выступать за соблюдение прав народов на культурную самобытность в Евразии и, следовательно, в многополярном мире.

Цель и задачи. Целью настоящего исследования является концептуализация геополитического подхода к пониманию субъектности и идентичности.

Для достижения указанной цели в работе решаются следующие задачи:

– выявить и описать природу геополитической субъектности и геополитической идентичности;

– раскрыть особенности содержания и структуры геополитической субъектности и геополитической идентичности;

– обосновать соотношение геополитической субъектности и геополитической идентичности как взаимосвязанных концептов геополитической топики.

Истинность основ геополитического подхода, в частности базовых тезисов

геополитики о неизбежности экспансии, подвижности границ, а также верности органицистского подхода к пониманию государства, обоснованных Фридрихом Ратцелем в Политической географии, подтверждается исторически. Тем не менее, некоторые элементы теории геополитики остаются познанными лишь на фундаментальном философском уровне. Такие явления остаются понятными только ученым и специалистам с высоким уровнем компетенций в области геополитики. Одним из таких элементов геополитической теории является термин «жизненная энергия». Государство может расширять свои территории, если имеет на это «жизненную энергию», ресурсы и волю. Государство может терять свои территории, не имея «жизненной силы» сопротивляться другому государству, осуществляющему экспансию. Другими словами, от «жизненной энергии» зависит способность государства осуществлять экспансию или противостоять экспансии другого государства. [Ратцель 1898: 52-59]

В общественных науках способность субъекта быть полноправной стороной отношений принято называть субъектностью. Нам представляется обоснованным называть способность политического образования (государства или союза государств) расширять свои территории и сопротивляться другому политическому образованию, осуществляющему экспансию, геополитической субъектностью.

Геополитическая субъектность и «жизненная энергия» политического образования характеризуется множеством показателей, основные из них: численность населения, протяженность границ, численность и вооружение армии, уровень развития гражданской и военной инфраструктуры, уровень экономического развития, политическая стабильность, а также наличие коллективной идентичности. За исключением коллективной идентичности все перечисленные показатели являются управляемыми и достижимыми посредством государственной политики и государственного управления. Коллективная

идентичность в свою очередь является комплексным геополитическим феноменом.

Откуда происходит термин «идентичность»? Средневековая латынь отражает «многообразные связи между латинянами (или их предками) и иноязычными племенами, с которыми они вступали в исторический контакт» [Тронский 2001: 39]. В отличие от классической «церковной» латыни средневековая латынь получила широкое распространение в мире как язык науки, права и литературы. Латынь менялась в удовлетворение языковых потребностей латинян в ходе романизации иноязычных народов. Неспроста в текстах, изложенных на средневековой латыни, появляется слово «*identicus*», означающее «тождественный» или «одинаковый». Римская гегемония распространялась в Европе, Африке и Азии, в результате чего возникало смысловое противопоставление «свой – чужой», которое требовало своего языкового обозначения. Экспансия Рима осуществлялась в разных формах от кровопролитных войн до дипломатии, поскольку некоторые народы различного этногенетического происхождения принципиально не могли принять романизацию своей культуры, а некоторые в большей степени воспринимали римскую культуру. Противопоставление «свой – чужой» не способно в полной мере охарактеризовать народы различного этногенетического происхождения, объединенные в крупное многонациональное политическое образование. Поэтому в соответствии с римским правом население Римской Республики, а позднее Римской Империи, составляли квириды (полноправные граждане Рима), латинские граждане (не имевшие права на военную службу и участие в голосованиях), перегрины (иностранные неграждане Рима) и дедитиции (представители сдавшихся после длительного сопротивления Риму племен, не имевшие практически никаких прав). [Ульянищев 2012: 72] От средневекового латинского слова «*identicus*» происходит один из ключевых терминов геополитической топики – идентичность.

Свойство идентичности или тождественности подразумевает наличие как минимум двух соотносимых друг с другом субъектов. Множество признаков, по которым проводится оценка тождественности, породило такое же множество видов коллективной идентичности: этническая, национальная, классовая, религиозная, культурная, языковая и прочие виды социальной идентичности. Очевидно, что перечисленные признаки тождественности являются разносистемными элементами, которые, однако, корреспондируют между собой, но лишь отчасти. Так, например, культурная идентичность участвует в формировании общей социальной идентичности политического образования лишь в том объеме, в котором ценности народов различного этногенетического происхождения, составляющих политически самоопределяющуюся нацию, принципиально не противоречат друг другу.

При применении лингвокультурологического подхода можно проследить, как языковая идентичность участвует в формировании общей социальной идентичности. Например, слово «мир» имеет два значения в русском языке. Мир как не война и мир как пространство синтезируются в концепции «русского мира», буквально означающего пространство, состояние мира в котором гарантируется Россией. Лингвокультурологические особенности русского языка определяют смысл указанной геополитической концепции. Синтез всех существующих признаков тождественности холистическим образом формирует общую социальную идентичность, позволяющую отличать «своих» от «чужих», вплоть до конструирования образов союзника и врага. Социальную идентичность общегосударственного масштаба принято называть национальной идентичностью.

Изменение каких-либо характеристик коллективной идентичности опосредованно влияет на характеристики национальной идентичности. Например, национальная идентичность современного Ирана приобрела свои очертания после того, как Шах Исмаил, основавший Империю

Сефевидов, распространил шиизм на территории Персидского плато. Появление нового могущественного шиитского государства в регионе стало предпосылкой для объединения шиитских общин в Западной Азии, способных противостоять экспансии суннитских сил Османской Империи на Западе и Узбекского ханства на Востоке. [Reisinezhad 2022: 165-198]

Национальную идентичность как совокупность устойчивых характеристик нации следует отличать от национальной идентичности, характеризующей народы многонациональных государств по признаку национальности. В мононациональных государствах национальная идентичность понимается однозначно. Национальная идентичность как выражение политического самоопределения и самосознания играет важную роль в выработке государственной политики и официальных позиций современных государств по международной политической повестке. Проведенный немецкими учеными анализ выступлений канцлера Германии, министров иностранных дел и лидеров парламентских групп по вопросам войны в Йемене и Южном Судане показал, каким образом немецкая политическая элита фактически замалчивает массовые нарушения международного гуманитарного права. Авторы указанного исследования пришли к выводу, что «неупоминание, тривиализация и фреймирование обстоятельств международных конфликтов является структурной чертой «несоответствия идентичности» [Hering 2022: 608-634].

Национальная идентичность также применяется в международных отношениях как критерий принятия внешнеполитических решений. Очевидно, что чем сложнее этногенетический, религиозный, культурный и т.д. состав политически самоопределяющейся нации, тем выше ее потенциал развития в контексте устойчивых меж- и транс- национальных коммуникаций. И наоборот, чем однороднее состав национальной идентичности, тем выше вероятность формирования таких установок в обществе, которые направлены на сегрегацию и рознь. Как показывает история, в определенных условиях однородный

состав нации может привести к государственной идеологии нацизма и сепаратизма.

Устойчивое развитие государств и международных отношений с их участием приводит к формированию стратегической национальной идентичности. Стратегическая идентичность выходит за рамки политических границ, распространяясь на геополитический ландшафт. [Ngwa 2021: 1757-1779] При формализации миссии и стратегических целей нации, определении измеримых задач, подборе методов достижения результатов и последовательной внешнеполитической деятельности государства происходит трансформация национальной идентичности в стратегическую. Стратегическая национальная идентичность является предпосылкой возникновения геополитической идентичности.

Геополитике свойственно применение метода социального обобщения, в связи с чем предполагается, что геополитическая идентичность формируется кумулятивным образом из всего множества форм национальной идентичности политически самоопределяющихся наций, способных к совместной внешнеполитической деятельности. [Zargar 2022: 127-164] При этом «ядро» геополитической идентичности включает в себя только те характеристики национальной идентичности способных к совместной деятельности политических образований, которые совместимы или не противоречат друг другу. Геополитическая идентичность формируется интегральным способом. Такой вид идентичности является более сложной системой по сравнению с национальной идентичностью и другими видами коллективной идентичности. Таким образом, например, общая шиитская идентичность Азербайджана и Ирана могла бы предопределить близкие отношения между ними, а языковая и национальная идентичности Азербайджана объясняют его сближение с Турцией, но только геополитической идентичностью возможно объяснить активное развитие международного сотрудничества между Азербайджаном и Израилем. [Abbasov 2022: 139-153]

Согласно кибернетической эпистемологии, сложная система приобретает новые характеристики по сравнению с совокупностью характеристик элементов, формирующих ее интегральным образом. [Василенко 2016: 16-17] Геополитическая идентичность является наиболее устойчивой саморазвивающейся системой. Такой вид идентичности свойственен цивилизациям в геополитическом значении этого термина.

В научный оборот понятие двух основных «номосов земли» ввел Карл Шмитт. Номос земли по К. Шмитту – это первоисточник всех социальных норм, социальных и политических концепций. В соответствии с первым «номосом земли» общество занимает никем не занятые территории, осмысливает и наполняет качеством пространство, в котором формируются социальные и политические концепции общества. Всем обществам первого «номоса земли» свойственны традиционные ценностные ориентиры: религиозность, приоритетность духовного над материальным, патриотизм, коллективизм, историческая память, семейственность и т.д.. В контексте российского подхода традиционные ценности понимаются как «нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшие свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России» [Указ 2022]. По второму «номосу земли» общество захватывает уже занятые другим обществом территории. [Шмитт 2008: 19] Со времен Битвы на Курукшетре, согласно эпосу «Махабхарате» произошедшей на территории современной Северной Индии, не зависимо от существующих подходов к вопросу об историчности Битвы или ее литературном и философском значении, этическое обоснование захвата власти зачастую связано с отрицанием традиционных ценностей.

В обществе первого «номоса» Древней Руси от Русской Правды произошло слово «право», а с приходом общества второго «номоса земли» наряду со словом «право», как концептуальным выражением правды в оборот было введено слово «закон», означающее отклонение от «кона» (от старославянского – традиция, обычай). Обществу первого «номоса земли» свойственен социальный концепт «воля», означающий свободу, ограниченную долгом (воинским, религиозным, материнским, профессиональным и т.д.). А общество второго «номоса земли» придерживается концепции «свободы», ограниченной лишь свободой другого человека. Если в традиционном обществе первого «номоса земли» распространено самовоспитание посредством покаяния, внутреннего джихада и пр., то в обществе второго «номоса земли» более распространены практики безусловного принятия всех своих внутренних качеств. Общество второго «номоса земли» на интуитивном уровне воспринимает нетрадиционные ценностные ориентиры. История конфликта традиционных и нетрадиционных систем ценностей имеет давнюю историю. Противостояние Спарты и Афин, Рима и Карфагена, СССР и США имеет ту же природу.

Научный задел Карла Шмитта позволяет утверждать, что первый и второй «номосы земли» определяют два основных типа цивилизаций в геополитическом смысле этого слова. Следовательно, два основных вида геополитической идентичности характеризуются приверженностью традиционным или нетрадиционным ценностям соответственно.

Классиками геополитики была разработана геополитическая концепция цивилизации. Альфред Мэхэн сформулировал теорию морского могущества, в которой были определены цели и методы экспансии, направленной на установление доминантных торговых отношений. Гарантией успеха такого вида экспансии служит военное превосходство и контроль над торговыми путями. [Мэхэн 2017: 3] Ориентированность экспансии на материальные ценности карфагенского типа

характеризует общество «морского могущества» как общество второго «номоса земли». Хэлфорд Макиндер впоследствии назвал совокупность обществ «морского могущества» Цивилизацией Моря, а ее антагониста – Цивилизацией Суши, источник которой расположен в «Heartland» – «сердечной земле» Евразии, на территории Российской Империи.

Основной закон геополитики о дуальности мира получил свое развитие в «Большой игре» Х. Макиндера. «Большая игра» заключается в борьбе цивилизаций Моря и Суши за влияние над «Rimland», территориями, находящимися между двумя конфликтующими по своей природе цивилизациями, в первую очередь в континентальной Европе, но и на других континентах. Геополитическая интенция Цивилизации Моря направлена на «вдавливание» Цивилизации Суши вглубь материка, а Цивилизация Суши стремится занять все континентальное или материковое пространство, как это выражено в современной политической мысли «от Владивостока до Лиссабона» и от холодных северных морей до теплых южных. Необходимо отметить, что борьба за «Rimland» или «береговую линию», которая условно разделяет цивилизации Суши и Моря, друг от друга породила геополитику Берега, отрицающую геополитическую дуальность мира. Согласно классическому геополитическому подходу Rimland обладает переменчивой или производной геополитической идентичностью.

От геополитической идентичности государств зависит возможность и устойчивость их политических, экономических и военных союзов. В этой связи членство Великобритании в Европейском Союзе изначально имело отрицательную перспективу в силу различия геополитической идентичности англосаксонских народов и народов континентальной Европы. [Mosca 2022: 183-196] Брексит – это процесс выхода Великобритании из Европейского Союза, который детерминирован, в первую очередь, существенными различиями геополитической идентичности британцев и романо-германских народов.

Бельгийские исследования в области геополитической идентичности Европейского Союза доказывают распространение трех дискурсивных артикуляций идентичности объединенной Европы в международных отношениях: а) «Единство в разнообразии», демонстрирующее Европу как модель организации «большого пространства»; б) «совместное творчество», продвижение диалога и взаимности; и в) «обмен сообщениями», изображающий Россию экзистенциальной угрозой. [Valenza 2022] Противопоставление европейской геополитической идентичности российской характеризует современную геополитику Берега как производную геополитики Моря. Исключением из указанной тенденции можно считать внешнюю политику Венгрии. Неспроста в геополитических научных изданиях, публикующих результаты исследований, направленных на распространение атлантизма, происходят попытки обосновать, что национальная идентичность Венгрии имеет «слабую историческую и географическую основу», а географическое положение Венгрии, имеющее геополитическое значение, называют «воображаемым». [Richardson 2022: 779-786] Геополитика Берега не всегда является производной геополитики Моря. Ярким примером отхода Rimland от геополитики Моря было решение Шарля де Голля по выходу Франции из НАТО в 1966 г.

Несформированная геополитическая идентичность государства, а равно и подмена геополитической идентичности буквально означает отсутствие геополитической субъектности и неспособность осуществлять или противостоять экспансии. При отсутствии собственной геополитической идентичности суверенитет государств в той или иной форме нарушается государствами, обладающими геополитической субъектностью. При несформированной геополитической идентичности ее функции в ограниченном объеме выполняет национальная идентичность, при отсутствии последней – другой вид коллективной идентичности, выходящей за пределы политических границ. Как писал Ф. Ратцель, «человечество всегда чувствовало

потребность в объединяющих идеях. Уже у первобытных народов находим мы поэтому религиозную связь впереди политической. Религиозное единство выходит далеко за пределы политических границ... Национальные идеи, политическую силу которых доказывает новейшая история Германии и Италии, близки к религиозным, поскольку они опираются более на темное чувство, чем на ясное сознание».[Ратцель 1898: 98-108] «Ясное сознание» представляется истинной геополитической идентичностью, которая детерминирована совокупностью особенностей окружающей среды, онтологических характеристик общества и его политических концепций.

Политические границы и границы геополитической идентичности могут совпадать лишь в исключительных случаях. Общества, обладающие единой геополитической, национальной или коллективной идентичностью более простого порядка естественным образом стремятся к объединению в единое политическое образование: государство, союз государств или их альянс. Подтверждением данного тезиса является феномен политики ирредентизма, определение которого возникло в Италии во второй половине XIX века. В первую очередь итальянский ирредентизм был направлен на освобождение территорий Австро-Венгрии, на которых проживали этнические итальянцы. Отделение Техаса от Мексики в 1836 г. и его последующая аннексия Соединенными Штатами Америки тоже может рассматриваться в призме современной теории ирредентизма. [Woodwell 2022: 418]

Современные исследования в области политической географии подтверждают обоснованность гипотезы о необходимости перехода от идеи демаркации идеальной границы для достижения стабильного геополитического порядка к парадигме границ, облегчающих социальную дифференциацию между различными группами людей. Устойчивость государственных границ повышается при условии, если границы обладают социальной силой. Такой подход к пониманию границ относится к постмодернистским течениям в

геополитике, и он характеризуется отходом от договорных границ между государствами к более культурному понятию, напрямую связанному с вопросами геополитической идентичности.[Dutta 2022: 252-272] Однако реализацию предложенного подхода осложняет то обстоятельство, что на границах соседних государств, имеющих различную геополитическую идентичность возникает феномен общества переходной или двойной геополитической идентичности.

Переходная или двойная геополитическая идентичность обладает переменчивыми характеристиками. Точно так же, как геополитика Берега характеризуется приоритетностью национального интереса над приверженностью какой-либо цивилизации в геополитическом смысле этого термина, общество двойной идентичности опирается на частные и личные интересы при выборе геополитической идентичности. Показательным примером выбора геополитической идентичности является история возникновения современной Республики Хорватия. Благодаря западно-католическому наследию, на фоне слабеющей идеологии балканизма Хорватия сконструировала свою собственную идентичность и узаконила свои европейские устремления [Melis 2022: 102578], создав предпосылки для дальнейшего распада Югославии, завершившейся по итогам военной агрессии США.

Распространение геополитической идентичности одного государства на общество другого государства может означать и опосредованное распространение политической власти. Например, большинство этнических китайцев, проживающих на севере Таиланда, в настоящее время являются гражданами Таиланда, но их повседневная жизнь характеризуется общественными отношениями, урегулированными социальными нормами Китая, что проявляется в культуре, образе жизни и быта. Северный Таиланд является местом, где мы можем наблюдать переплетение политической власти Китая и Таиланда. Такой порядок открывает перспективы

феномена «глобального Китая». [Hung 2022: 417-439]

В данном контексте необходимо подчеркнуть, что миграция этнических групп одной геополитической идентичности на территорию государства другой геополитической идентичности, если таковая была допущена органами государственной власти, вовсе не означает абсолютную угрозу целостности и суверенитету государства. Распространение геополитической идентичности одного государства на территорию другого государства требует от политического руководства пересматривать подходы организации государственного управления и международной политики и устанавливать такие основы общественных отношений, которые свойственны федеративным многонациональным государствам. Как показывает история, государственное подавление идентичности такого этноса зачастую имеет обратный эффект, а именно сплачивает этническую группу, обладающую собственной коллективной идентичностью, что приводит к дальнейшей сегрегации, вплоть до вооруженного конфликта. Наиболее релевантным ответом на возможные негативные последствия миграции культурно самобытного народа одной геополитической идентичности на территорию государства другой идентичности является, во-первых, федерализация и конституционно-правовое

установление вопросов исключительного и совместного ведения федеральной власти и субъектов федерации, а во-вторых, разработка и реализация гибкой межнациональной внутренней политики государства.

Выводы. На основании изложенного представляется обоснованным утверждать, что геополитическая идентичность является предметом практического анализа геополитической субъектности. Геополитическая идентичность – это интегральный геополитический концепт, который представляет собой как целостное единство всех видов социальной идентичности, так и часть интегральной совокупности известных видов социальной идентичности. Геополитическая идентичность характеризуется сложной интегральной структурой, которую составляют не противоречащие друг другу элементы национальной идентичности государств, осуществляющих совместную внешнеполитическую деятельность.

Практическое значение геополитической идентичности заключается в том, что указанный геополитический концепт является элементом геополитической субъектности – свойства политического образования, связанного со способностью осуществлять экспансию любого вида или противостоять политическому образованию, осуществляющему экспансию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Василенко В.И., Кретов С.И., Федоров М.В.* Методологические основы исследования сложных социальных систем. // М.: РУДН, 2016. 55 с.
- Мэхэн А.* Влияние морской силы на историю. // Питер, 2017. 14 с.
- Ратцель Ф.* Политическая география (в изложении Л. Синицкого) // Землеведение. 1898. Кн. I–II. С. 52–59, 65–67, 70, 76, 78, 79–81, 88–94, 98–108; Кн. III–IV. С. 22, 23, 32–34, 36–42, 44, 52, 53, 56, 65, 66, 69.
- Тронский И.М.* Историческая грамматика латинского языка. Второе дополненное издание. // М.: Индрик, 2001. 577 с.
- Ульянищев В.Г.* Основы римского права. Учебное пособие. // М.: РУДН, 2012. 276 с.
- Шмитт К.* Номос земли в праве народов: перевод с немецкого К. Лощевского и Ю. Коринца под редакцией Д. Кузницына. // СПб.: Владимир Даль. 2008. 672 с.
- Abbasov N., Souleimanov E.A.* Azerbaijan, Israel, and Iran: An Unlikely Triangle Shaping the Northern Middle East. // Middle East Policy, 2022, vol. 29, no. 1, С. 139-153.
- Dutta S.* Changing Paradigms of Territory and Boundary Studies in Political Geography. // International Studies, 2022, vol. 59, no. 3, С. 252-272.

- Hering R., Stahl B.* When mass atrocities are silenced: Germany and the cases of Yemen, South Sudan, and Myanmar. // *Journal of International Relations and Development*. 2022, vol. 25, no. 3, C. 608-634.
- Hung P.* Interlacing China and Taiwan: Tea Production, Chinese-language Education and the Territorial Politics of Re-Sinicization in the Northern Borderlands of Thailand. // *China Quarterly*, 2022, vol. 250, C. 417-439.
- Melis C., Wise N., Badurina, J.D.* Geopolitical complexities of governmentality and Balkanism: Deconstructing UNESCO World Intangible Cultural Heritage discourses. // *Political Geography*, 2022, vol. 95, C. 102-578.
- Moskal M., Sime D.* Young Europeans in Brexit Britain: Unsettling identities. // *Global Networks*, 2022, vol. 22, no. 2, C. 183-196.
- Ngwa N.R., Akgün B.* Transformation of National Identity, Geopolitics and Nation Building in Post-colonial African States: The Cases of Cameroon and Senegal. // *Journal of Asian and African Studies*, 2021, vol. 56, no. 8, C. 1757-1779.
- Reisinezhad A., Sadeqi J.* The Battle of Chaldiran: A Geopolitical Narrative. // *Geopolitics Quarterly*, 2022, vol. 18, no. 67, C. 165-198.
- Richardson P.B.* Insecurity, incoherence, and imagined geographies in Central Europe. // *Eurasian Geography and Economics*, 2022. C. 779-786.
- Valenza D.* Fanning the flames? An exploration of EU discourse on culture in the Eastern Partnership. // *Journal of Contemporary European Studies*, 2022.
- Woodwell D.* Irredentism American Style? An Examination of Texan Secession and Accession and Its Implications for the Modern World. // *International History Review*, 2022, vol. 44, no. 2, C. 418.
- Zargar M.A., Jan-Ahmadi F.* Historical Explanation of the Geopolitical Factors Affecting the Urban Space of Toledo in the Umayyad Era. // *Geopolitics Quarterly*, 2022, vol. 18, no. 67, C. 127-164.

REFERENCES

- Vasilenko V.I., Kretov S.I., Fedorov M.V.* Metodologicheskie osnovy` issledovaniya slozhny`x social`ny`x sistem. // M: RUDN, 2016. 55 p.
- Mahan A.* Vliyanie morskoy sily` na istoriyu. // Piter, 2017. 14 p.
- Ratcel` F.* Politicheskaya geografiya (v izlozhenii L. Siniczko) // *Zemlevedenie*. 1898. B. I-II. P. 52-59, 65-67, 70, 76, 78, 79-81, 88-94, 98-108; Kn. III-IV. S. 22, 23, 32-34, 36-42, 44, 52, 53, 56, 65, 66, 69.
- Tronskij I.M.* Istoricheskaya grammatika latinskogo yazy`ka. Vtoroe dopolnennoe izdanie. // M.: Indrik, 2001. 577 p.
- Ul`yanishhev V.G.* Osnovy` rimskogo prava. Uchebnoe posobie. // M.: RUDN, 2012. 276 p.
- Shmitt K.* Nomos zemli v prave narodov: perevod s nemeczkogo K. Loshhevskogo i Yu. Korincza pod redakciej D. Kuznicyna. // SPb.: Vladimir Dal`, 2008. 672 p.
- Abbasov N., Souleimanov E.A.* Azerbaijan, Israel, and Iran: An Unlikely Triangle Shaping the Northern Middle East. // *Middle East Policy*, 2022, vol. 29, no. 1, P. 139-153.
- Dutta S.* Changing Paradigms of Territory and Boundary Studies in Political Geography. // *International Studies*, 2022, vol. 59, no. 3, P. 252-272.
- Hering R., Stahl B.* When mass atrocities are silenced: Germany and the cases of Yemen, South Sudan, and Myanmar. // *Journal of International Relations and Development*. 2022, vol. 25, no. 3, P. 608-634.
- Hung P.* Interlacing China and Taiwan: Tea Production, Chinese-language Education and the Territorial Politics of Re-Sinicization in the Northern Borderlands of Thailand. // *China Quarterly*, 2022, vol. 250, P. 417-439.
- Melis C., Wise N., Badurina, J.D.* Geo-political complexities of governmentality and Balkanism: Deconstructing UNESCO World Intangible Cultural Heritage discourses. // *Political Geography*, 2022, vol. 95, P. 102-578.
- Moskal M., Sime D.* Young Europeans in Brexit Britain: Unsettling identities. // *Global Networks*, 2022, vol. 22, no. 2, P. 183-196.

- Ngwa N.R., Akgün B.* Transformation of National Identity, Geo-politics and Nation Building in Post-colonial African States: The Cases of Cameroon and Senegal. // *Journal of Asian and African Studies*, 2021, vol. 56, no. 8, P. 1757-1779.
- Reisinezhad A., Sadeqi J.* The Battle of Chaldiran: A Geopolitical Narrative. // *Geopolitics Quarterly*, 2022, vol. 18, no. 67, P. 165-198.
- Richardson P.B.* Insecurity, incoherence, and imagined geographies in Central Europe. // *Eurasian Geography and Economics*, 2022. P. 779-786
- Valenza D.* Fanning the flames? An exploration of EU discourse on culture in the Eastern Partnership. // *Journal of Contemporary European Studies*, 2022.
- Woodwell D.* Irredentism American Style? An Examination of Texan Secession and Accession and Its Implications for the Modern World. // *International History Review*, 2022, vol. 44, no. 2, P. 418.
- Zargar M.A., Jan-Ahmadi F.* Historical Explanation of the Geopolitical Factors Affecting the Urban Space of Toledo in the Umayyad Era. // *Geopolitics Quarterly*, 2022, vol. 18, no. 67, P. 127-164.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Гребнев Руслан Дмитриевич – кандидат юридический наук, профессор Академии военных наук Российской Федерации, советник при ректорате РУДН по правовым вопросам. Москва, Россия. Email: grebnev-rd@rudn.ru

Ruslan D. Grebnev – PhD Law, Professor of the Russian Federation Academy of Military Sciences, RUDN University Legal Counsellor. Moscow, Russia. E-mail: grebnev-rd@rudn.ru

Подрыв газопроводов «Северный поток» и «Северный поток-2» как угроза энергетической безопасности на постсоветском пространстве

И. Х. Якубов

Университет мировой экономики и дипломатии, Ташкент, Узбекистан

E-mail: ildaryakubov@gmail.com

Аннотация. Произошедший в сентябре 2022 года подрыв газопроводов «Северный поток» и «Северный поток-2», соединявших Россию и Германию, стал первым подобным актом против трансграничной энергетической инфраструктуры континентального масштаба и глобального значения. Взрывы продемонстрировали уязвимость глобальной энергетической системы безопасности, ставя под сомнение надежность одного из ключевых способов доставки энергоресурсов от поставщика к потребителю. Энергетическая безопасность является одним из важнейших аспектов национальной, региональной и глобальной безопасности. На постсоветском пространстве основные объемы поставок нефти и газа идут посредством трубопроводов. В этой связи возрастают риски для всей нефте- и газопроводной системы, что актуализирует вопросы по обеспечению ее надежности и безопасности. Хотя основные сети трубопроводов непосредственно связаны с территорией России, тем не менее, наличие таких маршрутов доставок, как газопроводы из Центральной Азии в Китай и нефтепровод Баку-Тбилиси-Джейхан, подключают к данной проблеме таких влиятельных акторов, как Китай и Турция, выводя данное измерение обеспечения энергетической безопасности на новый уровень. В статье сделана попытка проанализировать риски и угрозы существующим трубопроводам, и предложить меры по их преодолению.

Ключевые слова: трубопроводы, природный газ, нефть, Россия, «Северный поток», ЕС, Китай, Центральная Азия, угроза, безопасность.

Для цитирования: Якубов И.Х. Антитеррористический фокус сближения Индии и Таджикистана // Постсоветские исследования. 2023;1(6):20-29.

Sabotage of the Nord Stream and Nord Stream 2 gas pipelines as a threat to energy security in the post-Soviet space

Ildar H. Yakubov

University of World Economy and Diplomacy, Tashkent, Uzbekistan

E-mail: ildaryakubov@gmail.com

Annotation. The explosion of the Nord Stream and Nord Stream 2 gas pipelines connecting Russia and Germany was the first act against cross-border energy infrastructure of a continental scale and global significance. The explosions in September 2022 have demonstrated the vulnerability of the global energy security system, calling into question the reliability of one of the key ways of supplying energy resources from the supplier to the consumer. Energy security is one of the most important aspects of national, regional and global security. In the post-Soviet space, the main volumes of oil and gas supplies go through pipelines. In this regard, the risks for the entire oil and gas pipeline system, which provides supplies and updates the issues of ensuring its reliability, increase. Although the main pipeline networks are directly connected to the territory of Russia, nevertheless, the presence of such delivery routes as gas pipelines from Central Asia to China and the Baku-Tbilisi-Ceyhan oil pipeline connect such influential actors as China, Turkey to this problem. It brings this dimension of energy security to a new level. The article attempts to analyze the risks and threats to existing pipelines and propose measures to overcome them.

Key words: pipelines, natural gas, oil, Russia, Nord Stream, EU, China, Central Asia, threat, security.

For citation: Ildar H. Yakubov Sabotage of the Nord Stream and Nord Stream 2 gas pipelines as a threat to energy security in the post-Soviet space // Postsovetskie issledovaniya = Post-Soviet Studies. 2023;1(6): 20-29 (In Russ.).

Введение. Трубопроводная система поставок нефти и природного газа традиционно считается одной из наиболее надежных в современном мире. Для стран постсоветского пространства такая система представляется безальтернативной. Созданная еще в СССР, трубопроводная система связывала территории России и самых отдаленных районов национальных республик. По трубопроводам осуществлялись советские поставки энергоресурсов в Западную Европу.

Надежность трубопроводных поставок никогда не подвергалась сомнению. В период холодной войны, даже в моменты эскалации напряженности, этот вопрос не был частью проблем энергетической безопасности. С распадом СССР основные маршруты поставок лишь дополнялись новыми трубопроводами. Надежность и безопасность поставок актуализировала перед Россией и новыми независимыми государствами, располагавшими соответствующим экспортным потенциалом, задачи строительства новых газо- и нефтепроводов, которые позволяли бы выйти на новые рынки или расширить доступ к уже имеющимся.

Локальные аварии или диверсии на трубопроводах, такие как, например, подрыв в 2009 г. газопровода «Давлетбат-Дариялык», являющего частью трубопровода «Средняя Азия – Центр», не угрожали системе поставок и, как правило, могли быть устранены в сжатые сроки¹. Однако подрыв газопроводов «Северный поток» и «Северный поток-2», произошедший 26 сентября 2022 г., кардинально меняет ситуацию в области безопасности и надежности трубопроводов как средства доставки энергоресурсов.

¹ Поставки туркменского газа в Россию временно прекращены. // DW, 09.04.2009. URL: <https://www.dw.com/ru/%D0%BF%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%B2%D0%BA%D0%B8-%D1%82%D1%83%D1%80%D0%BA%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B3%D0%BE-%D0%B3%D0%B0%D0%B7%D0%B0-%D0%B2->

К основным основным методам, использованным при подготовке статьи, относятся сравнительный анализ, давший возможность сопоставить ситуацию в области энергетической безопасности в отношениях России и ЕС и на постсоветском пространстве, метод историзма, позволивший изучить закономерности развития события, анализ документов, давший возможность обобщить имеющуюся информацию и сформулировать выводы и рекомендации и др.

Среди изученных научных работ можно выделить Д. Морган, Дж. Расселл [Morgan, Russell 2009], отмечавших, что энергоресурсы становятся частью вооруженных конфликтов современности. М. Клэр [Clare 2009], среди прочих аспектов, выделяла зависимость мировой экономики от энергопотребления как фактор роста локальных и даже региональных конфликтов. Дж. Миршаймер [Mearsheimer 2022] в своем анализе конфликта пытается определить место энергетического фактора. Дж. Купер Рамо Коопер [Cooper 2004] анализирует «ресурсный национализм», присущий в том числе государствам на постсоветском пространстве. А. Голдхау, Дж. Витт [Goldthau, Witte 2009] рассматривает вопросы глобального правления энергоресурсами. Кроме того, теоретическое и прикладное значение имели работы таких авторов, как С. Жизнин [Жизнин 2010] А. Морозов [Морозов 2014], Н.А. Симония [Симония 2007], Н.К. Семенова [Семенова 2013].

Трубопроводы как основное средство поставок нефти и природного газа постсоветского пространства

Основные объемы поставок нефти и природного газа на постсоветском

%D1%80%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D1%8E-%D0%B2%D1%80%D0%B5%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%BE-%D0%BF%D1%80%D0%B5%D0%BA%D1%80%D0%B0%D1%89%D0%B5%D0%BD%D1%8B/a-4164810 (дата обращения: 26.11.2022)

пространстве осуществляются посредством трубопроводов. Таким же образом происходят поставки стран-экспортеров, России, Азербайджана, Туркменистана, Казахстана и Узбекистана на рынки за пределами постсоветского пространства.

Российские международные трубопроводы связывают ее главным образом с ЕС и Китаем. Через территорию Украины посредством газопроводов «Уренгой – Помары – Ужгород», «Братство», «Прогресс» осуществлялись основные поставки природного газа на европейском направлении. Помимо этого, существует газопровод «Ямал-Европа», проходящий через территорию Беларуси¹. Наконец, в текущих условиях все более важное значение получает турецкое направление экспорта российского природного газа. Примечательно, что газопровод «Турецкий поток» проходит по морскому дну, как и газопроводы «Северный поток» и «Северный поток-2»².

Основные объемы поставок нефти из России в Европу проходили по нефтепроводу «Дружба», две ветки которого проходят через территории Беларуси и Украины. Около двух третей объемов нефти проходили по белорусскому направлению. Нефтепровод «Дружба» является крупнейшей магистральной сетью трубопроводов в мире³.

Важную роль играет также нефтепровод, принадлежащий Каспийскому трубопроводному консорциуму, общей протяженностью свыше 1,5 тыс км и соединяющему нефтяные месторождения западного Казахстана и с морским

терминалом под Новороссийском на Черном море. Помимо относительно небольших объемов российской нефти, по этому маршруту проходит свыше одной трети всех экспортных поставок нефти из Казахстана⁴.

Основным газопроводом, соединяющим Россию и КНР, является «Сила Сибири», крупнейший газопровод на востоке России, общая протяженность которого составляет около 3 000 км, а экспортная производительность составляет пока 38 млрд куб. м. в год без учета планируемого его расширения⁵.

На Южном Кавказе существуют два международных трубопровода. Газопровод «Баку-Тбилиси-Эрзурум» (Южно-Кавказский газопровод) протяженностью почти 1 000 километров соединяет Азербайджан и Турцию⁶, в то время как нефтепровод «Баку-Тбилиси-Джейхан» имеет протяженность свыше 1 700 километров, а устойчивый интерес к использованию этого нефтепровода сохраняет Казахстан⁷.

В Центральной Азии, помимо внутрирегиональных трубопроводов, имеется построенная еще в период СССР система газопроводов «Средняя Азия - Центр», а также газопровод Туркменистан – Иран, который, впрочем, не имеет стратегического значения [Канапиянова 2021].

Главными же остаются поставки природного газа и нефти в Китай. Две ветки нефтепровода соединяют Казахстан и Китай, их проектная мощность рассчитана на 20 млн т нефти ежегодно с перспективой возможного расширения⁸.

¹ Транспортировка. Газпром-экспорт. // URL: <https://gazpromexport.ru/projects/transportation/> (дата обращения: 26.11.2022)

² Турецкий поток. Экспорт газа в Турцию, Южную и Юго-Восточную Европу. // URL: <https://www.gazprom.ru/projects/turk-stream/> (дата обращения: 26.11.2022)

³ Схема поставок российской нефти в Европу. Справка. // URL: <https://ria.ru/20091228/201994263.html> (дата обращения: 26.11.2022)

⁴ Общая информация. Официальный сайт каспийского трубопроводного консорциума. // URL: <https://www.cpc.ru/RU/about/Pages/general.aspx> (дата обращения: 26.11.2022)

⁵ Сила Сибири. // URL: <https://www.gazprom.ru/projects/power-of-siberia/> (дата обращения: 26.11.2022)

⁶ Южно Кавказский газопровод (ЮКТ), Баку - Тбилиси - Эрзурум. // URL: <https://neftegaz.ru/tech-library/transportirovka-i-khranenie/142156-yuzhno-kavkazskiy-gazoprovod-yukt-baku-tbilisi-erzurum/> (дата обращения: 26.11.2022)

⁷ Трубопровод Баку-Тбилиси-Джейхан - один из важнейших проектов развития нефтяной отрасли - Али Ахмедов. // URL: <https://www.trend.az/azerbaijan/politics/3664995.html> (дата обращения: 26.11.2022)

⁸ ТОО «Казахстанско-Китайский Трубопровод» (ККТ). // URL: https://kaztransoil.kz/ru/o_kompanii/struktura_aktivov/d

Поставки природного газа осуществляются посредством трех веток газопровода, проходящих из Туркменистана через Узбекистан и Казахстан в Китай. Его пропускная способность составляет 55 млрд куб. м. в год, что составляет около 20 % импортируемого КНР природного газа¹. Основным источником является газовое месторождение Галкыныш². Также, по этому газопроводу природный газ поступает и из Узбекистана³. Кроме того, принято решение о начале строительства четвертой ветки газопровода Центральная Азия – Китай⁴.

Чтобы оценить место России и центральноазиатских республик в импорте Китаем природного газа, можно отметить, что крупнейшими поставщиками в Китай были Австралия (40,616 млрд куб. м), Туркменистан (31,5 млрд куб. м), Россия (16,1 млрд куб. м)⁵.

«Северный поток» и «Северный поток-2»: новый уровень угроз критически важной инфраструктуре

Подрыв газопроводов «Северный поток» и «Северный поток-2» кардинально отличается от всех других происшествий с трубопроводами. Прежде всего, впервые нанесен ущерб подобного масштаба стратегически важным трубопроводам континентального уровня.

НАТО практически сразу выступило с заявлением о необходимости защиты критически важной инфраструктуры, указывая на преднамеренность подобных действий в международных водах⁶. Со схожим заявлением ЕС⁷.

Китай выразил серьезное беспокойство и предупредил о тяжелых последствиях для мирового энергетического рынка, которые будут ощущаться во всем мире и станут частью более широкой дискуссии об энергетических стратегиях в более тесной привязке к вопросам национальной безопасности. Что особенно важно, подрывы выявили уязвимость трансграничной инфраструктуры⁸.

Повреждение газопроводов «Северный поток» и «Северный поток - 2» оказывает ограниченное непосредственное влияние на поставки природного газа в Европу, поскольку еще 2 сентября 2022 г. «Газпром» на неопределенный срок прекратил подачу газа по «Северному потоку» из-за неисправности ключевой турбины на газопроводе. Тем не менее, эталонные фьючерсы на поставку природного газа выросли на 22%. Этот ответ был основан на общих последствиях для безопасности, а не на немедленных последствиях для поставок природного газа из России⁹.

ochernie_i_sovmestno_kontroliruemie_organizacii/kkt/
(дата обращения: 26.11.2022)

¹ Газовое месторождение Галкыныш. // URL: <https://turkmengaz.gov.tm/ru/projects/4> (дата обращения: 26.11.2022)

² 65 млн тонн природного газа поставлено в Китай по газопроводу «Центральная Азия-Китай». // URL: <http://turkmenbusiness.org/news/65-mln-tonn-prirodnogo-gaza-postavleno-v-kitai-po-gazoprovodu-%C2%ABtsentralnaya-aziya-kitai%C2%BB> (дата обращения: 26.11.2022)

³ Узбекистан увеличил поставки природного газа в Китай примерно на 60%, 28 октября 2022 г. // URL: <https://podrobno.uz/cat/uzbekistan-i-kitay-klyuchi-ot-budushchego/uzbekistan-uvlichil-postavki-prirodnogo-gaza-v-kitay-primerno-na-60/> (дата обращения: 26.11.2022)

⁴ Четвертая нитка газопровода Центральная Азия – Китай увеличит объем экспорта туркменского газа, 21.08.2019. URL: <https://nangs.org/news/midstream/pipelines/chetvertaya-nitka-gazoprovoda-tsentralnaya-aziya-kitay-uvlichit-obaem-eksporta-turkmenskogo-gaza> (дата обращения: 26.11.2022)

⁵ Россия стала 3-м крупнейшим поставщиком газа в Китай, 21 марта, 2022 г. // URL: <http://www.finmarket.ru/database/news/5680935> (дата обращения: 26.11.2022)

⁶ Statement by the North Atlantic Council on the damage to gas pipelines. // URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_207733.htm (дата обращения: 26.11.2022)

⁷ Declaration by the High Representative on behalf of the European Union on leaks in the Nord Stream gas pipelines. // URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2022/09/28/declaration-by-the-high-representative-on-behalf-of-the-european-union-on-leaks-in-the-nord-stream-gas-pipelines/> (дата обращения: 26.11.2022)

⁸ Китай готов совместно со всеми сторонами приложить усилия для поддержания безопасности трансграничной инфраструктуры -- зампреда КНР при ООН. // URL: http://russian.china.org.cn/international/txt/2022-10/01/content_78448473.htm (дата обращения: 26.11.2022)

⁹ Цегоев В., Чемоданова В. «Разрушения носят беспрецедентный характер»: газ в ЕС резко

Помимо масштаба нанесенного ущерба, обращает на себя его принципиальное отличие от аварий или техногенных происшествий. Так, пожар на крупном заводе по производству СПГ во Фрипорте (США) в начале 2022 г. сократил почти 17% экспорта СПГ из США, а цены на газ в ЕС выросли примерно на 12 % [Joseph Majkut, 2022)]. Однако оказывающие большое влияние на энергетические рынки простои из-за устаревающей инфраструктуры или перебои в связи с авариями принципиально отличаются от целенаправленных атак, тем более подобного масштаба.

Более того, предполагается, что характер и масштаб диверсий против «Северного потока» и «Северного потока-2» (4 крупные утечки) указывают на невозможность осуществления акций подобного масштаба негосударственными акторами, например, террористическими организациями [Vandow 2022)].

Россия обвинила в диверсии США и Великобританию, обвиняя их в начале уничтожения энергетической инфраструктуры ЕС. Президент РФ В.В. Путин прямо заявил, что эти страны перешли к диверсиям, «организовав взрывы на международных газовых магистралях «Северного потока»»¹.

США склонны обвинять Россию. Вашингтон и европейские правительства даже ссылались на отрицание Москвы как на доказательство ее вины. Страны НАТО отмечают возросшую активность России в отношении подводной евроатлантической инфраструктуры, в частности, присутствии российских подводных лодок вблизи подводных кабелей в северной части Атлантического океана. Норвегия также сообщила о возросшей активности неизвестных и неопознанных беспилотных летательных аппаратов вблизи важных объектов морской нефтегазовой инфраструктуры. Норвежское управление по

безопасности нефти (PSA) открыто предупредило о присутствии неопознанных дронов вблизи морских нефтегазовых объектов. В PSA заявили, что операторы сообщали о присутствии дронов в течение последних нескольких месяцев, подчеркивая возможность «преднамеренных атак»². [Widdershoven 2022)].

Эксперты указывают на возможное участие Украины. Однако, хотя оно вполне допустимо, у нее могли бы возникнуть проблемы с организацией такой операции. По крайней мере, ей потребовалась бы помощь другой страны. Схожие с Украиной ограничения имеют Польша или прибалтийские государства [Vandow 2022)].

Таким образом, анализ показывает, что обвинения в подрыве «Северного потока» и «Северного потока-2» адресуются тем или иным державам или крупным государствам, а не средним и малым странам или негосударственным акторам.

Как обезопасить трубопроводы

Подрыв «Северного потока» и «Северного потока-2» стал сигналом готовности в условиях гибридной войны расширить методы ее проведения от дезинформации и усилий по оказанию влияния к более кинетическому направлению, нацеленному на всю критическую инфраструктуру.

От надежности поставок энергоресурсов зависит социально-экономическое положение не только стран-потребителей, но и во многом жизнеспособность стран поставщиков. Например, поступления от экспорта энергоресурсов формируют основную часть валютных поступлений в бюджет Туркменистана [Маркова 2020], являются наиболее значительной частью поступлений России [Боровский 2012] и Азербайджана [Мамедов 2012].

Кроме того, подрыв газопроводов станет важным сигналом дестабилизации регионов постсоветского пространства. Подобные

подорожал после ЧП на трубопроводах системы «Северный поток» // URL: <https://russian.rt.com/business/article/1054009-gaz-ceny-chp-severnyi-potok> (дата обращения: 26.11.2022)

¹ Подписание договоров о принятии ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей в состав России.

// URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/69465> (дата обращения: 26.11.2022)

² Cyril Widdershoven. European Energy Security Faces New Risks With Nord Stream Explosions. // URL: <https://oilprice.com/Geopolitics/Europe/European-Energy-Security-Faces-New-Risks-With-Nord-Stream-Explosions.html> (дата обращения: 26.11.2022)

акты поставят под сомнение не только надежность поставщиков и поставок, но и в определенной степени станут подрывом доверия к России, которая, традиционно выступает в качестве гаранта безопасности, наряду с такими странами, как Китай (для Центральной Азии), Турция и, в некоторой степени, ЕС (для Южного Кавказа).

В чрезвычайной ситуации найти адекватную замену крайне сложно. Так, конфликт на Украине и перебои с поставками энергоресурсов вызвал острую конкуренцию ЕС с Пакистаном, Индией и Бангладеш, которые не смогли получить необходимые им объемы сжиженного газа¹. В экстренной ситуации Европейский Союз «экспортировал» свою энергетическую нестабильность на мировой рынок.

Масштаб угроз безопасности для системы трубопроводов указывает на необходимость принятия комплексных решений в отношении безопасности поставок. Энергетическая безопасность будет во все большей степени подразумевать обеспечение безопасности и поддержание критически важной инфраструктуры во всех связанных с ней сферах и странах. Защита должна включать в себя «серые зоны», поскольку цель таких атак, очевидно, состоит в том, чтобы нанести ущерб, аналогичный обычным атакам, но без каких-либо последствий.

НАТО уже заявило, что защита инфраструктуры является ее стратегическим приоритетом, а «саботаж» в отношении энергетической инфраструктуры может быть расценен как агрессия, вызвав коллективный ответ всего блока [Khakova, Ryan, Carpen 2022].

Страны постсоветского пространства могут, опираясь на заинтересованность таких стран-потребителей, как Турция и Китай, возможности и потенциал России как ведущего государства-экспортера, сделать защиту трубопроводов как критически важной инфраструктуры своим стратегическим приоритетом, сформулировав, что диверсии в отношении энергетической инфраструктуры будут

рассматриваться как акт агрессии. Подобные инициативы могли бы прозвучать на саммитах международных организаций, таких как ООН, ШОС, СВДМА и др., или же в качестве совместного заявления с участием заинтересованных стран, которые осуществляют поставки или транзит энергоресурсов.

В тоже время, помимо заявлений необходимо обратить внимание на возможности и ограничения физической защиты объектов. Протяженность трубопроводов делает фактически невозможной полномасштабную эффективную защиту на всем протяжении.

Можно отметить, что в случае с НАТО признается неэффективной непосредственная совместная военная защита объектов, поскольку контролировать все трубопроводы в принципе сложно как в море, так на земле. Тем не менее, после подрывов «Северного потока» и «Северного потока-2» НАТО сделало заявление, что ее военные суда будут действовать как своего рода «сдерживающий фактор». Уже отмечено усиление военно-морского и воздушного патрулирования [Monaghan 2022].

Обширные постсоветские пространства изначально еще менее благоприятны для осуществления эффективной коллективной защиты трубопроводов, тем более в отсутствие схожего с НАТО единого военно-политического блока, а также с учетом многообразия акторов и их не везде совпадающих интересов.

В этой связи можно отметить опыт Норвегии, крупнейшего производителя нефти и газа в Западной Европе, которая уже направила войска для охраны своих энергетических объектов, или Италии, усилившей военно-морское наблюдение за маршрутами трубопроводов. Индивидуальные действия государств на своей территории дополняются помощью со стороны других заинтересованных сторон. Так, Норвегия как крупнейший поставщик энергоресурсов в ЕС уже получила помощь от Великобритании, Франции и Германии

¹ India, Pakistan left in a lurch as gas deliveries get redirected to Europe. // URL: <https://www.business-standard.com/article/economy-policy/india-pakistan-left->

[in-a-lurch-as-gas-deliveries-get-redirected-to-europe-122081900134_1.html](https://www.business-standard.com/article/economy-policy/india-pakistan-left-in-a-lurch-as-gas-deliveries-get-redirected-to-europe-122081900134_1.html) (дата обращения: 26.11.2022)

для патрулирования уязвимых энергетических объектов [Khakova, Ryan, Carpen 2022]. Подобный ответ мог бы стать приемлемым вариантом и в случае постсоветских стран Южного Кавказа, где содействие Азербайджану и Грузии могла бы оказать с наибольшей вероятностью Турция, или Центральной Азии, где ключевыми внешними акторами являются Россия и Китай.

Другим важным направлением является усиление международного сотрудничества, направленного на усиление координации по отслеживанию киберугроз. Уязвимость к кибератакам сама по себе является серьезной угрозой для энергетической системы. В мае 2021 г. кибератака на Colonial Pipeline в США остановила работу и привела к нехватке топлива и паническим закупкам на Восточном побережье США¹. В 2022 г. кибератака на нефтеперерабатывающий центр Амстердам-Роттердам-Антверпен привела к значительным задержкам поставок нефти и нефтепродуктов и нехватке топлива на местах². Успешные и масштабные кибератаки могут привести к сбоям в подаче электроэнергии, что непосредственно повлияет на все сферы жизнедеятельности современного общества, от обороны до здравоохранения и доступа к питьевой воде.

Для предотвращения подобных угроз необходимо расширение обмена разведывательными данными, улучшение сотрудничества по возможностям спутникового мониторинга, в том числе, в области киберразведки. Представляется целесообразным укрепление киберсотрудничества заинтересованных стран на уровне соответствующих структур государственного управления, в том числе с предоставлением технических возможностей. Для реализации подобного сотрудничества потребуются совместные усилия, технологии и инвестиции со стороны РФ и КНР для защиты трубопроводов и

обслуживающих их инфраструктурных объектов.

Еще одним возможным шагом по реализации сотрудничества в области энергетической безопасности стало бы создание совместного фонда энергетической безопасности. Это помогло бы сбалансировать интересы потребителей и поставщиков энергоресурсов, в том числе, смягчить последствия скачков цен в силу возможностей масштабных аварий или диверсий.

Кроме того, средства фонда можно было бы использовать для модернизации инфраструктуры или ее ремонта, а также смягчение экологических последствий. Устаревшие технологии или износ оборудования могут стать причинами аварий или перебоев в поставках. Однако даже в случае диверсий, подобных подрыву газопроводов «Северный поток» и «Северный поток-2», ремонт оценивается как вполне реальный, причем несколькими способами. Например, путем проведения подводной операции с использованием роботов и дистанционно управляемых инструментов в сухой камере, построенной вокруг места разрыва, использования водолазного колокола, поднятия плети трубопровода на поверхность и проведения необходимых работ на палубах кораблей-трубоукладчиков. Ранее в Южно-Китайском море успешно починили похожий трубопровод, поврежденный якорем, — весь проект занял 10 месяцев от тендера до завершения, собственно работы продолжались восемь недель³.

Заключение

Подрыв газопроводов «Северный поток» и «Северный поток-2» поставил под беспрецедентную угрозу систему трубопроводов, выявив всю сложность и многогранность проблемы защиты этих критически важных объектов инфраструктуры. Трубопроводы стали

¹ Colonial Pipeline hack explained: Everything you need to know. // URL: <https://www.techtarget.com/whatis/feature/Colonial-Pipeline-hack-explained-Everything-you-need-to-know> (дата обращения: 26.11.2022)

² Европейские нефтяные портовые терминалы пострадали от кибератаки // URL:

<https://neftegaz.ru/news/incidental/723824-evropeyskie-neftyanye-portovye-terminaly-postradali-ot-kiberataki/> (дата обращения: 26.11.2022)

³ Вакуленко С. Аварии на «Северных потоках». Что о них понятно, а что — нет. 30.09.2022. // URL: <https://carnegieendowment.org/politika/88050> (дата обращения: 26.11.2022)

объектами гибридной войны, а уязвимости этой критически важной инфраструктуры обнаруживают необходимость совместных действий на постсоветском пространстве.

Такие действия не должны ограничивать только сотрудничеством стран, через которые проходят те или иные трубопроводы. Проблема носит более широкий характер, и необходимо более широкое международное участие, включающее такие страны, как Россия, Китай и, возможно, Турцию, наряду с со

государствами Центральной Азии, Южного Кавказа, Беларуси.

Как представляется, устранение этих уязвимостей потребует значительных инвестиций и более тесного сотрудничества в политической, военно-технической, разведывательной, информационной сферах, а также в области кибербезопасности, что едва ли возможно без более тесной кооперации поставщиков, транзитеров и импортеров.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Боровский Ю.В.* Энергетическая политика России на международной арене. // Вестник МГИМО-Университета. 2012, № (6(27)). С. 40-46.
- Жизнин С.З.* Российская энергетическая дипломатия и международная энергетическая безопасность (геополитика и экономика) // Журнал «Балтийский регион». №1. 2010. С. 4-16.
- Кананиянова Ж.* Энергетическое сотрудничество Туркменистана и Ирана в контексте газопроводов. Eurasian Research Institute, 2021. URL: <https://www.eurasian-research.org/publication/turkmenistan-iran-energy-cooperation-in-the-context-of-natural-gas-pipelines/?lang=ru> (дата обращения: 26.11.2022)
- Мамедов З.* Энергетическая политика Азербайджана как внешнеполитический ресурс. // Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология. 2012. № 2 2012 URL: <http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/history/2012/02/2012-02-21.pdf> (дата обращения: 26.11.2022)
- Маркова Е.А.* Энергетическая политика стран Центральной Азии: основные итоги. // Проблемы постсоветского пространства. 2020; №7(3). С. 365-372
- Миршаймер Д.* Почему Запад повинен в кризисе на Украине. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/pochemu-zapad-povinen-v-krizise-na-ukraine/>
- Морозов А.И.* Туркменистан - Россия: партнер или конкурент. // Проблемы постсоветского пространства. 2014;(2):181-190.
- Семенова Н.К.* Энергетический вектор индустриализации КНР: стратегия. Тактика. Безопасность. // Российская академия наук. Журнал «Восток/Oriens», 2013 г. №5. С.84-91.
- Симония Н.А.* Геоэнергетические интересы России в Центральной Азии. // Мировая экономика и международные отношения. 2007. № 11. С. 3-12.
- Clare M.* There Will Be Blood: Political Violence, Regional Warfare, and the Risk of Great-Power Conflict over Contested Energy Resources // Energy Security Challenges in the 21st Century: A Reference Handbook / Eds. G. Luft and A. Korin. Santa Barbara: ABC-CLIO, 2009. P. 44-65.
- Bandow D.* Who Attacked Nord Stream 2? URL: <https://www.cato.org/commentary/who-attacked-nord-stream-2> (дата обращения: 26.11.2022)
- Majkut J.* Security Implications of Nord Stream Sabotage. URL: <https://www.csis.org/analysis/security-implications-nord-stream-sabotage> (дата обращения: 26.11.2022)
- Cooper R.* The Beijing Consensus. – London: The Foreign Policy Centre, 2004. 74 p. URL: <https://fpc.org.uk/wp-content/uploads/2006/09/244.pdf>
- Goldthau A., Witte J.M.* Global energy governance: The new rules of the game. Washington, DC, Brookings Inst. Publ., 2009. 361 p.
- Mearsheimer J.J.* Playing With Fire in Ukraine. URL: <https://www.foreignaffairs.com/ukraine/playing-fire-ukraine>
- Moran D., Russell J.* Energy Security and Global Politics. The militarization of resource management. Routledge, 2009. 245 p.

- Khakova O, Ryan P, Carpen E.* How the West can thwart the next energy pipeline attack. URL: <https://www.atlanticcouncil.org/blogs/new-atlanticist/how-the-west-can-thwart-the-next-energy-pipeline-attack/> (дата обращения: 26.11.2022)
- Monaghan S.* Five Steps NATO Should Take after the Nord Stream Pipeline Attack. October 6, 2022. CSIS. URL: <https://www.csis.org/analysis/five-steps-nato-should-take-after-nord-stream-pipeline-attack> (дата обращения: 26.11.2022)

REFERENCES

- Borovskiy Y.V.* Energeticheskaya politika Rossii na mezhdunarodnoy arene. // Vestnik MGIMO-Universiteta. 2012, № (6(27)). S. 40-46.
- Zhiznin S.Z.* Rossiyskaya energeticheskaya diplomatiya i mezhdunarodnaya energeticheskaya bezopasnost' (geopolitika i ekonomika) // Zhurnal «Baltiyskiy region». №1. 2010. S. 4-16.
- Kanapiyanova Z.H.* Energeticheskoye sotrudnichestvo Turkmenistana i Irana v oblasti gazoprovodov. Yevraziyskiy nauchno-issledovatel'skiy institut, 2021. URL: <https://www.eurasian-research.org/publication/turkmenistan-iran-energy-cooperation-in-the-context-of-natural-gas-pipelines/?lang=ru> (дата обращения: 26.11.2022)
- Mamedov Z.* Energeticheskaya politika Azerbaydzhana kak vneshnepoliticheskiy resurs. // Vestnik VGU. Seriya: Istoriya. Politologiya. Sotsiologiya. 2012. № 2 2012 URL: <http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/history/2012/02/2012-02-21.pdf> (дата обращения: 26.11.2022)
- Markova Y.A.* Energeticheskaya politika stran Tsentral'noy Azii: osnovnyye itogi. // Problemy postsovetskogo prostranstva. 2020; №7(3). S. 365-372
- Mirmer D.* Pochemu Zapad vinovat v krizise na Ukraine. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/pochemu-zapad-povinen-v-krizise-na-ukraine/>
- Morozov A.I.* Turkmenistan - Rossiya: partner ili konkurent. // Problemy postsovetskogo prostranstva. 2014;(2): S.181-190.
- Semenova N.K.* Energeticheskii vektor industrializatsii KNR: strategiya. Taktika. Bezopasnost'. // Rossiyskaya akademiya nauk. Zhurnal «Vostok/Oriens», 2013 g. №5. S.84-91.
- Simoniya N.A.* Geoenergeticheskiye interesy Rossii v Tsentral'noy Azii. // Mirovaya ekonomika i yuridicheskiye otnosheniya. 2007. № 11. S. 3-12.
- Clare M.* There Will Be Blood: Political Violence, Regional Warfare, and the Risk of Great-Power Conflict over Contested Energy Resources // Energy Security Challenges in the 21st Century: A Reference Handbook / Eds. G. Luft and A. Korin. Santa Barbara: ABC-CLIO, 2009. P. 44-65.
- Bandow D.* Who Attacked Nord Stream 2? URL: <https://www.cato.org/commentary/who-attacked-nord-stream-2> (дата обращения: 26.11.2022)
- Majkut J.* Security Implications of Nord Stream Sabotage. URL: <https://www.csis.org/analysis/security-implications-nord-stream-sabotage> (дата обращения: 26.11.2022)
- Cooper J. R.* The Beijing Consensus. – London: The Foreign Policy Centre, 2004. -74 p. URL: <https://fpc.org.uk/wp-content/uploads/2006/09/244.pdf>
- Goldthau A., Witte J.M.* Global energy governance: The new rules of the game. Washington, DC, Brookings Inst. Publ., 2009. 361 p.
- Mearsheimer J.J.* Playing With Fire in Ukraine. URL: <https://www.foreignaffairs.com/ukraine/playing-fire-ukraine>
- Moran D., Russell J.* Energy Security and Global Politics. The militarization of resource management. Routledge, 2009. 245 p.
- Khakova O., Ryan P., Carpen E.* How the West can thwart the next energy pipeline attack. URL: <https://www.atlanticcouncil.org/blogs/new-atlanticist/how-the-west-can-thwart-the-next-energy-pipeline-attack/> (дата обращения: 26.11.2022)
- Monaghan S.* Five Steps NATO Should Take after the Nord Stream Pipeline Attack. October 6, 2022. CSIS. URL: <https://www.csis.org/analysis/five-steps-nato-should-take-after-nord-stream-pipeline-attack> (дата обращения: 26.11.2022)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ/ INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Якубов Ильдар Харрасович, кандидат политических наук, Университет мировой экономики и дипломатии, Ташкент, Узбекистан.
E-mail: ildaryakubov@gmail.com

Ildar H. Yakubov, PhD in Political Science, University of World Economy and Diplomacy, Tashkent, Uzbekistan. Email: ildaryakubov@gmail.com

**ТЕРРОРИЗМ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ /
TERRORISM IN THE POST-SOVIET REGION**

Научная статья / Research article

**Социальные сети как инструмент для пропаганды терроризма и
противодействие террористическим структурам в СМИ в странах СНГ**

А. Г. Мурадова

*Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
E-mail: 1032211911@pfur.ru*

М. В. Таяновский

*Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
E-mail: maxtajan@gmail.com*

Д. Сэнсук (Таиланд)

*Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
E-mail: jisansuk@gmail.com*

Аннотация. С момента создания и массового распространения социальные сети проникли во все области современной жизни. Сегодня пользователями социальных сетей являются около 5 млрд человек. Такая огромная популярность социальных сетей привлекает внимание различных террористических групп, которые в последние десять лет начали использовать популярные социальные платформы для распространения своих идей и вербовки новых членов. Технология, которая позволила людям по всему миру взаимодействовать без учета расстояния и местоположения, дала беспрецедентную возможность террористам распространять идеи, изображения и настроения в быстром темпе среди безграничной аудитории. Террористические группы активно устанавливают свое присутствие и в социальных сетях русскоговорящего Интернета, что позволяет им распространять свою идеологию среди граждан постсоветских стран. Одним из основных аналитических инструментов, помогающих понять террористические сети и потенциально разрушить их, является анализ социальных сетей. Данный вид исследования ставит в центр анализа социальные связи между отдельными людьми. В то время как между терроризмом и традиционными средствами массовой информации в форме печати и телевидения всегда существовала взаимосвязь, социальные сети дали террористам возможность сообщать о своих действиях более мощным и мгновенным способом. В статье также были проанализированы основные информационные агентства стран СНГ для анализа политики информирования граждан. Терроризм не должен влиять на важность свободы выражения мнений и информации в средствах массовой информации как одной из важнейших основ демократического общества. Эта свобода влечет за собой право общественности на получение информации по вопросам, представляющим общественный интерес, включая террористические акты и угрозы, а также реакцию государства и международных организаций на них. Целью статьи является выявление роли социальных сетей в распространении террористической идеологии и освящении интернет-ресурсами данной практики. Предмет – медиапространство. При подготовке материала были использованы: системный, статистический, описательно-сравнительный методы и контент-анализ. Задача заключалась в исследовании подходов террористических группировок к привлечению последователей и информировании масс о своей деятельности.

Ключевые слова: терроризм, социальные сети, медиа, медиапространство, противодействие, обеспечение безопасности, средства массовой информации, СМИ.

Мурадова А. Г., Таяновский М. В., Сэнсук Д. Социальные сети как инструмент для пропаганды терроризма и противодействие террористическим структурам в СМИ в странах СНГ

Для цитирования: Мурадова А. Г., Таяновский М. В., Сэнсук Д. Социальные сети как инструмент для пропаганды терроризма и противодействие террористическим структурам в СМИ в странах СНГ // Постсоветские исследования. 2023;1(6):30-41.

Social networks as a tool for promoting terrorism and countering terrorist structures in the media in the CIS countries

Alina M. Muradova

Peoples Friendship University of Russia, Moscow, Russia

e-mail: 1032211911.pfur.ru

Maxim V. Tayanovskiy

Peoples Friendship University of Russia, Moscow, Russia

e-mail: maxtajan@gmail.com

Jiramet Sansuk (Thailand)

Peoples Friendship University of Russia, Moscow, Russia

e-mail: jisansuk@gmail.com

Abstract. Since its creation and mass distribution, social networks have penetrated into all areas of modern life. Today, about 5 billion people are users of social networks. Such a huge popularity of social networks attracts the attention of various terrorist groups, which in the last ten years have started using popular social platforms to spread their ideas and recruit new members. The technology, which has enabled people around the world to interact without regard to distance and location, has given an unprecedented opportunity to terrorists to spread ideas, images and sentiments at a fast pace among a limitless audience. Terrorist groups are actively establishing their presence on the social networks of the Russian-speaking Internet, which allows them to spread their ideology among citizens of post-Soviet countries. One of the main analytical tools to help understand terrorist networks and potentially destroy them is the analysis of social networks. This type of research focuses on the analysis of social connections between individuals. While there has always been a relationship between terrorism and traditional media in the form of print and television, social media has given terrorists the opportunity to report their actions in a more powerful and instant way. The article also analyzed the main news agencies of the CIS countries to analyze the policy of informing citizens. Terrorism should not affect the importance of freedom of expression and information in the media as one of the most important foundations of a democratic society. This freedom entails the right of the public to receive information on issues of public interest, including terrorist acts and threats, as well as the reaction of the State and international organizations to them. The purpose of the article is to identify the role of social networks in the spread of terrorist ideology and the sanctification of this practice by Internet resources. The subject of the article is the media space. During the research of the topic, the following methods were used: system, content analysis, statistical, descriptive and comparative. The task of the work was to study the approaches of terrorist groups in attracting new followers and informing citizens about new options for the activity of radical groups.

Keywords: terrorism, social networks, media, media space, counteraction, security, mass media.

For citation: Alina M. Muradova, Maxim V. Tayanovskiy, Jiramet Sansuk,. Anti-terrorist focus of rapprochement between India and Tajikistan // Postsovetskie issledovaniya = Post-Soviet Studies. 2023;1(6):30-41 (In Russ.).

С растущей популярностью Интернета и социальных сетей во всем мире в последние годы террористические группы значительно расширили свое глобальное присутствие. Теперь террористы используют Интернет в качестве инструмента пропаганды для

вербовки, распространения, мобилизации и обучения людей совершать преступления

[Philip, Janbek 2011: 26]. «Аль-Каида»¹ и «Исламское государство» (ИГ)² используют электронные СМИ для продвижения радикальных программ, распространения антизападной пропаганды, сбора средств, привлечения новых членов, проведения психологических операций, мобилизации джихадистов, разжигания антизападных настроений, ведения кибервойн и обучения бойцов [Alava 2017: 29].

Террористические группы и их члены предприняли согласованные усилия для увеличения своего присутствия в социальных сетях, таких глобальных как Facebook³ и Twitter, и более локальных для русскоязычных пользователей, как ВКонтакте, Одноклассники, и мессенджеры WhatsApp и Telegram [Аккаева 2017: 24]. Однако именно легкий доступ к их ресурсам в социальных сетях позволяет террористам выявлять и нацеливаться на людей, наиболее подверженных их пропаганде. Обращаясь к разочаровавшимся людям, они пытаются найти новых последователей. Конечная цель состоит в том, чтобы внушить и радикализировать этих людей, чтобы они чувствовали себя обязанными совершать террористические акты [Waskiewicz 2012]. Кроме того, Интернет обеспечивает быстрый доступ к информации, форумам сообщества единомышленников, что также выгодно благодаря тому, что киберсреда находится вне непосредственного контроля и вмешательства органов госбезопасности, с которыми в противном случае пришлось бы столкнуться, если бы те же экстремистские материалы распространялись в физической среде [Bertram 2016: 231].

Люди, которые впитывают в себя террористическую идеологию, обычно находятся под сильным эмоциональным влиянием во время использования ими социальных сетей. Особенно это касается доморощенных террористов. Одним из самых известных примеров работы вербовщиков в Интернете является дело В.

Карауловой, которая познакомилась во ВКонтакте с молодым человеком, который в последствии примкнул к ИГ. В последствии она приняла ислам и планировала отправиться в подконтрольную ИГ территорию Сирии, чтобы выйти там замуж, но была задержана турецкими властями. Случай В. Карауловой не уникален. Еще одна девушка М. Исмаилова пропала в 2015 г., в попытке примкнуть к ИГ. По данным ФСБ на стороне ИГ на 2015 год уже воевало более 5 тыс. граждан из России и стран Центральной Азии. Примерно 2400 из них – это граждане РФ⁴. Это связано с тем, что русский язык является третьим по использованию в самопровозглашенном халифате ИГ после арабского и английского.

В XXI в. Интернет распространялся по всему миру неравномерно, и Центральная Азия долгое время была цифровой периферией [Ragnedda 2013: 270]. Однако за последние десять лет Интернет проник практически во все сферы жизни Казахстана, Таджикистана, Туркменистана, Кыргызстана и Узбекистана. В настоящее время жителями региона активно используются социальные сети, мессенджеры и онлайн-сервисы. Тем не менее, широкое распространение Интернета довольно неоднозначное явление, так как чем больше жителей Центральной Азии пользуется Интернетом, тем больше у них шансов попасть под влияние экстремистского контента.

Глобальные джихадистские движения закрепились в Центральноазиатском регионе. Правительства стран Центральной Азии из всех сил пытаются сдержать организованную террористическую деятельность, особенно после того, как несколько тысяч проверенных в боях иностранных боевиков вернулись из Афганистана, Ирака и Сирии⁵. Одна из причин, по которой их так трудно контролировать, заключается в том, что многие центральноазиатские экстремисты

¹ Организация запрещена в РФ.

² Организация запрещена в РФ.

³ Организация запрещена в РФ.

⁴ФСБ: свыше 5 тысяч граждан из России и стран Центральной Азии воюют на стороне ИГ // URL:

<https://tass.ru/politika/2272750> (дата обращения: 13.06.2022).

⁵The Forgotten Terrorists: Daesh Fighters of Central Asia // URL: <https://politicstoday.org/the-forgotten-terrorists-daesh-fighters-of-central-asia/> (дата обращения: 13.06.2022).

мигрировали в интернет-пространство [Scrivens 2021: 232].

Цифровые экстремисты Центральной Азии имеют большие возможности для вербовки новых бойцов. В основном они нацеливаются на молодых людей без четких планов на будущее, не имеющих возможности получить высшее образование или перспективно трудоустроиться [Alarid 2016: 314]. Средний возраст жителей региона составляет всего 27 лет по сравнению с 38 годами в США и 44 годами в Западной Европе¹. Авторитарные полицейские государства оставляют мало возможностей для значимого политического выражения. Чтобы выразить свое недовольство и донести его до властных структур, разочарованные молодые люди обращаются ко все более радикальным движениям, которые им все легче найти через социальные сети.

Хотя многие из экстремистов Центральной Азии часто являются доморощенными, они связаны с сетями «Аль-Каиды», «Исламского государства» и «Талибана»². Террористы не только ищут в Интернете новых рекрутов из Центральной Азии, но и обращаются к мигрантам, поскольку безработные молодые люди ищут счастья в других странах региона, включая Россию. Во многом поэтому одним из наиболее уязвимых слоев населения постсоветских стран являются трудовые мигранты. Ностальгия по дому, семье, зачастую бедственное материальное положение и мигрантофобия подталкивают молодых людей к принятию неверных решений. Из-за плотной основы доверительных отношений между мигрантами террористы могут использовать их для вербовки и радикализации, учитывая общую национальную, этническую или религиозную принадлежность

террористических групп и членов диаспоры [Helbling, Meierrieks 2020: 6].

В Сирии, например, большинство центральноазиатских боевиков действуют под эгидой «Хайат Тахрир аш-Шам»³, суннитской исламистской религиозно мотивированной насильственной экстремистской группировкой. Они включают в себя две узбекские группы: «Тавхид ва Джиход Катибаси»⁴ и «Катибат Имам аль-Бухари»⁵. Эти группировки также действуют в Афганистане, где они сотрудничают с движением «Талибан». «Хайат Тахрир аш-Шам» также активно действует в российском регионе Северного Кавказа и включает в себя такие джихадистские группировки, как «Имарат Кавказ»⁷ и «Лива аль-Мухаджирин валь-Ансар»⁸ [Гаврилюк 2014: 31]. Их главная цель – освободить Чечню, Дагестан и Ингушетию от российского правления. Ведется активная вербовка в России большого количества трудовых мигрантов из Центральной Азии [Литвинова 2014: 126].

Использование социальных сетей для пропаганды своих идей, общения с последователями, а также для координации действий объединяет эти и другие экстремистские группировки. Согласно онлайн-исследованию SecDev Group, существует почти 500 отдельных каналов, используемых центральноазиатскими экстремистскими организациями в Telegram, а также Facebook, Instagram, Twitter, Youtube и популярных российских платформах «ВКонтакте» и «Одноклассники»⁹. Для общения помимо русского языка также используются узбекский, таджикский и киргизский. На эти каналы подписано более 174 000 человек, а общая аудитория оценивается в миллионы.

¹Global Employment Trends for Youth 2020: Europe and Central Asia // URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/-dcomm/documents/briefingnote/wcms_737674.pdf (дата обращения: 13.06.2022).

² Организация запрещена в РФ.

³ Организация запрещена в РФ.

⁴ Организация запрещена в РФ.

⁵UN: Islamic Jihad Union operates in Syria // URL: <https://www.longwarjournal.org/archives/2019/07/un->

[islamic-jihad-union-operates-in-syria.php](https://www.longwarjournal.org/archives/2019/07/un-islamic-jihad-union-operates-in-syria.php) (дата обращения: 13.06.2022).

⁶ Организация запрещена в РФ.

⁷ Организация запрещена в РФ.

⁸ Организация запрещена в РФ.

⁹Violent Extremism in Central Asia 2018: A preliminary survey of groups, digital dimensions and state responses, The SecDev Group (Ottawa) and Public Foundation Civil Initiative on Internet Policy (Bishkek), 2018.

Некоторые экстремистские группы проявляют большую цифровую активность, чем другие. Например, группировки «Исламское государство», включая «та в Хорасане», имеют наибольшее влияние в социальных сетях в регионе: по состоянию на июль 2020 г. у них более 174 каналов и более 66 000 подписок на их различные платформы. Не отстает и «Хайат Тахрир аш-Шам», у которой 119 каналов и почти 50 000 подписок. Другие группы зарегистрировали от 1000 до 16 000 подписок. Является затруднительным точно определить количество активных экстремистов. Существует большая вероятность, что эти числа занижены, поскольку террористы все чаще используют зашифрованную платформу обмена сообщениями Telegram для общения.

В Telegram-каналах и других группах в социальных сетях активно пропагандируется применение насилия для достижения политических целей, в том числе призывы к борьбе с «неверными». Не так активно, но распространяются медиафайлы насилия в Сирии, Ираке и Ливии. В разных каналах обсуждаются события, волнующие не только конкретную группировку, но и обсуждаются конфликты из других частей мира. Например, когда в 2020 году боевые действия в Нагорном Карабахе обострились, SecDev обнаружил обострение активности группировок, связанных с «Хайат Тахрир аш-Шам» в Сирии, которые поддерживали Азербайджан и Турцию. Напряженность в отношениях между Россией и Турцией – еще одна важная тема, часто сопровождаемая призывом к оружию в поддержку Турции с мусульманским большинством. Большая часть этого контента напрямую ориентирована на пользователей из Центральной Азии.

Правительства, интернет-провайдеры и компании социальных сетей прилагают большие усилия, чтобы обеспечить контроль над распространением экстремистской информации в Интернете. Однако, несмотря на попытки ликвидировать каналы или группы в социальных сетях, террористические группировки будут продолжать создавать новые. С каждым годом они находят все более изощренные

способы, чтобы обойти контроль за контентом в социальных сетях.

Несмотря на высокую актуальность проблемы вербовки террористическими организациями новых рекрутов через социальные сети данная проблема не получает широкого освещения в интернет-медиа пространстве России и других государств СНГ. Одной из наиболее эффективных мер по борьбе с рассмотренной выше стратегией террористов является масштабное информирование населения как об угрозах терроризма, так и об описанной выше стратегии террористических организаций [Журавлев 2009: 157]. Предание огласке общественности приводит к большей бдительности граждан к потенциальным агентам влияния террористических групп и их действиям, которые могут показаться безобидными на первый взгляд [Марифли 2020: 151].

Для рассмотрения эффективности мер по информированию граждан о действиях террористических был проведен контент анализ основных информационных агентств стран СНГ. Для каждой из стран СНГ и Туркменистана (ассоциированный член СНГ) было выбрано одно информационное интернет-издание, публикующее новости на русском языке и лидирующее в рейтингах цитируемости. Исключением из стран СНГ является Молдавия, где не наблюдается высокая террористическая активность исламистских группировок. Все сообщения с упоминанием терроризма отобраны путем использования тегов или поисковой строки сайта и были определены в одну из следующих категорий:

1. Внутренняя политика (сокр. «Внутр. пол.») – любые сообщения о деятельности террористических групп внутри государства, мерах борьбы с терроризмом правоохранительных органов.

2. Внешняя политика (сокр. «Внеш. пол.») – сообщения о сотрудничестве с другими странами в борьбе с терроризмом, проведении совместных операций. В данную группу также относились сообщения о поддержке враждебными к стране издательства государствами террористической деятельности, направленной на подрыв конституционного

строю и безопасности посредством поддержки террористических групп или совершения актов терроризма.

3. Общие новости (сокр. «Общее») – любые сообщения о действиях террористических групп за рубежом без упоминания страны СМИ.

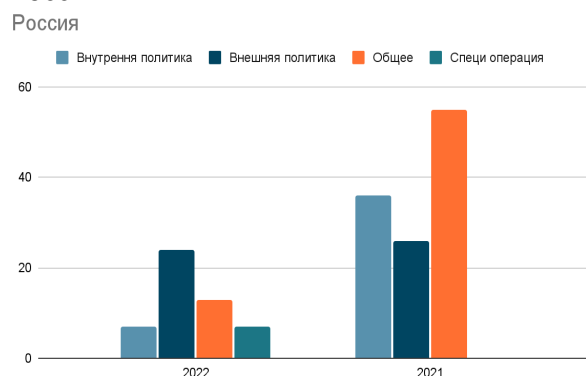
4. Специальная военная операция (сокр. «Спец. оп.»)¹ – освещение террористических действий украинских властей и украинской армии.

Анализ проводился по публикациям, сделанным в период с 1 января 2021 г. по 12 июня 2022 года. Для рассмотрения динамики изменения информационной повестки СМИ были выделены следующие периоды:

- «2021» – сообщения, сделанные с 1 января по 31 декабря 2021 г.

- «2022» - сообщения, сделанные с 1 января 2022 г. по 12 июня 2022 г.

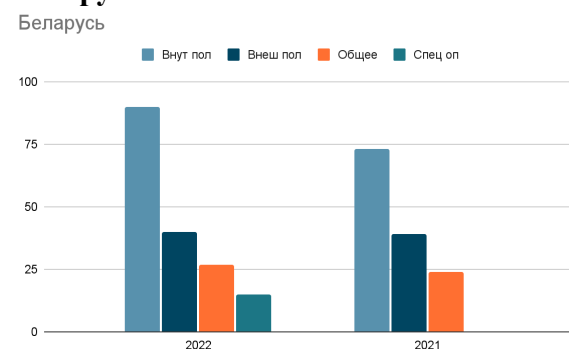
Россия

При рассмотрении России было выбрано агентство «РИА НОВОСТИ»². В 2022 г. наиболее часто встречались сообщения об активном противодействии терроризму за рубежом и сотрудничестве в данной области через структуры СНГ, ШОС и ОДКБ, а также об успешной борьбе России с террористическими группами в Казахстане в ходе беспорядков января 2022 года. Равное освещение получила террористическая деятельность украинских радикалов и борьба с терроризмом внутри России. В последней категории сообщения главным образом информируют об успешной ликвидации террористов, их задержании и вынесении им приговоров.

В 2021 г. информационная политика агентства отличалась в пользу большего освещения террористической активности в мире. Около 50% сообщений были посвящены терактам в мире, мерам борьбы других государств. В рамках освещения событий в России публиковались лишь новости о задержаниях и судах над террористическими элементами без каких-либо подробностей о деятельности групп внутри страны. В наименьшей же степени было уделено внимание международному сотрудничеству России, борьбе с экстремистами в Сирии.

Беларусь

Для анализа ситуации в Беларуси было выбрано РУП «Белорусское телеграфное агентство»³. За оба периода издание наиболее активно публиковало сообщения о борьбе террористами внутри страны – дело Н. Автуховича, убийство сотрудника КГБ в 2021 году, следствие над террористическими объединениями, причастными к событиям лета 2020 г., и борьба с вредителями железнодорожных сообщений в Беларуси. Кроме того, внесение поправок в Конституцию Беларуси рассматриваются как часть курса усиления борьбы с терроризмом. Следующей по популярности является категория внешней политики. Данные публикации информируют об успешном взаимодействии правительства с Россией в рамках ОДКБ, ШОС и СНГ в борьбе с терроризмом и разрешением проблемы Афганистана. В наименьшей степени уделяется внимание терактам за пределами государства. Сообщается лишь о самых резонансных случаях. Особая категория,

¹Актуально только для России и Белоруссии.

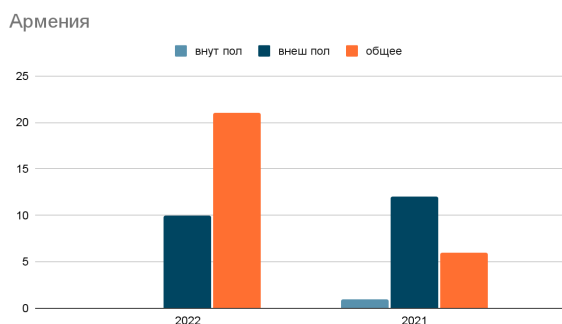
²РИА НОВОСТИ // URL: <https://ria.ru/> (дата обращения: 13.06.2022).

³Белорусское телеграфное агентство // URL: <https://www.belta.by/> (дата обращения: 13.06.2022).

появившаяся в 2022 г. категория о военной операции касается террористических действий ВСУ на Азовстали и других регионах Украины.

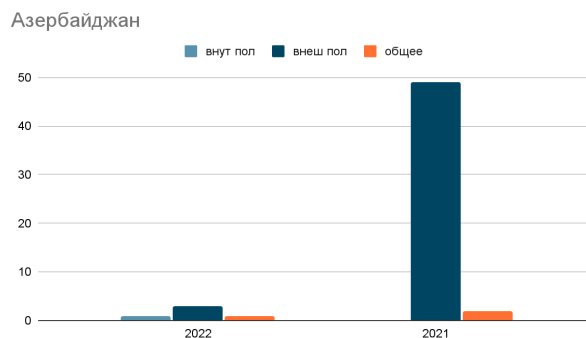
Освящение террористической деятельности касается преимущественно укрепления ситуации внутри страны в рамках борьбы с движениями, стремящимися свергнуть действующее правительство Беларуси. Информация о деятельности экстремистских, исламских групп не представлена.

Армения

В информационной повестке «Армпресс»¹ на 2022 г. доминирует освещение терактов в мире (Афганистан, Европа) и мерах противодействия им. Внешнеполитические сообщения носят ангажированный характер и посвящены Азербайджану и Турции, которые обвиняются в террористических действиях против граждан Армении и захваченных в рамках Карабахского конфликта 2020 г. военнопленных. Годом ранее тема поражения в Арцахе была более актуальна, что объясняет большее упоминание в негативном свете Азербайджана и Турции. Тема терроризма не является актуальной для данной страны за исключением дискурса борьбы с упомянутыми выше государствами.

Азербайджан

Ситуация в Азербайджане практически зеркально повторяет положение в Армении. «Азертадж»² сделало крайне мало сообщений о терроризме в 2022 г. Главным образом публикации посвящены деятельности Армении. Гораздо большая активность по данной тематике наблюдалась в 2021 г., когда 49 из 51 сообщений было посвящено суду над армянскими террористами-военнопленными, террористической деятельности армянской армии и геноциду в Ходжале³. Никаких упоминаний о террористических исламских группах и их деятельности не было сделано.

Казахстан

Казахское информационное агентство «КАЗИНФОРМ»⁴ в 2022 г. 16 из 17 сообщений посвятило терроризму в рамках внутренней политики. Сообщения посвящены борьбе и противодействию радикалам, причастным к протестам января 2022 г. в Нурсултане и других городах. Не встречается упоминаний о деятельности исламистских групп внутри страны или сотрудничества по борьбе с ними. В связи с техническими ограничениями сайта невозможно рассмотрение сообщений по данной теме, сделанных ранее 1 января 2022 г.

Киргизия

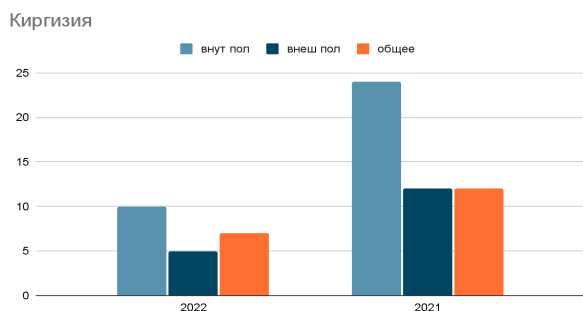
¹Армпресс // URL: <https://armenpress.am/rus/> (дата обращения: 13.06.2022).

²Там же.

³Самое жестокое преступление против человечности – Рассказывают очевидцы Ходжалинского геноцида //

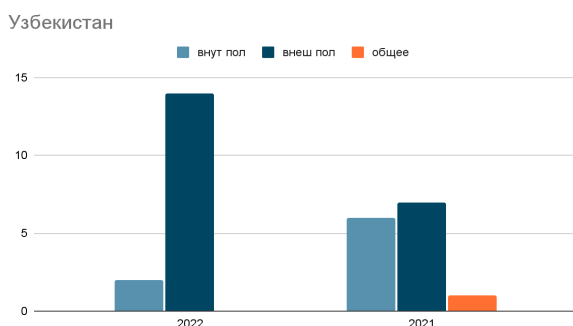
URL: <https://azertag.az/ru/xeber/1721909> (дата обращения: 13.06.2022).

⁴КАЗИНФОРМ // URL: <https://www.inform.kz/ru> (дата обращения: 13.06.2022).

Информационная политика Киргизии, изученная через анализ сообщений издания «Вечерний Бишкек», в наибольшей степени посвящена проблемам терроризма внутри страны. Сообщения данной категории доминируют в обоих временных периодах. Наиболее часто встречаются сообщения как о ликвидации или захвате террористов, предотвращении терактов, так и попытках завербовать граждан республики в радикальные исламистские группировки в общественных местах¹ и через социальные сети²³. В незначительной степени публикуются сообщения о сотрудничестве в борьбе с терроризмом, угрозе «Талибана» в Афганистане и терактах в мире.

Узбекистан

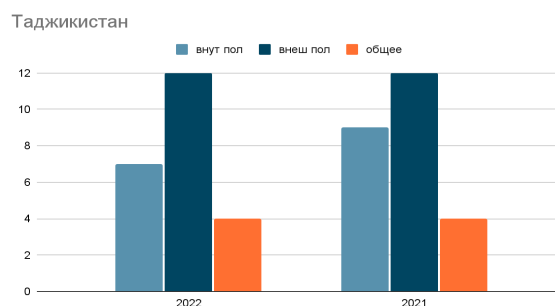

Информационное освящение «Национальным информационным агентством Узбекистана»⁴ темы терроризма заметно усилилось по сравнению с 2021 г. К июню 2022 г. было сделано больше сообщений по данной теме, чем за весь предыдущий год. Наиболее часто

встречались сообщения из категории внешней политики, освещающие меры международного противодействия террористам из Афганистана и крайне высокую террористическую активность там. Рост числа публикаций связан с ухудшением ситуации в Афганистане и обеспокоенностью правительства Узбекистана возможностью распространения терроризма из соседней страны и потенциальным увеличением преступности.

Во внутренней политике доминировали публикации о планах развития и усиления борьбы с радикалами без упоминаний какой-либо активности экстремистов внутри страны.

Таджикистан

Национальное информационное агентство Таджикистана «Ховар»⁵ наиболее активно, чем любое рассматриваемое СМИ, публикует сообщения о экстремистской деятельности в Афганистане, активизации там ИГИЛ и ухудшении ситуации в приграничных к Таджикистану регионах Афганистана. Ухудшение ситуации вызвало рост публикаций по данной теме, что привело к практически равному количеству публикаций на июнь 2022 г. по сравнению со всем 2021 г. Это является классическим примером работы СМИ, направленной на

¹Джамаат джихадистов в Бишкеке // URL: https://www.vb.kg/doc/419053_djamaat_djihadistov_v_b_ishkeke.html (дата обращения: 13.06.2022).

²Именно соцсети часто способствовали религиозному и этническому насилию // URL: https://www.vb.kg/doc/399982_imenno_socseti_chasto_s_posobstvovali_religioznomu_i_etnicheskomy_nasiluu.html (дата обращения: 13.06.2022).

³Деструктивные силы используют соцсети для вербовки. Нужен контроль // URL:

https://www.vb.kg/doc/399979_destryktivnye_sily_ispol_zuyut_socseti_dlia_verbovki_nyjen_kontrol.html (дата обращения: 13.06.2022).

⁴Национальное информационное агентство Узбекистана // URL: <https://uza.uz/ru/> (дата обращения: 13.06.2022).

⁵Национальное информационное агентство Таджикистана «Ховар» // URL: <https://khovar.tj/rus/> (дата обращения: 13.06.2022).

актуализацию угрозы терроризма [DL Altheide 2007: 288]. Аналогичную работу информационных агентств можно наблюдать в Израиле [Slone 2000: 509] и США после терактов 11 сентября 2001 года [Kimberly 2011: 91]. Помимо этого, в сообщениях о внешней политике также присутствует рост сообщений об укреплении международного сотрудничества с Россией и другими странами через структуры СНГ, ШОС и ОДКБ. В категории внутренней политики отсутствуют сообщения о какой-либо деятельности радикальных группировок внутри Таджикистана, но присутствуют сообщения о развитии органов безопасности и мерах превентивной подготовки к потенциальному росту экстремистской активности в стране. В наименьшей мере упоминаются самые резонансные теракты в мире, отнесенные в последнюю категорию.

Туркменистан

Информационная повестка в республике, представленная сайтом «Туркменпортал»¹ (наиболее популярное интернет СМИ в стране), не имеет упоминания терроризма, как явления внутри страны или в других государствах. Присутствует незначительно число публикаций о развитии сотрудничества Туркменистана с Индией, Россией и Китаем, а также сообщения об усилении контроля над финансовыми потоками внутри страны для предотвращения финансирования неназванных террористических групп за рубежом.

Информационное освещение терроризма в рассмотренных выше странах базируется на информационной повестке, создаваемой государственными новостными агентствами. Преимущественно эти сообщения носят ангажированный характер и касаются частных кейсов борьбы с терроризмом, международных мерах борьбы с ним или актах, совершенных за рубежом. В то же время, за исключением Киргизии, у читателей отсутствует возможность в полной мере понимать ситуацию с террористической ситуацией у себя в стране. Более того, кейс

Таджикистана и Узбекистана показывает, что пользователи, регулярно следящие за повесткой, имеют более полное представление о ситуации в соседнем Афганистане, чем у себя на Родине. Читатели таких стран, как Армения и Азербайджан, наиболее часто рассматривают террористами своих противников в Карабахском конфликте, чем различные исламистские группировки вроде ИГИЛ или «Талибан». Помимо этого, читатели не получают какой-либо информации об опасности дальнейшей дестабилизации положения в Афганистане, что может повлечь усиление наркотрафика и контрабанды.

Кейс «РИА НОВОСТИ» наиболее парадоксален, поскольку при активном информировании населения о борьбе с радикальными группировками не дается информации об их образовании, связях с террористическими группами за рубежом и распространении терроризма внутри страны. Другими словами, читатели данного новостного ресурса имеют огромное количество информации об успехах антитеррористических служб дома, успехах в борьбе с ИГИЛ и другими радикальными формированиями в Сирии, противодействии украинским экстремистам и действиях террористических структурах в мире, но отсутствует какая-либо информация о деятельности, численности и активности групп в Российской Федерации.

Белорусское информационное агентство «БЕЛТА» ведет информационную повестку главным образом про радикальные политические элементы без религиозного уклона внутри страны, которые чаще всего рассматриваются странами коллективного Запада как оппозиционеры и узники совести. Сообщения концентрируются на успешных арестах радикалов и максимально подробном освещении судебных процессов. Кроме того, существует довольно подробное предоставление информации об активности радикальных формирований в других регионах и о деятельности Беларуси в рамках коллективного противодействия терроризму в Афганистане и Казахстане.

¹Туркменпортал // URL: <https://turkmenportal.com/> (дата обращения: 13.06.2022).

В Казахстане информационная повестка схожа с белорусской и касается в основном антиправительственных образований, чьи действия классифицируются как террористические. Информация о религиозных и иных радикальных формированиях не представлена.

Наименьшее освещение терроризма и присутствие в повестке терроризма как явления наблюдается в Туркменистане. Местные СМИ не касаются данной темы, кроме публикаций о развитии сотрудничества и усиления финансового контроля.

Наиболее полное освещение темы терроризма наблюдается в Киргизии. Здесь заметно наиболее равномерное и полное освещение в рамках 3 категорий. Во внутренней политике присутствуют как сообщения о борьбе с радикалами внутри страны, так и информация о деятельности структур, их методах вербовки новых рекрутов в религиозных организациях и социальных сетях.

Таким образом, учитывая популярность и широкое использование сайтов соцсетей по всему миру, террористические группы нацелились на эти сайты как на новые площадки для распространения своей пропаганды и вербовки новых членов. Ориентация на сайты социальных сетей дает террористическим группам ряд преимуществ

по сравнению с их традиционными усилиями по вербовке. Без особого риска они могут охватить большое количество людей в любой точке мира, учитывая бесплатный веб-хостинг для загрузки контента и возможность контролировать доступ.

В то же время граждане рассмотренных стран имеют высокий риск быть вовлеченными в террористическую структуру, поскольку в медиа пространстве практически отсутствует информация о методах вербовки в свои организации, в том числе посредством интернет-структур. Это создает высокие риски для несовершеннолетних и людей до 25 лет, которые не являются еще полностью сформированными личностями и наиболее подвержены внушению. Одновременно недостаточная информированность родителей и людей старше 25 лет не позволяет вовремя распознать угрозу для своих младших членов семей и близких, вовремя ей противодействовать и спасти их. Создается ложное чувство безопасности, что способствует эффективной деятельности агентов радикальных формирований.

На сегодня информационное освещение терроризма не только не направлено на противодействие явлению терроризма, но является инструментом легитимизации внутренней или внешней политики в большинстве перечисленных стран.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аккаева Х. А.* Использование террористическими и экстремистскими организациями социальных сетей // Пробелы в российском законодательстве. 2017. №3. С. 23–25.
- Гаврилюк С. А.* Современный терроризм и обеспечение безопасности стран СНГ на постсоветском пространстве // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2014. №7 (129). С. 29-38.
- Журавлёв Д. А.* Международный терроризм и СМИ: эволюция коммуникационного взаимодействия // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2009. №14. С.157-169.
- Курьлев К. П., Пархитько Н. П., Смолик Н. Г.* Национальные режимы регулирования сети интернет в странах СНГ // Постсоветские исследования. 2021. Т. 4. № 8. С. 705-718.
- Литвинова Т. Н.* Новый поворот идеологии «джихада» на Северном Кавказе: информационное противодействие угрозам // СНИСП. 2014. №4 (08). С. 124–141.
- Марифли А.* Терроризм и социальные медиа – стратегия взаимодействия // Colloquium-journal. 2020. №13 (65). С. 150–155.
- Altheide, D. L.* The mass media and terrorism // Discourse & Communication. 2007. Volume: 1 issue: 3. P. 287-308.
- Alarid, M.* Recruitment and radicalization: The role of social media and new technology // Center for Complex Operations and the Peace Keeping and Stability Operations Institute. 2016. P. 313-330.

- Alava, S.* Youth and Violent Extremism on social media: Mapping the Research // S. Alava, D. Frau-Meigs, G. Hassan. 2017. 81 p.
- Bertram, L.* Terrorism, the Internet and the Social Media Advantage: Exploring how terrorist organizations exploit aspects of the internet, social media and how these same platforms could be used to counter-violent extremism // *Journal for Deradicalization*. №. 7. P. 225-252.
- Helbling, M.* Terrorism and Migration: An Overview / M. Helbling, D. Meierrieks // *British Journal of Political Science*. 2020. 20 p.
- Kimberly, A.* Framing Islam: An Analysis of U.S. Media Coverage of Terrorism Since 9/11 // *Communication Studies*. 2011. Vol. 62. No. 1. P. 90–112.
- Ragnedda, M.* The Third Digital Divide: A Weberian Approach to Digital Inequalities. // Routledge. 2017. 324 p.
- Scrivens, R.* Terrorists' and Violent Extremists' Use of the Internet and Cyberterrorism // *Crime Online: Causes, Correlates and Context*. 2021. No. 4, P. 231-262.
- Seib, P.* Global Terrorism and the New Media: The Post Al Qaida Generation // P. Seib, Dana M. Janbek. London: Routledge. 2011. 156 p.
- Slone, M.* Responses to Media Coverage of Terrorism // *Journal of Conflict Resolution*. 2000. Vol. 44 №. 4. P. 508-522.
- Waskiewicz, T.V.* Friend of a friend influence in terrorist social networks. Air Force Research Laborator, 2012.

REFERENCES

- Altheide, D. L.* The mass media and terrorism // *Discourse & Communication*. 2007. Volume: 1 issue: 3. P. 287-308.
- Akkaeva, H. A.* The use of social networks by terrorist and extremist organizations // *Gaps in Russian legislation*. 2017. No. 3. P. 23-25.
- Alarid, M.* Recruitment and radicalization: The role of social media and new technology \ Center for Complex Operations and the Peace Keeping and Stability Operations Institute. 2016. P. 313-330.
- Alava, S.* Youth and Violent Extremism on social media: Mapping the Research // S. Alava, D. Frau-Meigs, G. Hassan. 2017. 81 p.
- Bertram, L.* Terrorism, the Internet and the Social Media Advantage: Exploring how terrorist organizations exploit aspects of the internet, social media and how these same platforms could be used to counter-violent extremism // *Journal for Deradicalization*. No.7. P. 225 – 252.
- Gavrilyuk, S.A.* Modern terrorism and ensuring the security of the CIS countries in the post-Soviet space // *Bulletin of the Russian State University. Series: Political Science. History. International relations*. 2014. No.7 (129). P. 29-38.
- Helbling, M.* Terrorism and Migration: An Overview / M. Helbling, D. Meierrieks // *British Journal of Political Science*. 2020. 20 p.
- Kimberly, A.* Framing Islam: An Analysis of U.S. Media Coverage of Terrorism Since 9/11 // *Communication Studies*. 2011. Vol. 62. No. 1. P. 90-112.
- Kurylev K.P., Parhit'ko N.P., Smolik N.G.* Nacional'nye rezhimy regulirovaniya seti internet v stranah SNG // *Postsovetskie issledovaniya*. 2021. T. 4. № 8. S. 705-718.
- Litvinova, T. N.* A new turn of the ideology of "jihad" in the North Caucasus: information counteraction to threats // *SNiSP*. 2014. No. 4 (08). P. 124-141.
- Marifli, A.* Terrorism and social media – strategy of interaction // *Colloquium-journal*. 2020. No.13 (65). P. 150-155.
- Ragnedda, M.* The Third Digital Divide: A Weberian Approach to Digital Inequalities. // Routledge. 2017. 324 p.
- Scrivens, R.* Terrorists' and Violent Extremists' Use of the Internet and Cyberterrorism // *Crime Online: Causes, Correlates and Context*. 2021. No. 4 P. 231-262.
- Seib, P.* Global Terrorism and the New Media: The Post Al Qaida Generation // P. Seib, Dana M. Janbek. London: Routledge. 2011. 156 p.
- Slone, M.* Responses to Media Coverage of Terrorism // *Journal of Conflict Resolution*. 2000. Vol. 44 №. 4. P. 508-522.

Мурадова А. Г., Таяновский М. В., Сэнсук Д. Социальные сети как инструмент для пропаганды терроризма и противодействие террористическим структурам в СМИ в странах СНГ

Waskiewicz, T.V. Friend of a friend influence in terrorist social networks. Air Force Research Laborator, 2012.

Zhuravlev, D. A. International terrorism and the media: the evolution of communication interaction // Bulletin of the Russian State University. Series: Political Science. History. International relations. 2009. No. 14. P.157-169.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Мурадова Алина Георгиевна – **Alina G. Muradova** – applicant at the соискатель кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов, Москва, Россия. E-mail: 1032211911.pfur.ru Department of Theory and History of International Relations, RUDN University, Moscow Russia. E-mail: 1032211911.pfur.ru

Таяновский Максим Владимирович – **Maxim V. Tayanovskiy** – applicant at the соискатель кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов, Москва, Россия. E-mail: maxtajan@gmail.com Department of Theory and History of International Relations, RUDN University, Moscow Russia. E-mail: maxtajan@gmail.com

Джирамет Сэнсук – соискатель кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов, Москва, Россия. E-mail: jisansuk@gmail.com **Jiramet Sansuk** – applicant at the Department of Theory and History of International Relations, RUDN University, Moscow Russia. E-mail: jisansuk@gmail.com

Контртеррористическое взаимодействие Индии и Таджикистана

С. В. Федина

*Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
E-mail: 1032213457@rudn.ru*

С. Х. Холов

*Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
E-mail: karimovamehrangez@01gmail.com*

А. Я. Якуба

*Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
E-mail: karimovamehrangez@01gmail.com*

Аннотация. Формирование региональной стабильности и безопасности является важнейшим элементом для развития любого государства и региона. Серьёзным дестабилизирующим фактором являются экстремизм и терроризм. При этом развитие экономики представляет собой инструмент устранения причин появления терроризма и экстремизма. Вот почему при отсутствии общих инициатив и проектов, у государств сохраняется интерес, объединяющий их – ликвидация угрозы терроризма. Ее устранение дает возможность развиваться каждому государству так, как оно считает наиболее верным. Терроризм является постоянно усложняющимся явлением. И государствам надлежит взаимодействовать на двустороннем и многостороннем уровнях, чтобы сформировать коллективные инструменты реагирования на угрозу терроризма, координировать деятельность правоохранительных структур, гармонизировать законодательство в данной области. В настоящей статье исследуется сотрудничество Индии и Таджикистана в контртеррористической сфере.

Ключевые слова: Индия, Республика Таджикистан, терроризм, экстремизм, контртерроризм, инициатива Пояса и Пути, национальные интересы, национальная безопасность, коллективная безопасность.

Для цитирования: Федина С.В., Холов С.Х., Якуба А.Я. Контртеррористическое взаимодействие Индии и Таджикистана. // Постсоветские исследования. 2023; 1(6):42-55.

Counter-terrorism cooperation between India and Tajikistan

S. V. Fedina

*Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia
E-mail: 1032213457@rudn.ru*

S. H. Kholov

*Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia
E-mail: karimovamehrangez@01gmail.com*

A. Ya . Yakuba

*Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia
E-mail: karimovamehrangez@01gmail.com*

Annotation. The formation of regional stability and security is an essential element for the development of any State and region. Extremism and terrorism are a serious destabilizing factor. At the same time, economic development is a tool for eliminating the causes of terrorism and extremism. That is why, in the absence of common initiatives and projects, States still have an interest that unites them – the elimination of the threat of terrorism. Its elimination makes it possible for each state to

develop in the way it considers the most correct. Terrorism is an ever-increasing phenomenon. And States should cooperate at the bilateral and multilateral levels to form collective instruments to respond to the threat of terrorism, coordinate the activities of law enforcement agencies, and harmonize legislation in this area. This article examines cooperation between India and Tajikistan in the counter-terrorism sphere.

Keywords: India, Republic of Tajikistan, terrorism, extremism, counter-terrorism, Belt and Road Initiative, national interests, national security, collective security.

For citation: Sofya V. Fedina, Surush H. Holov, Abakar Y. Yakuba. Counter-terrorism cooperation between India and Tajikistan // *Postsovetskie issledovaniya = Post-Soviet Studies*. 2023;1(6):42-55 (In Russ.).

Терроризм затрагивает все регионы мира, поэтому меры по противодействию такому виду насилия являются животрепещущей темой в планировании социально-политического и социально-экономического развития стран мира [Joshi, Kumari 2019: 34]. Несмотря на то, что существуют различные разновидности терроризма, так в той же Индии присутствует левый терроризм и религиозный [Ranjan 2018: 84–97], скорее даже религиозный и этнический одновременно, терроризм, самое широкое распространение сегодня получил именно религиозный исламский терроризм. Тем не менее, в XXI в. наметилась тенденция к сращиванию или даже взаимопроникновению различных видов терроризма [Ranjan 2018: 84–97], что, соответственно, ведет к увеличению, расширению целевой аудитории для рекрутирования в террористические организации, а также ведет к усложнению соотношения той или иной террористической структуры с разработанными наукой классификациями. Соответственно, сегодня терроризм является усложняющимся, постоянно изменяющимся социальным явлением, а его многоохватность побуждает государства на двусторонней основе, а также в рамках международных организаций и широких структур безопасности, принимать соответствующие антитеррористические меры, сотрудничать в этой сфере.

Терроризм является явлением одновременно порожденным социально-экономическими и социально-политическими проблемами и явлением провоцирующим такие проблемы, то есть появившись, террористическая структура, сложная она или простая, часто воспроизводит ту питательную для

возникновения насилия среду, из которой она, такая структура, появилась сама.

Соответственно, террористические структуры, возникнув в контексте и на почве проблем отдельных регионов и государств, изначально ориентированных на преследование строго определённых целей в границах обозначенных выше территориальных единиц, со временем стали обрастать международными связями, стали «всеядными» до объектов вербовки, также более масштабными у таких структур становятся цели и задачи из-за чего охват их деятельности приобретает черты трансграничного и международного терроризма.

В этой связи, стоит отметить возникающую необходимость двустороннего и международного сотрудничества в деле противодействия терроризму. Так, такие государства, как Индия и Таджикистан, в полной мере ощутивших на себе тот ущерб, который приносит национальной безопасности террористическая деятельность, активно развивают повестку антитеррористической борьбы как на двусторонней основе, так и на полях больших региональных структур безопасности.

В данной работе сначала будет показан краткий ретроспективный обзор причин и условий, которые породили экстремизм и терроризм в этих государствах. Во второй части работы будут описаны мотивы, побуждающие Индию и Таджикистан активно работать над антитеррористической повесткой как на двусторонней основе, так и в рамках широких региональных структур безопасности. Третья часть будет посвящена решениям и мерам, предпринятым двумя государствами в рамках

антитеррористической повестки. Вместе с тем, в двух последних частях статьи будут затронуты вопросы, касающиеся взаимодействия Индии и Таджикистана по вопросам безопасности и противодействия терроризму с Россией и Китаем, поскольку Российская Федерация и Китайская Народная Республика являются сильными игроками в Центральной Азии, инициативы которых имеют важное координирующее значение для выстраивания региональных принципов и механизмов безопасности, при этом безопасности в самом широком смысле. Надо отметить, что Россия не препятствует налаживанию контактов Индии со странами Центральной Азии по безопасности и экономическому сотрудничеству, поскольку Россия рассматривает само собой складывающуюся ситуацию в качестве идеального противовеса нарастающему влиянию Китая в этом регионе, противовеса, который ведет к балансу влияния на данный регион между Китаем, Россией и, в некоторой степени, Индией, хотя последняя не имеет границы с центральноазиатскими странами, но связана с ними опосредованно через экономические связи и напрямую с точки зрения существующих террористических угроз [Lee, Gill 2015: 110–125]. Вместе с тем, Индия признает главную роль России главного устроителя безопасности в Центральной Азии и не собирается соперничать с ней, поскольку считает, что интересы двух государств в области региональной безопасности, к которым относятся «сдерживание распространения фундаменталистского исламского терроризма, экстремизма, сепаратизма и наркотрафика из Центральной Азии» [Lee, Gill 2015: 117], пересекаются. Таджикистан же является ввиду своей географической близости к террористически активным регионам уязвимым с точки зрения национальной безопасности страной. Для решения проблем, связанных с существующими рисками террористического и экстремистского характера, Таджикистан принимает

разнонаправленные шаги в деле борьбы с проявлениями различного рода террористической деятельности¹, а именно, совершенствует собственную систему реагирования, развивает сотрудничество на двусторонней основе с другими государствами, например, с Россией и Индией, и в рамках широких региональных структур безопасности (ШОС).

Корни терроризма в Индии уходят в ключевые события глобального масштаба. После окончания Второй мировой войны (1939–1945 гг.) Британская империя стала реформировать свои отношения со своими колониями, выводя свои войска и административные структуры из целого ряда доминионов. В 1947 г. это произошло с Британской Индией – искусственным образованием, включавшем в себя территории современной Индии, Пакистана и Бангладеш. В связи с отсутствием глубокой проработки и понимания сложности межэтнического взаимодействия народов Британской Индии стремительная ликвидация иностранной администрации привела к масштабным межэтническим столкновениям, посеявшим семена вражды и нестроений между двумя большими социальными группами, которых можно разделить по религиозному принципу на индуистов и мусульман. Миллионы людей покинули свои дома в условиях хаоса — индусы и сикхи бежали из новообразованного Пакистана в Индию, а многие мусульмане покинули историческое ядро Империи Великих Моголов в северной Индии [Wolpert 2006: 23-41]. За беспорядками и массовыми убийствами в ходе раздела быстро последовала полномасштабная война за спорный штат Джамму и Кашмир, расположенный между двумя новыми странами, в котором преобладало мусульманское большинство, но которым управлял индуистский махараджа.

Борьба за Кашемир и насилие породило фундаментальную вражду между Индией и Пакистаном, которая продолжается уже

¹ Под терроризмом, террористической деятельностью стоит понимать не только непосредственное осуществление терактов, но и подготовку таковых, включающую не только материально-техническую

подготовку, но и вербовку новых членов террористических структур, поиск финансирования и прочее.

больше семидесяти лет. Войны 1965 и 1971 гг. и разработка ядерного оружия обоими государствами лишь усугубили этот «бесконечный конфликт» [Ullah 2018: 57-77].

В условиях напряженных межгосударственных отношений между Индией и Пакистаном стали крепнуть террористические организации, имеющие в данном регионе широкую базу для пополнения своего состава новыми рекрутами. На первый план вышла более дисциплинированная пропакистанская группировка, созданная вокруг инфраструктуры политической партии «Джамаат-и-Ислами» - «Хизб аль-Муджахин». «Хизб аль-Муджахин» выступала за защиту мусульман Кашмира в начале и середине 1990-х гг. и поэтому ограничивала зону своей деятельности пределами управляемого Индией штата Джамму и Кашмир.

В середине и конце 1990-х гг. воинствующие организации с преобладающей пакистанской вербовочной базой начали играть все более заметную роль в кашмирском конфликте. Среди таких организаций наиболее крупными выступали Харкат-уль-Муджахин и Лашкар-и-Тайба, которые имели связи с группировками в Афганистане. Новая волна мощных джихадистских группировок, которые отличались друг от друга во многих отношениях, преследовала цель разрушить индийское государство и «освободить» его мусульманские общины от власти индуистов [Khemnar 2018: 1-8].

Для достижения данной цели требовалось не только активная деятельность на территории Джамму и Кашмира, но и поиск поддержки со стороны мусульман, проживающих непосредственно в Индии. Хотя уход Великобритании разделил субконтинент по религиозному признаку, многие миллионы мусульман остались проживать в Индии, при этом они были социально уязвимой категорией населения, так как их доходы и образование, как правило, были ниже среднего уровня по стране. Эта относительная бедность сохраняется и по сей день. Тем не менее, мусульмане Индии испытали влияние толерантных течений ислама, порожденных

многовековым воздействием на субконтинент многочисленных религий и сект. Это разнообразие стало важным сдерживающим, но не нивелирующим, фактором для радикализма, а также стало важным подспорьем для включения мусульман в процесс участия в демократической политике Индии в качестве кандидатов, рабочих и государственных служащих. Более того, мусульманское население исторически не являлось источником насильственного радикализма или поддержки боевиков, патронируемых Пакистаном [Wilkinson 2004: 191].

Терроризм со стороны исламских группировок мобилизовал и радикализировал индуистских националистов. Рост индуистского национализма вызвал волну общественных беспорядков, которые были направлены против мусульман по прямому подстрекательству политиков или с молчаливого согласия политизированной полиции [Blackbourn, McGarrity, Roach 2019: 183-190]. Индуистская националистическая «шафрановая волна» достигла апогея в 1992 и 1993 гг. после того, как толпа индуистов разрушила мечеть в североиндийском городе Айодхья.

Исламские террористы совершили ответные действия: в 1999 г. был захвачен самолет авиакомпании Indian Airlines; в 2000 г. Лашкар-и-Тайба атаковал Красный форт Дели; а в декабре 2001 г. группа боевиков, связанных с Джейш-и-Мухаммадом и Лашкар-и-Тайбой, напала на индийский парламент. Хотя войны удалось избежать, тем не менее впереди ждала трагедия иного рода. В феврале 2002 г. индуисты, возвращавшиеся из паломничества в Айодхью, были заживо сожжены в железнодорожном вагоне в штате Гуджарат. Несмотря на то, что обстоятельства трагедии не были ясны, сразу же распространились слухи о том, что виноваты мусульмане [Blackbourn, McGarrity, Roach 2019: 183-190].

С начала 2000-х гг. Пакистан отходит от поддержки террористических групп, что заметно сократило количество терактов. Последний крупный теракт с участием исламистских группировок произошел в порту Мумбаи в сентябре 2008 года. Такое

сокращение интенсивности террористической деятельности стало возможным благодаря целому ряду мер, предпринятых правительством Индии, но об этом будет идти речь во третьей части статьи.

Ключевым фактором для возникновения террористических группировок в Таджикистане является географическая близость к беспокойному, с точки зрения террористических угроз, региону Аф-Пака. Гражданская война 1992–1997 гг. сделала государство ещё более уязвимым для проникновения и распространения на его территории экстремистских идей. Террористические группы, пользуясь нестабильной ситуацией, сложившейся из-за гражданской войны, и разногласиями внутри страны хотели захватить силой власть и создать новое, но уже исламское, государство. С 1992 по 1994 гг. террористические группировки в Таджикистане имели реальные шансы захватить власть и поменять политический вектор развития Таджикистана. С 1994 года оппозиция и законная власть начали мирные переговоры. В ходе мирных переговоров оппозиция в лице террористических группировок пыталась дестабилизировать и обострить конфликт [Махмадиев 2018: 147].

В годы гражданской войны террористические группировки в Таджикистане вели борьбу не только против законной власти, но и против мирного населения. Террористы использовали разные методы дестабилизации ситуации такие, как взрывы домов, диверсии в общественных местах, взятие заложников из мирного населения, прибегали к иным чрезвычайно жестоким способам достижения поставленных целей [Булкин, Моисеенко 2020: 450].

Гражданская война 1992–1997 гг. изменила Таджикистан кардинально: если до войны у граждан страны уже было разное понимание религии, то к этому добавился ещё один разъединяющий общество фактор, а именно региональный фактор, который

играет немаловажную роль и в XXI в. В ходе гражданской войны в Таджикистане по мнению экспертов погибло около 100 тысяч человек, 200 тысяч пропали без вести, около 1 миллиона стали беженцами, а экономика Таджикистана получила ущерб в размере 7 млрд долларов. Гражданская война в Таджикистане стала самой кровопролитным кризисом в странах бывшего СССР и показала, что опасность террористической угрозы может появиться когда угодно [Махмадиев 2018: 145].

С момента получения независимости, более 18 групп¹ и организаций в Таджикистане по решению Верховного суда были признаны террористическими и экстремистскими. Последней организацией, которая была признана по решению Верховного суда Республики Таджикистан от 15 августа 2019 г., террористическим и экстремистским объединением стал «Национальный альянс Таджикистана» [Рахимова 2018: 87].

В 2013–2016 гг. в Таджикистане и за ее пределами активно набирала обороты деятельность «ИГ». Хотя эта террористическая организация запрещена в Республике Таджикистан, «ИГ» вербовало людей посредством социальных сетей, а также с помощью имамов, которые по-своему трактовали религию. Главной мишенью вербовщиков стали молодые люди в возрасте от 17 до 25 лет, а также мигранты, которые работали в России. Деятельность была признана террористической и экстремистской по решению Верховного суда Республики Таджикистан 14 апреля 2015 г. [Chutia 2022: 75].

Также стоит обратить внимание на другую террористическую организацию, а именно на Партию² исламского возрождения Таджикистана «ПИВТ», которая де факто была создана в 1973 г., но официально начала действовать 26 октября 1991 г. «ПИВТ» - оппозиционная исламская партия, которая имела большую популярность в годы

¹ Организации, признанные террористическими на территории Республики Таджикистан // Антитеррористический центр СНГ. URL: <https://www.cisatc.org/1289/134/160/1268> (дата обращения: 01.06.2022).

² Islamic Revival Party of Tajikistan // Web Archive. URL: <https://web.archive.org/web/20090821222053/http://nahz.at.tj/> (дата обращения: 01.06.2022).

гражданской войны в Таджикистане и финансировалась извне [Mehl 2018: 42].

Оппозиционной политической партии таджикских либералов «Ростахез» удалось организовать массовые собрания против правительства, а Партия исламского возрождения Таджикистана (ПИВТ) не только поддержала, но и активно участвовала в демонстрациях. Постепенно ПИВТ заняла лидирующие позиции на демонстрациях и потребовала преобразования таджикского общества в исламское, но никогда не требовала создания теократического государства. ПИВТ была основана татарской интеллигенцией в июне 1990 г. в Астрахани, Россия. Ахмад Кази Ахтаев был избран его первым председателем, а Вали Ахмад Садр - его пресс-секретарем и главным идеологом. Основными целями ПИВТ были возрождение ислама в регионе, включая единство среди мусульман, соблюдение населением правил ислама, участие населения в религиозной, культурной, политической, социальной и экономической жизни на основе исламских принципов, провозглашала некоторые принципы социальной справедливости (противодействие накоплению богатства в руках небольшой прослойки населения и так далее). На совещании было принято решение о создании различных отделений на всех уровнях республик бывшего Советского Союза [Сафарзода 2019: 81].

Наиболее активное и важное крыло партии было создано в Таджикистане 6 октября 1990 года. Первоначально ПИВТ Таджикистана требовала исламизации общества, поскольку до тех пор Таджикистан оставался под советской властью, а социально-экономические установки государства были основаны на советской модели. Таджикистан довольно бедной советской республикой, поэтому обретение независимости породило у населения много больших надежд на решение своих проблем, но они присоединились к оппозиции, особенно ПИВТ, когда требования не были выполнены. Многие моджахеды, воевавшие в Афганистане против советских войск, также вступили в ряды той части партии, на которую оказало влияние движение

басмачей начала XX в. Оно, это крыло партии, выросло из подпольной молодежной организации в середине 1970-х гг., в которую вступала недовольная советским правлением молодежь, называвшей себя Сомон-и-Джавон Азод, то есть Организацией освобожденной молодежи (ЛИО); это крыло начало действовать в Курган-Тюбинской области, которая оставалась штаб-квартирой партии, главой которой был Саид Абдулла Нури, во время гражданской войны в Таджикистане. Лидерами военного крыла таджикской ПИВТ были Саид Абдулла Нури, Даулат Усман и Шарифом Химматзода. На местном уровне она называлась "Хизб-и-Нехз Ислами" и имела свою военную базу в долине Гарам в Таджикистане и на севере Афганистана [Sukhankin 2020: 2].

Мотивы Индии и Таджикистана укрепления антитеррористических мер и международного сотрудничества в области противодействия терроризму и экстремизму.

Как уже было упомянуто выше, меры по противодействию терроризму и экстремизму являются важной составляющей в планировании социально-политического и социально-экономического развития стран мира [Joshi, Kumari 2019: 34]. Терроризм и экстремизм — явления, которые во многом воспроизводят негативную среду, из которой сами же и появились. Так, социально-экономическое неблагополучие населения страны, региона, это могут быть материальные проблемы, безработица, создаёт почву для возникновения или роста экстремизма, который плавно перетекает в формирование террористических структур [Patnaik 2016: 182]. Вместе с тем, с появлением террористических структур, криминогенная обстановка (из-за слабости нормативно-правовой базы, из-за разного рода несовершенств систем реагирования и так далее), которая, в частности, могла способствовать их появлению, не ослабевает, а усугубляется из-за того, что между криминальными группировками и террористическими структурами устанавливаются «партнерские связи», из-за того, что системам реагирования в такой ситуации приходится работать над большим

количеством объектов преследования, а это может отражаться на скорости и качестве правоохранительной деятельности. Осознание столь сложной нагрузки на правоохранительные системы по противодействию и пресечению террористической и экстремисткой деятельности, а также транснациональный характер современного терроризма, побуждает государства к международному сотрудничеству в данной области. Так, в 2013–2020 годах в Таджикистане была проведена реформа милиции, которая включала в себя активизацию международного сотрудничества с правоохранительными органами других государств [Хабибов 2019: 88–90]. В итоге, тяжелая криминогенная обстановка из-за действий террористических и «классических» криминальных структур не позволяет стране, региону, где наблюдается такая обстановка, должным образом развиваться в социально-экономическом плане (например, нельзя выстроить безопасную логистическую цепь для региональной торговли и прочее), что опять же приводит к материальной неустроенности населения, уязвимость которого снова приводит воспроизводству экстремистских идей среди большого числа людей и рекрутингу некоторых из них в такие структуры. В итоге получается замкнутый круг. Естественно, приведенный здесь пример является неполным, схематичным, так как социально-экономические факторы не ограничиваются лишь размером доходов населения (сюда стоит добавить и уровень образования населения, и возможность его получения, и то насколько сбалансирован выход людей в мировое коммуникационное пространство и каков баланс контроля за такими коммуникациями и прочее). Тем не менее, данный пример показывает то, как воспроизводится благоприятная для поддержания существования террористических структур среда.

В итоге вывод о том, как бороться с терроризмом и экстремизмом,

напрашивается сам собой – такой замкнутый круг необходимо разорвать. Наиболее эффективным способом борьбы с терроризмом, в подобной ситуации, будет удар с двух сторон, а именно по причинам возникновения, а это социально-экономические проблемы-побудители экстремизма, и по следствию, то есть силами и средствами систем реагирования по уже существующим террористическим структурам, дабы они не могли мобилизоваться и воспроизвести уже вышеозначенную негативную среду.

Мотивов у Индии для укрепления сотрудничества в области противодействия терроризму очень много и они носят социально-экономический и геостратегический характер. Индия активно пользуется возможностью по установлению связей в области безопасности со странами Центральной Азии, поскольку они вполне открыты для регионального сотрудничества¹ в этой сфере. Из-за влияния Китая на этот регион, у Индии возникает беспокойство, что он, при посредничестве Пакистана, будет стимулировать внешнеполитический и внешнеэкономический антииндийские вектора политики центральноазиатских государств. Именно поэтому Индия старается сотрудничать с центральноазиатскими государствами по многим направлениям, в том числе в области безопасности [Lee, Gill 2015: 112]. Если главную роль России в обеспечении безопасности в регионе Индия никак и ничем не собирается оспаривать, то возможное активное подключение Китая к регулированию вопросов безопасности, хотя тот всё ещё больше концентрируется именно на экономической составляющей развития региона, для Индии представляют существенную угрозу, так как её голос в решении общеазиатских вопросах будет при усилении и так довольно сильных позиций Китая слышен ещё меньше.

Такое ревностное отношение к укреплению позиций Китая в регионе связано с куда более очевидными

¹ В данном случае мы отходим от узкого определения Центральной Азии (ЦА) как региона, принимая во внимание более широкое определение региона,

принятое ЮНЕСКО, по которому северная часть Индии также относится к ЦА.

причинами. Во-первых, это связано с вопросами торговли и обеспечения углеводородами, что в целом можно свести к общеэкономическим причинам. Так, Индия намеревается прилагать дальнейшие усилия по созданию коридора Север-Юг, который в его расширенном варианте будет включать 14 государств, в том числе и Таджикистан. Во-вторых, самая очевидная связь кроется в её территориальных спорах касаясь штатов Джамму и Кашмир, поскольку, несмотря на некоторый спад террористической активности пропакистанских террористических группировок в Индии с конца 2000-х годов, риск перетекания терроризма и экстремизма с территории Аф-Пак сохраняется до сих пор.

В итоге, учитывая географическую отдаленность от бывших советских республик в Центральной Азии, Индия «стремится установить независимые связи с регионом, чтобы гарантировать, что её экономические, ресурсные и стратегические возможности не будут перекрыты» [Lee, Gill 2015: 112-113].

Таким образом, заинтересованность Индии в обеспечении безопасности в Центральной Азии зиждется на нескольких положениях: существует риск распространения терроризма и экстремизма как на территории Индии, так и вне её территории, на которой, тем не менее, у неё есть свои экономические интересы; экономические интересы и проекты надо обеспечивать, в том числе посредством создания безопасной и благоприятной обстановки для ведения бизнеса; подрыв социально-экономических основ стабильности внутри, так и за пределами государственной территории ведет к возникновению благоприятной почвы для распространения терроризма и экстремизма и наоборот; для отстаивания своих интересов в ЦА, у Индии должны быть свои хорошо налаженные связи с центральноазиатскими странами по вопросам безопасности в противовес таким связям ЦА с Китаем.

Таджикистан также имеет целый спектр мотивов для международного сотрудничества в области безопасности, к которой, что совершенно естественно, относится и противодействие терроризму и

экстремизму. Хотя его емкость рынка по сравнению с другими центральноазиатскими государствами относительно невелика, Таджикистан, являясь связующим звеном между Южной и Центральной Азией, представляет собой наиважнейшую для китайских экономическим инициатив в регионе территорию. «Таджикистан является основным сторонником инициативы «Один пояс один путь» и сопутствующих ей проектов; это была первая страна среди государств Центральной Азии, подписавшая соглашение с Китаем по ОПОП» [Rashid, Iqbal, Nawab 2021: 3]. Соответственно, у Таджикистана также есть экономический интерес в развитии международного сотрудничества в области безопасности, так как создание благоприятной и безопасной обстановки будет способствовать развитию торговой инфраструктуры и реализации экономического потенциала страны. На Таджикистан приходится 4% пресной воды мира, а также есть золото, которое добывается сейчас совместно с китайскими партнерами [Rashid, Iqbal, Nawab 2021: 3]. Для Индии особое значение имеет географическое расположение Таджикистана, именно поэтому помимо различных соглашений с Таджикистаном по вопросам безопасности и координации действий на этом направлении, Индия держит в Таджикистане (в Айни) свою военно-воздушную базу [Rashid, Iqbal, Nawab 2021: 3]. Несмотря на то, что многие значительные игроки в ЦА пытаются склонить Таджикистан на свою сторону, сам Таджикистан, стараясь придерживаться нейтралитета, идет на международное сотрудничество в различных областях очень осторожно и делает это исключительно в вопросах крайне важных, необходимых и только тогда, когда это действительно нужно [Rashid, Iqbal, Nawab 2021: 3].

Основополагающими проектами, к которым Таджикистан проявил особый интерес, это китайские проекты ОПОП по строительству торговых маршрутов, а именно строительство участка железной дороги, которая частично будет проходить по территории Таджикистана и будет соединять Синьцзян с Персидским заливом; также проектируется ж/д путь из Китая в

Кыргызстан-Таджикистан-Афганистан и Иран, который станет важным торговым мостом между Южной и Центральной Азией. В целом, проектов довольно много и они не ограничиваются строительством торговых путей, а включают также создание совместных китайско-таджикских предприятий, китайские инвестиции в электроэнергетику Таджикистана. Кроме того, Таджикистан активно интересуется проектом КПЭК, то есть китайско-пакистанским экономическим коридором[Rashid, Iqbal, Nawab 2021: 1-13]. В этой связи, для обеспечения должного уровня безопасности осуществления экономической деятельности как в самом Таджикистане, так и в регионах Южной и Центральной Азии, Таджикистану необходимо сотрудничать в области обеспечения безопасности с другими государствами этих двух регионов.

Несмотря на то, что Таджикистан участвует преимущественно в китайских экономических проектах, у Индии и Таджикистана есть общий интерес – стабильность и безопасность для развития своей внешнеэкономической деятельности. Внешняя угроза у них одна – экспорт экстремизма и терроризма с территории Аф-Пак. В этой связи им необходимо делать определённые шаги в сторону согласования позиций по вопросам безопасности в этом приграничном регионе, создать условия по созданию в будущем крепких механизмов реагирования на террористические угрозы, участвовать в широких структурах безопасности в рамках двух регионов (или, в широком смысле, единого центральноазиатского региона).

Решения и меры, предпринятые Индией и Таджикистаном в рамках антитеррористической повестки.

Подход Индии отличается комплексностью. Во-первых, Индия

рассматривает терроризм как уголовное преступление, для противодействия которому ориентирует правоохранительные органы. Стоит отметить, что Индия рассматривает терроризм как угрозу национальной безопасности, которую можно устранять с помощью национальных вооруженных сил, чему способствует укоренившееся представление о том, что экспорт терроризма и экстремизма – один из инструментов Пакистана по дестабилизации ситуации внутри Индии.

Если говорить о правоохранительной составляющей борьбы с терроризмом, то следует в первую очередь очертить правовую базу, сформированную в данной области. Основным законодательным актом по борьбе с терроризмом в Индии является Закон о предотвращении террористической и подрывной деятельности (TADA) – первый закон о борьбе с терроризмом, запрещающий штрафовать и противодействовать террористической деятельности¹. Однако законодательный процесс не стоит на месте. Вторая Комиссия по административным реформам (ARC) Индии высказала мнение в своем докладе в 2008 г., что «необходимо ввести в действие всеобъемлющую и эффективную правовую базу для борьбы со всеми аспектами терроризма. Закон должен иметь адекватные гарантии для предотвращения его неправильного использования»².

Министерство внутренних дел Индии осуществляет надзор за национальной полицией, разведывательным бюро и военизированными формированиями. Разведывательное бюро считается узловым контртеррористическим агентством и тесно сотрудничает с государственной полицией и центральными военизированными формированиями в области разведки по борьбе с терроризмом. Но он не может в полной мере выполнять эту функцию, поскольку у него нет законных полномочий расследовать преступление, арестовывать

¹ The Terrorist and Disruptive Activities (Prevention) Act, 1987. Act No. 28 of 1987, amended by Act 43 of 1993 // South Asia Terrorism Portal. URL: www.satp.org/satporgtp/countries/india/document/actandordinances/tada.htm. (дата обращения: 20.05.2022).

² Combating Terrorism: Protecting by Righteousness, Eighth // Report of the Second Administrative Reforms Commission. New Delhi: Government of India, June 2008. URL: https://darpg.gov.in/sites/default/files/combating_terrorism8.pdf (дата обращения: 23.05.2022).

кого-либо или преследовать людей в суде [Mahadevan 2012: 94.]. На основе рекомендаций Специальной целевой группы правительство создало обновленный механизм национальной безопасности, который характеризуется большей децентрализованностью [Watson, Fair 2013: 280–299].

Следует также отметить сугубо военную составляющую индийских контртеррористических усилий. Центральное правительство создало семь Центральных военизированных формирований (CPMFS), которые регулярно используются для обеспечения правопорядка наряду с полицейскими силами соответствующих штатов [Subramanian 2007: 105-124]. Среди них стоит выделить Силы пограничной безопасности (BSF), Ассамские винтовки, Центральные силы промышленной безопасности (CISF), Индо-Тибетскую пограничную полицию (ITBP), Сима Суркша Бал (SSB) и Национальную гвардию безопасности (NSG). В то время как индийская армия насчитывает около 1,2 млн чел. личного состава, численность всех семи CPMFS превышает 1,3 млн человек. BSF и ITBP играют решающую роль в операциях по борьбе с терроризмом в Кашмире [Kaur 2017: 51-67].

Вместе с собственными усилиями Индия задействует потенциал своей дипломатии для взаимодействия с узловыми странами для объединения усилий противодействия терроризму. Особое место в данном контексте занимает Республика Таджикистан. Во-первых, данное государство также сталкивается с угрозой терроризма, которая исходит от соседнего Афганистана. Во-вторых, Таджикистан находится в сопредельном для Индии регионе, а, учитывая трансграничный

характер феномена терроризма, для борьбы с ним необходимы взаимные усилия по нейтрализации ячеек и поимке террористов. И, наконец, Индию и Таджикистан объединяет общая нормативно-правовая база борьбы с терроризмом в виде Хартии Шанхайской организации сотрудничества от 2002 г.¹ и Конвенции Шанхайской организации сотрудничества против терроризма от 2009 г.², а также координация усилий в рамках Региональной антитеррористической структуры (РАТС) ШОС³. Именно консенсус, достигнутый на полях ШОС, позволяет с уверенностью сказать, что Таджикистан и Индия осуждают терроризм во всех его формах и проявлениях, что особенно ценно ввиду отсутствия Всеобъемлющей конвенции о терроризме.

Взаимодействие Индии и Таджикистана по контртеррористической тематике активно развивалось в 2015–2017 годах. Именно в июле 2015 г. лидеры двух стран приняли Совместное заявление, где они решили активизировать взаимодействие на официальном уровне в рамках Совместной рабочей группы (СРГ) по борьбе с терроризмом для укрепления сотрудничества в борьбе с терроризмом⁴. В связи с приобретением Индией статуса полноправного члена ШОС в 2017 г. потребность в особых двусторонних мерах отпала сама собой. Однако в январе 2022 г. Индия предприняла масштабную дипломатическую инициативу, проведя Первый Саммит Индия – Центральная Азия. На данном саммите Индия и Таджикистан договорились рассмотреть возможность проведения совместных антитеррористических учений. Особенно высоко Таджикистаном было отмечен диалог по вопросам безопасности, проведенный 10 ноября 2021 г. под названием «Делийский

¹Хартия Шанхайской организации сотрудничества 2002 г. // Представительство Российской Федерации в Шанхайской организации сотрудничества. 07.06.2002. URL: <http://sco-russia.ru/documents/> (дата обращения: 26.05.2022).

²Конвенция Шанхайской организации сотрудничества против терроризма: офиц. текст. 2009. // URL: <http://nac.gov.ru/zakonodatelstvo/mezhdunarodnye-pravovye-akty/konvenciya-shanhayskoy-organizacii.html> (дата обращения: 27.05.2022).

³ РАТС ШОС открыта для сотрудничества ради консолидации усилий в борьбе с терроризмом // ИнфоШОС. 12.12.2017. URL: <http://infoshos.ru/ru/?idn=17606> (дата обращения: 24.05.2022).

⁴ India, Tajikistan to intensify cooperation against terror // Sunday Chronicle. 14. 07. 2015. URL: <https://www.deccanchronicle.com/150713/nation-current-affairs/article/india-tajikistan-intensify-cooperation-against-terror> (дата обращения: 20.05.2022).

региональный диалог по безопасности в Афганистане». Обеспокоенным ситуацией в Афганистане Таджикистан приветствовал усилия Индии по содействию ее урегулированию. Индия в свою очередь высоко оценила предложения Таджикистана провести Международную конференцию в рамках «Душанбинского процесса по противодействию финансированию терроризма» в октябре 2022 г. в Душанбе¹. Помимо всего прочего, у Индии и Таджикистана есть соглашения по экстрадиции лиц, подозреваемых в терроризме, договор о взаимной правовой помощи по уголовным делам [Chandra 2020: 40-57].

Таким образом, можно констатировать, что хотя антитеррористические усилия Индии и Таджикистана объединены общими институциональными рамками ШОС, они ими не ограничиваются. Страны чутко реагируют на региональные кризисы, которые могут усугубить ситуацию в сфере борьбы с терроризмом и предлагают дополнительные форматы для активизации двустороннего и многостороннего сотрудничества со всеми заинтересованными игроками.

Основными нормативно-правовыми актами, запрещающими деятельность террористических и экстремистских группировок в Республике Таджикистан являются Закон Республики Таджикистан «О борьбе с терроризмом» от 16 ноября 1999 г.² и Закон Республики Таджикистан «О борьбе с экстремизмом» от 8 декабря 2003 г.³

Одним из союзников Таджикистана в борьбе против терроризма и экстремизма является Индия. Когда в Таджикистане вспыхнула Гражданская война, Индия была одной из стран которая отправляла своих военных миротворцев для урегулирования межтаджикского конфликта. Индия и Таджикистан в 2021 г. активизировали антитеррористическое, оборонное сотрудничество. Это связано с тем, что

власть в Афганистане перешла в руки террористической группировки Талибан, которая активно контактирует с Пакистаном. Также стороны подписали меморандум о сотрудничестве в области обмена финансовой разведки, связанной с отмыванием денег и финансированием терроризма [Холиков 2021: 70].

Говоря о дальнейшем углублении сотрудничества в области безопасности, Премьер-министр Индии сказал, что это будет сделано на нескольких уровнях – путем укрепления общих двусторонних договоренностей в области безопасности, путем расширения подготовки кадров, наращивания потенциала реагирования и обмена информацией, а также путем активной координации в региональном и многостороннем контекстах.

Вооруженные силы Таджикистана сегодня представляют собой небольшой форпост российской армии. Она полностью оснащена российским вооружением и даже имеет ту же организационную структуру. В 2017 г. Таджикистан получил российскую технику на сумму 122 млн долларов, а в 2019 г. Москва обязалась инвестировать еще 200 мл долларов в модернизацию таджикской армии до 2025 г. На территории Таджикистана продолжает функционировать российская военная база, а также ряд объектов военной инфраструктуры [Gupta 2021: 25]. Проводится ряд совместных мероприятий именно в сфере борьбы с терроризмом, при этом Россия является ключевым союзником Таджикистана в этой сфере. Так, например, именно российский контингент размещен в Таджикистане, хотя в период 2001–2002 годов в Таджикистане также присутствовал ограниченный контингент французских войск для борьбы с террористической угрозой. Более того, в рамках ОДКБ активное сотрудничество в области противодействия терроризму было развернуто и с другими акторами

¹ Delhi Declaration of the 1st India-Central Asia Summit // Embassy of India, Dushanbe. 27.01.2022. URL: https://www.eoidushanbe.gov.in/news_letter_detail/?id=145 (дата обращения: 20.05.2022).

² Закон Республики Таджикистан "О борьбе с терроризмом" // Антитеррористический центр СНГ

URL: <https://www.cisatc.org/1289/135/155/285/7922> (дата обращения: 01.06.2022).

³ Закон Республики Таджикистан "О борьбе с экстремизмом" // Антитеррористический центр СНГ. URL: <https://www.cisatc.org/1289/135/155/285/7923> (дата обращения: 01.06.2022).

международных отношений [Esenbekova 2020: 530].

В рамках ОДКБ так же принят ряд мер по противодействию терроризму, в частности, был сформирован единый список террористических организаций. Механизм функционирования данного списка работает следующим образом. Если одно из государств-членов ОДКБ признает ту или иную группировку террористической группой, то остальные государства так же признают ее террористической [Lemon, Roberts 2021: 200]. Это не только унифицирует единый перечень и позволяет более четко определять объект борьбы, но и позитивно влияет на эффективность антитеррористической борьбы, т.к. в таком случае террорист из одной страны не может спокойно переехать в другую страну региона и уйти от ответственности, принадлежность к террористической группировке не будет аннулирована при пересечении границы¹.

Подводя итог, можно сказать, что заинтересованность Индии и Таджикистана в совместном противодействии терроризму как на двусторонней основе, так и в рамках широких региональных структур

безопасности зиждется на желании обеспечить как внутреннюю стабильность в своих государственных границах, так и общерегиональную безопасность для развития внешнеэкономической деятельности, поскольку экономическое развитие влияет на социально-экономическое благополучие населения и сдерживает его от вовлечения в экстремистские круги. Таким образом, развитие экономик этих стран является важной основой пресечения распространения терроризма и экстремизма в регионе и, одновременно, само такое развитие (комплекс внутри- и внешнеэкономических мероприятий) нуждается в защите от уже имеющихся проблем экстремистского и террористического характера. Для того, что обеспечить стабильность и безопасность, нужны встречи, переговоры, договоры и соглашения по данной проблеме, создание необходимых механизмов реагирования, синхронизация, насколько это позволяет уровень развития сотрудничества, двух правоохранительных систем и прочее.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Булкин В. В., Моисеенко К. С. Терроризм в Центральной Азии (Таджикистан, Узбекистан, Туркменистан) // Постсоветские исследования. 2020. Т. 3. №. 6. С. 479–486.
- Махмадиев Н. Д. Основные тенденции развития терроризма и экстремизма в Таджикистане // Вестник Таджикского национального университета. 2018. №. 5. С. 143-148.
- Сафарзода Х. С. Criminal and legal nature of international terrorism in the antiterrorist legislation of the Republic of Tajikistan // Труды Академии МВД Республики Таджикистан. 2019. №. 1. С. 80-87.
- Холиков Ф. А. Information Terrorism as a threat to the National Security of The Republic of Tajikistan // Известия Академии наук Республики Таджикистан. Отделение общественных наук. 2021. №. 2. С. 68-73.
- Хабیبов С. А. "Взаимодействие органов внутренних дел Республики Таджикистан и Российской Федерации по борьбе с преступлениями террористического характера" Академическая мысль, 2 (7), 2019, С. 88–90.
- Blackbourn J., McGarrity N., Roach K. Understanding and responding to right wing terrorism // Journal of policing, intelligence and counter terrorism. 2019. Т. 14. №. 3. P. 183-190.
- Chandra V. India's Counter-Terrorism Diplomacy at the United Nations: Progress and Problems. *India Quarterly*. 2020;76(1): P. 40-57.
- Chutia T. Tajikistan: An Evaluation of Terrorism and Counter-Terrorism Policies Since Independence // Conflict Studies Quarterly. 2022. №. 39 P. 100-124.

¹ О некоторых аспектах борьбы с терроризмом и религиозным экстремизмом в ЦА
// Media group Tajikistan. URL:
<https://news.tj/ru/news/tajikistan/security/20171016/o->

nekotorih-aspektah-borbi-s-terrorizmom-i-religioznim-ekstremizmom-v-tsa (дата обращения: 09.05.2019)

- Esenbekova A. T.* Relevant Questions in Counteraction Terrorism and Extremism in Central Asian Countries // *Journal of Positive School Psychology*. 2022. P. 528-538.
- Fleming, C. M., Manning, M., Pham, H.-T., & Vorsina, M.* (2022). Ethnic Economic Inequality and Fatalities From Terrorism. *Journal of Interpersonal Violence*, 37(11–12), NP9089–NP9114.
- French R.W.* Constructing Cooperation: A New Approach to Confidence Building between India and Pakistan // *The Round Table*. 2019. Vol. 108 №. 2. P. 121-144.
- Gupta P. K.* Situating Tajikistan in India's Central Asia Policy: A Strategic Dimension // *Electronic Journal Of Social And Strategic Studies* 2021. Т. 2. P. 64-76.
- Joshi, N., & Kumari, K.* (2019). Understanding Central Asia's Security and Economic Interests. *India Quarterly*, 75(1), P. 29–42.
- Kaura V.* India's Counter-Terrorism Policy against Jihadist Terror: Challenges and Prospects // *Connections QJ*. -2017. Vol. 16. № 4. P. 51-67.
- Khemnar S.* Causes and effects of terrorism in India: An overview // *International Journal of Applied Information Systems*. 2018. Т. 12. №. 15. P. 1-8.
- Lee, L., & Gill, G.* (2015). India, Central Asia and the Eurasian Union: A New Ballgame? *India Quarterly*, 71(2), P. 110–125.
- Lemon E., Roberts F.* Tajikistan: from reconciliation to post-reconciliation // *Political Regimes and Neopatrimonialism in Central Asia*. – Palgrave Macmillan, Singapore, 2021. P. 199-247.
- Mahadevan P.* The Politics of Counterterrorism in India: Strategic Intelligence and National Security. New York, 2012. P.94.
- Mehl D.* Converging factors signal increasing terror threat to Tajikistan // *CTC Sentinel*. 2018. Т. 11. №. 10. P. 42-50.
- Patnaik, A.* (2016). Central Asia: Between Stability and Instability. *International Studies*, 53(3–4), P. 176–194.
- Ranjan, A.* (2018). Conflicts Without End: The Case of South Asia. *Journal of Asian Security and International Affairs*, 5(1), P. 84–97.
- Rashid M, Iqbal M, Nawab M. W.* Belt and Road projects in Tajikistan: Opportunities to strengthen the ties between Pakistan and Tajikistan. *Asian Journal of Comparative Politics*. December 2021, P.1-13.
- Subramanian K.S.* Political Violence and the Police in India. New Delhi, 2007. P. 105-124.
- Sukhankin S.* The Security Component of the BRI in Central Asia, Part Two: China's (Para) Military Efforts to Promote Security in Tajikistan and Kyrgyzstan // *China Brief*. 2020. Т. 20. P. 2-8.
- Ullah A. et al.* Terrorism in India as a Determinant of Terrorism in Pakistan // *Asian Journal of Criminology*. 2018. Т. 13. №. 1. P. 57-77.
- Watson S.J., Fair, C.C.* India's Stalled Internal Security Reforms // *India Review*. 2013. Vol. 12. № 4. P. 280–299.
- Wilkinson S.* Votes and Violence: Electoral Competition and Ethnic Riots in India. Cambridge: Cambridge University Press. 2004.
- Wolpert, S.*, Shameful Flight: The Last Years of the British Empire in India. // Oxford University Press. 2006. P. 23-41.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Федина Софья Владимировна,
Магистр в области «Международных
отношений» Российского университета
дружбы народов. Москва, Россия. E-mail:
1032213457@rudn.ru

Sofya V. Fedina, Master in International
Relations Department of RUDN University.
Moscow, Russia. E-mail: 1032213457@rudn.ru

Холов Суруш Холович, Магистр в
области «Международных отношений»
Российского университета дружбы народов.
Москва, Россия. E-mail: 1032175318@rudn.ru

Surush H. Holov, Master in International
Relations Department of RUDN University.
Moscow, Russia. E-mail: 1032175318@rudn.ru

Якуба Абакар Якуба, Магистр в
области «Международных отношений»

Abakar Y. Yakuba, Master in
International Relations Department of RUDN

Федина С.В., Холов С.Х., Якуба А.Я. Контртеррористическое взаимодействие Индии и Таджикистана

Российского университета дружбы народов. University. Moscow, Russia. E-mail:
Москва, Россия. E-mail: 1032165620@rudn.ru 1032165620@rudn.ru

Борьба Китая с международным терроризмом в Восточном Туркестане

Ма Вэньвэнь

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

E-mail: 1032165731@rudn.ru

Аннотация. Терроризм угрожает глобальной и региональной стабильности и оценивался международным сообществом как угроза. 11 сентября 2002 г. На основании резолюций Совета Безопасности ООН 1267 и 1390 «Исламское движение Восточного Туркестана» (далее «Восточный Туркестан») внесено в список международных террористических организаций. ООН также требует от всех государств-членов немедленно заморозить глобальные активы организации и строго запретить любой стране предоставлять ей какие-либо ресурсы или помощь. «Восточный Туркестан» является главной террористической угрозой, с которой в настоящее время сталкивается Китай. Ситуацию осложняют связи между этим движением и другими международными террористическими организациями. В контексте глобальной войны с терроризмом, в целях поддержания национальной стабильности и безопасности людей, китайское правительство совершенствует свои собственные возможности по борьбе с терроризмом. В то же время оно привержено поддержанию безопасности и стабильности международного сообщества и региона, стремясь и осуществляя международное антитеррористическое сотрудничество, активно участвуя в построении международной антитеррористической коалиции, укрепляя диалог и консультации между странами и регионами, усиливая сбор и обмен разведанными, а также борясь с первопричинами терроризма.

Ключевые слова: международный терроризм, «Восточный Туркестан», антитеррористическое сотрудничество.

Для цитирования: Ма Вэньвэнь. Борьба Китая с международным терроризмом в Восточном Туркестане // Постсоветские исследования. 2023;1(6):56-63.

China's Fight Against International Terrorism in East Turkestan

Ma Wenwen

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia

E-mail: 1032165731@rudn.ru

Abstract. Terrorism threatens global and regional stability and has been assessed by the international community as a threat. On September 11, 2002, on the basis of UN Security Council Resolutions 1267 and 1390, the East Turkestan Islamic Movement (hereinafter referred to as «East Turkestan») was included in the list of international terrorist organizations. The United Nations also demands that all Member States immediately freeze the organization's global assets and strictly prohibit any country from providing it with any resources or assistance. «East Turkestan» is the main terrorist threat that China is currently facing. The situation is complicated by the links between this movement and other international terrorist organizations. In the context of the global war on terrorism, in order to maintain national stability and human security, the Chinese Government is improving its own capabilities to combat terrorism. At the same time, it is committed to maintaining

the security and stability of the international community and the region by seeking and implementing international anti-terrorist cooperation, actively participating in building an international anti-terrorist coalition, strengthening dialogue and consultations between countries and regions, strengthening intelligence gathering and sharing, as well as combating the root causes of terrorism.

Keywords: international terrorism, «East Turkestan», antiterrorist cooperation.

For citation: Ma Wenwen. China's Fight Against International Terrorism in East Turkestan // Postsovetskie issledovaniya = Post-Soviet Studies. 2023;1(6):56-63 (In Russ.).

В Белой книге под названием «Борьба с терроризмом и дерадикализацией и защита прав человека в Синьцзяне», опубликованной Информационным бюро Государственного совета Китайской Народной Республики, четко говорится, что сепаратизм, терроризм и экстремизм в Синьцзяне¹ привели к многочисленным террористическим актам, которые поставили под серьезную угрозу безопасность жизни и имущества людей. Борьба с терроризмом и дерадикализация в китайском Синьцзяне является важной частью борьбы международного сообщества с терроризмом и полностью соответствует целям и принципам ООН в борьбе с терроризмом и защите его прав человека»².

Однако с древних времен Синьцзян был неотъемлемой частью территории Китая. После образования КНР был создан Синьцзян-Уйгурский автономный район. Политика китайского правительства в отношении национальных меньшинств представляет собой сочетание автономии и этнического единства. Китайское правительство решительно выступает против любых внешних сил, пытающихся разделить Китай. С 1990 г. террористические силы спровоцировали тысячи террористических актов в Синьцзяне и других местах. Можно упомянуть такие жестокие теракты, как нападение на полицию 4 августа 2008 г.,

взрыв бомбы 5 июля 2009 г. и жестокое насилие в Урумчи 10 августа 2009 г.

Эти террористические акты нанесли большой ущерб социальной стабильности, безопасности жизни и имущества людей. Китай начал наращивать свои усилия по противодействию деятельности «Восточного Туркестана». Стоит отметить, что подавление терроризма китайским правительством направлена на защиту общих интересов всех этносов страны и поддержание нормальной религиозной деятельности.

Участие Китая в крупных операциях против террористических сил «Восточного Туркестана». Внутренняя контртеррористическая стратегия

КНР впервые включила террористические преступления в уголовное законодательство в 1997 г. 29 декабря 2001 г. КНР приняла «Поправку (3) к уголовному законодательству»³, которая стала важным дополнением к законодательству о террористических преступлениях. Принятая Постоянным комитетом Всекитайского собрания народных представителей в феврале 2011 г. поправка к Уголовному закону ужесточила наказание за террористические преступления. В 2015 г. Всекитайское собрание народных представителей приняло поправку к уголовному закону (IX), в которой

¹ «Борьба с терроризмом и дерадикализацией и защита прав человека в Синьцзяне» // URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2019/0319/c31521-9557462.html>

² «Борьба с терроризмом и дерадикализацией и защита прав человека в Синьцзяне» // URL:

<https://ru.chinajusticeobserver.com/law/x/anti-terrorism-law-20180427>

³ Поправки к Уголовному кодексу Китайской Народной Республики (№ 3) // URL: https://studref.com/394367/pravo/popravki_ugolovnomu_kodeksu_kitayskoy_narodnoy_respubliki

содержались новые характеристики преступности.

Китай создает механизмы раннего предупреждения и защиты от терроризма, такие как усиление сбора разведывательной информации, мониторинг деятельности террористических организаций и прекращение их финансовых связей. Китайское правительство размещает антитеррористические силы в Синьцзяне и крупных городах и увеличивает количество патрулей в густонаселенных районах. Китай стремится повысить эффективность реагирования на чрезвычайные ситуации, создать механизм управления и контроля последствий терактов для координации быстрого реагирования органов общественной безопасности, пожарно-спасательных, медицинских и других систем, а также свести к минимуму потери имущества и безопасности жизни людей, усилить антитеррористическое просвещение и мобилизацию населения. Китай нацелен повышать национальную осведомленность о борьбе с терроризмом и эффективность потенциала реагирования на чрезвычайные ситуации.

Международные аспекты деятельности КНР по борьбе с терроризмом

После теракта 11 сентября 2001 г. США стремились к созданию международного антитеррористического альянса. Правительство Китая выразило соболезнования правительству США и заявило, что оно будет совместно осуществлять международное антитеррористическое сотрудничество с правительством США. В то же время правительство США заявило о своей позиции по поддержке

антитеррористических операций Китая против «Исламского движения Восточного Туркестана» и включило его в список террористических организаций. В 2002 г. Совет Безопасности ООН принял решение о включении «Исламского движения Восточного Туркестана»¹ в список международных террористических организаций. С тех пор международное сообщество сформировало широкий консенсус, заложив основу для активной борьбы стран и региональных организаций с «Исламским движением Восточного Туркестана» и другими международными террористическими силами.

В рамках Устава ООН Китай присоединился к Глобальной контртеррористической стратегии ООН, Международной конвенции о борьбе с бомбовым терроризмом, Международной конвенции о борьбе с финансированием терроризма, Международной конвенции о борьбе с ядерным терроризмом и Международной конвенции о борьбе с захватом заложников.

15 июня 2001 г. была официально создана ШОС, в рамках которой была подписана Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом². В 2004 г. Китай и Россия выступили с совместным заявлением, в котором Россия решительно поддержала борьбу Китая с террористическими организациями «Восточного Туркестана».

Россия также выразила желание бороться с международными террористическими организациями и поддерживать стабильность международного сообщества. В июле 2005 г. руководитель саммита ШОС подписал и принял «Концепцию сотрудничества государств-членов ШОС в

¹ QE.E.88.02. Исламское движение Восточного Туркестана // <https://archive.is/lqM8k#selection-213.0-213.52>

² Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом,

сепаратизмом и экстремизмом // Сайт Президента РФ. 14.06.2001. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3405> (дата обращения: 31.05.2022).

борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом». В июне 2018 г. на саммите ШОС были утверждены такие документы, как «Концепция сотрудничества государств-членов ШОС в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом на 2019–2021 гг.»¹.

После терактов 11 сентября 2001 г. международное, региональное, двустороннее и многостороннее сотрудничество в борьбе с терроризмом резко расширилось. Страны совместно предотвращают и пресекают международную террористическую деятельность посредством обмена информацией, антитеррористической подготовки, взаимной правовой помощи и других форм. Китай добился замечательных успехов в укреплении антитеррористических механизмов. Например, с 2005 г. Китай, Россия и другие члены ШОС² проводят совместные антитеррористические военные учения под кодовым названием «Вестник мира», которые сформировали показательный эффект международного антитеррористического сотрудничества. Сильно сдерживал и атаковал международные террористические организации. В то же время Китай и другие страны активно проводят различные антитеррористические учения и многонациональные совместные учения, организуют международные антитеррористические форумы и региональные встречи антитеррористических комитетов, а также расширяют свое участие посредством серии широкомасштабных межгосударственных мероприятий. региональные учения, обучение и мероприятия по обмену доверие и понимание страны.

Были улучшены контртеррористические

навыки, тактика, командные и стратегические возможности всех сторон, а также расширено сотрудничество и обмен опытом в академической и практической областях борьбы с терроризмом. Это в значительной степени сдерживает силы международного терроризма и повышает способность международного сообщества реагировать на новые вызовы в борьбе с терроризмом.

В контексте глобальной войны с терроризмом все страны осознают важность обмена информацией и сотрудничества. Китай активно участвует в борьбе с международным терроризмом и ведет широкое сотрудничество с соответствующими странами и международными организациями по обмену контртеррористической информацией. Китай укрепил связь и обмен информацией между государственными ведомствами. Антитеррористическое бюро Министерства общественной безопасности и Антитеррористическое управление Министерства государственной безопасности несут ответственность за сбор разведанных, отслеживание и мониторинг террористической деятельности.

Китай и США проводят активные операции по сотрудничеству в области контртеррористической разведки. Например, ФБР создало в Пекине специальное агентство, отвечающее за юридические вопросы, такие как борьба с терроризмом и финансированием терроризма: Банк Китая регулярно получает уведомления из Сети правоохранительных органов Совета Безопасности ООН по борьбе с финансовыми преступлениями (OFAC), а OFAC предоставляет Министерству общественной безопасности Китая имена

¹ Концепция сотрудничества государств – членов Шанхайской организации сотрудничества в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом // URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3667>

² Документы и материалы ШОС. // URL: <http://infoshos.ru/ru/?id=5>.

особо обозначенных граждан и заблокированных лиц. Синьцзянское отделение Банка Китая усилило контроль за операциями по отмыванию денег внутри и за пределами региона.

27 декабря 2015 г. восемнадцатое заседание Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей двенадцатого созыва приняло «Антитеррористическую политику Китайской Народной Республики» [Койбаев, Золоева 2021: 169-174].

В статье 71 закона четко указано, что Китай направит вооруженные силы из страны для выполнения задач по борьбе с терроризмом, когда это необходимо, и нанесет трансграничные удары по «Исламскому движению Востока Туркестана» и другим террористическим силам. После вывода войск США из Афганистана в 2014 г. Китай должен играть активную роль в ближневосточных делах, помогая экономическому развитию Афганистана, бороться с террористическими организациями и наркопреступностью, обуздать и перекрыть финансовые источники «Исламского движения Востока Туркестана».

В 2013 г. председатель КНР Си Цзиньпин, генеральный секретарь КНР, предложил строительство «Экономического пояса Нового Шелкового пути» и «Морского Шелкового пути XXI века». Однако с углублением инициативы «Один пояс, один путь» террористическая деятельность в странах и регионах вдоль маршрута серьезно угрожает экономической и торговой деятельности, поэтому необходимо создать многонациональный контртеррористический механизм в рамках инициативы «Один пояс, один путь», а также проведение военных учений и мероприятий по борьбе с терроризмом. Военная подготовка, усиление сбора и обмена разведывательными данными, а также расширение и усиление боевых

возможностей по борьбе с терроризмом.

Контртеррористическое сотрудничество ориентированное в будущее

В июле 2017 г. Китай создал свою первую базу поддержки за рубежом в Джибути, которая в основном обеспечивает поддержку и снабжение армии, флота, китайских миротворческих сил в Африке и китайского эскортного флота в Аденском заливе. Джибути — исламская страна, где есть общие религиозные верования и обычаи с исламскими странами Ближнего Востока, а порт Джибути расположен на важном месте на европейских, азиатских и африканских морских путях, поэтому он также может играть активную роль в международной борьбе с терроризмом. Необходимо усилить военное строительство порта Джибути, усилить антитеррористическое сотрудничество с базами США, Франции и других стран в Джибути, создать действенный антитеррористический гарантийный механизм и центр сбора разведанных.

В 2007 г. Китай помог Пакистану построить порт Гвадар. С активным развитием инициативы «Один пояс, один путь» строительство китайско-пакистанского экономического коридора получило быстрое развитие. В конце сентября 2015 г. Китай получил в аренду на 43 года порт Гвадар. Поскольку террористы неоднократно атаковали порт Гвадар, из соображений безопасности Китай должен направить в порт Гвадар военные силы и усилить гарнизон. Китайско-пакистанский экономический коридор начинается из Кашгара, Синьцзяна на севере и заканчивается в порту Гвадар на юге, проходя через зону активной террористической деятельности. Китай должен опираться на силы военной поддержки порта Гвадар, а затем Пакистан создаст совместный антитеррористический механизм для совместной борьбы с

террористической деятельностью. Кроме того, порт Гвадар расположен в Аравийском море, перекликаясь с китайской базой поддержки в Джибути в Аденском заливе. Дополнительные эффекты в борьбе с террористическими силами.

С углублением инициативы «Один пояс, один путь»¹ Китай все чаще участвует в строительстве международных портов. В то же время, с реализацией стратегии «выхода» китайских предприятий, особенно важно реализовать антитеррористической деятельности и обеспечения зарубежных инвестиционно-строительных проектов. Китаю следует активно развивать проекты по обеспечению безопасности за рубежом, укреплять взаимное доверие и взаимопомощь между странами, участвующими в строительстве за рубежом, создавать и совершенствовать антитеррористические механизмы и меры безопасности, а также совместно бороться с наступающими террористическими силами.

В декабре 2003 г. США отказались поддержать предложение Китая и не включили «Организацию освобождения Восточного Туркестана» в список международных террористических организаций. Передача заключенных «Восточного Туркестана» в третью страну нарушает международные конвенции. Кроме того, только в 2016 г. Соединенное Королевство объявило «Восточный Туркестан» «запрещенной террористической организацией», а турецкое правительство неоднократно обвиняло и клеветало на ряд позитивных мер, проводимых китайским правительством в Синьцзяне. Видно, что США, Великобритания, Турция и другие страны имеют двойные стандарты в идентификации «Восточного Туркестана» и

других террористических организаций, на которые влияют геополитические факторы. В связи с этим Китай должен активно вести международный диалог, направлять международное общественное мнение, избегать международной геополитической борьбы и укреплять взаимное доверие между странами.

В последние годы правительство КНР провело целый ряд антитеррористических учений в кооперации с международным сообществом. В этой связи необходимо создать единый антитеррористический альянс, вести искреннее и практическое антитеррористическое сотрудничество, точно проводить совместные операции, отбросить взаимную подозрительность, и на деле объединиться, предприняв согласованные усилия для борьбы² с терроризма.

Предупреждение террористических преступлений и борьба с ними – это долгосрочный и сложный системный проект. В настоящее время большая часть академических кругов сосредоточена на общих исследованиях феномена, причин и мер противодействия терроризму и в меньшей степени на психологических и поведенческих исследованиях террористических преступлений. Признание вреда террористической деятельности «Восточного Туркестана» и изучение их криминальной психологии, понимание ее происхождения, развития и тенденций, а также анализ ее преступной деятельности имеют большое значение для предотвращения террористических сил «Восточного Туркестана» и борьбы с ними.

Заключение.

Наконец, необходимо еще раз подчеркнуть, что международные

¹ Один пояс один путь // URL: <https://rus.yidaiyilu.gov.cn/document.htm>

² Китайские программы развития Синьцзяна – против химеры «Восточного Туркестана» // URL: <https://news-front.info/2021/03/11/kitajskie-programmy-razvitiya->

[sinczyana-protiv-himery-vostochnogo-turkestana/?utm_source=yandex.com&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.com&utm_referrer=yandex.com](https://rus.yidaiyilu.gov.cn/document.htm)

террористические угрозы, такие как деятельности «Исламского движения Восточного Туркестана», все еще существуют. Такие террористические силы оказывают большое влияние не только на политическую безопасность Китая, но и на безопасность международного сообщества. Ситуация в террористической области не простая. В то же время есть основания полагать, что мирный подъем Китая полезен для развития мира, а борьба Китая с «Исламским движением Восточного

Туркестана» и другими международными террористическими организациями выгодна для безопасности международного сообщества. Для укрепления сотрудничества, обменов и взаимного доверия Китай готов работать с другими странами, прилагая неустанные усилия для построения мира, развития и гармонии во всем мире и для реализации справедливого и разумного нового международного политического и экономического порядка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алимов Р.К.* Стратегическое партнерство Таджикистана (РТ) и Китая (КНР): международно-политические, экономические и гуманитарные измерения: Автореф. дисс. д-ра полит. наук. // М., 2014. С. 36.
- Буяров Д.В.* Проблема этнического терроризма и сепаратизма в современном Китае. // Современный Китай и его окружение. М. 2014. С. 108–111.
- Койбаев Б.Г., Золоева З.Т.* ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИЗМУ И ТЕРРОРИЗМУ В КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ. // Гуманитарные и юридические исследования, № 4. 2021, С. 169-174.
- Рахимов Х.* Политическое и экономическое сотрудничество Таджикистана и Китая в рамках ШОС. Часть I. // 13.11.2010. URL: <http://www.ru.journal-neo.com/print/2752>.
- Султанов Б.К.* Наш сосед Китай // Суверенный Казахстан на рубеже тысячелетий. Астана. 2001. С. 239–248.
- Сыроежкин К.Л.* Мифы и реальность этнического сепаратизма Азии в Китае и безопасность в Центральной Азии. // Алматы, 2006. 284 с.
- Сыроежкин К.Л.* Проблемы современного Китая и безопасность в Центральной Азии. // Алматы, 2008. 237 с.
- Ходжаев А.Х.* О центрально-азиатской политике КНР (на основе китайских источников) // Центральная Азия и Кавказ. 2007. № 3 (51). С. 95.
- Цзоу Чунься, Дун Синь.* Комиссар по борьбе с терроризмом раскрывает новый прогресс в совместном антитерроризме в Афганистане, Китае. // Сайт Байду. 14 марта 2017 г. URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1561772958628217&wfr=spider&for=pc>.
- 李伟。中国阿富汗共建四国合作反恐机制。搜狐网。2016年8月5日。(Ли Вэй. Китай и Афганистан совместно создают механизм борьбы с терроризмом при участии четырех стран. // 08.05.2016. URL: http://www.sohu.com/a/109256516_452818.)
- 汪勇, 梅建明。携手建构全球反恐战略体系。2017年05月08日 06:56 来源: 人民网—人民日报 (Ван Юн, МэйЦзяньминь. Совместное создание глобальной антитеррористической стратегической системы. // Жэньминь Жибао. 08.05.2017. URL: <http://theory.people.com.cn/nl/2017/0508/c40531-29259403.html>.)
- 邹春霞, 董鑫。中国和阿富汗联合反恐新进展。文章来源于百度网。

REFERENCES

- Alimov R.K.* Strategic partnership of Tajikistan (RT) and China (PRC) // international political, economic and humanitarian dimensions: Abstract. diss. Doctor of Political Sciences. M., 2014. P. 36.
- Buyarov D.V.* The problem of ethnic terrorism and separatism in modern China. // Modern China and its environment. M. 2014. P. 108-111.
- Khodzhaev A.K.* About the Central Asian policy of the People's Republic of China (based on Chinese sources) // Central Asia and the Caucasus. 2007. № 3 (51). P. 95.
- Rakhimov H.* Political and economic cooperation between Tajikistan and China within the SCO. Part I. // 13.11.2010. URL: <http://www.ru.journal-neo.com/print/2752>
- Sultanov B.K.* Our neighbor China // Sovereign Kazakhstan at the turn of the millennium. Astana. 2001. P. 239-248.
- Syroezhkin K.L.* Myths and reality of Asian ethnic separatism in China and security in Central Asia. Almaty, 2006. 284 p.
- Syroezhkin K.L.* Problems of modern China and security in Central Asia. // Almaty, 2008. 237 p.
- Zou Tunisia, Dun Blue.* The Commissioner for Combating Terrorism reveals new progress in joint counterterrorism in Afghanistan // China Website. 03.09.2016. URL: <http://www.warandpeace.ru/ru/reports/view/114532/>.
- 李伟。中国阿富汗共建四国合作反恐机制。搜狐网。2016年8月5日。(Li Wei. China and Afghanistan are jointly)
- 汪勇, 梅建明。携手建构全球反恐战略体系。2017年05月08日 06:56 来源: 人民网—人民日报 (Van Young, Mazzantini. Joint creation of a global anti-terrorist strategic system. // People's Daily from 08.05.2017. URL: <http://theory.people.com.cn/nl/2017/0508/c40531-29259403.html>.)
- 邹春霞, 董鑫。中国和阿富汗联合反恐新进展。文章来源于百度网。

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ/ INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ма Вэньвэнь — соискатель кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов. E-mail: 1032165731@rudn.ru

Ma Wenwen — applicant at the Department of Theory and History of International Relations, RUDN University. E-mail: 1032165731@rudn.ru

РЕГИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ / REGIONAL SECURITY

Научная статья / Research article

Перспективы признания непризнанных государств постсоветского пространства со стороны международного сообщества

И. Б. Санакоев

Юго-осетинского государственного университета им. А.А.Тибилова, Цхинвал, Южная Осетия, e-mail: inal59@mail.ru

С. М. Плиев

Юго-осетинского государственного университета им. А.А.Тибилова, Цхинвал, Южная Осетия, e-mail: pliev_sm@mail.ru

Н. Г. Смолик

*Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9166-2138>, e-mail: smolik-ng@rudn.ru*

Л. Т. Кулумбегова

Юго-осетинского государственного университета им. А.А.Тибилова, Цхинвал, Южная Осетия ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8096-634X>, e-mail: linakulumbegova@mail.ru

Аннотация. Исследование посвящено проблемам функционирования непризнанных государств в современном мировом сообществе. В последние годы интерес для исследователей представляют, в частности, потенциал и пределы включения в мировой порядок непризнанных государств, их место в международных отношениях, проблемы экономики самопровозглашенных государственных образований, отношения непризнанных государств с государствами-покровителями. Разрушение СССР и последующее национально-государственное самоопределение его бывших республик – явления глобального порядка. На сегодняшний день данный процесс нельзя признать завершенным», поскольку нерешенные в XX в. проблемы по-прежнему требуют решения сегодня, в XXI в. Цель исследования – провести сравнение непризнанных государств постсоветского пространства в соответствии с «индексом нормализации» Р. Тоомла и Э. Берга и выявить перспективы международного признания этих государственных образований. В рамках исследования проводится сопоставление отечественных и зарубежных классификаций непризнанных государств, оценка непризнанных государств постсоветского пространства по оптимизированной методике расчета «индекса нормализации», проводится анализ направлений дальнейшего развития непризнанных государств постсоветского пространства. Значимость исследования обусловлена актуальностью проблематики исследования непризнанных государств в условиях, когда их возникновение на карте мира становится все более частым явлением, а также необходимостью поиска новых путей решения глобальных проблем современности, одной из которых является возникновение непризнанных государств и их воздействие на международные отношения. Активное вовлечение непризнанных государств постсоветского пространства в международные отношения, а также прецеденты появления новых государственных образований (способствуют росту внимания исследователей к данному феномену. В результате исследования выявлены перспективы международного признания непризнанных государственных образований постсоветского пространства.

Ключевые слова: Непризнанное государство, сецессионизм, самоопределение, сепаратизм, признание, суверенитет.

Санакоев И.Б., Плиев С.М., Смолик Н.Г., Кулумбегова Л.Т. Перспективы признания непризнанных государств постсоветского пространства со стороны международного сообщества

Для цитирования: Санакоев И.Б., Плиев С.М., Смолик Н.Г., Кулумбегова Л.Т. Перспективы признания непризнанных государств постсоветского пространства со стороны международного сообщества // Постсоветские исследования. 2023;1(6):64-75.

Финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта 21-514-07001 МОН РЮО_а.

Classification and forms of existence of unrecognized states

Inal B. Sanakoev

South Ossetian State University named after A.A. Tibilov, Tskhinval, South Ossetia
E-mail: inal59@mail.ru

Soslan M. Pliev

South Ossetian State University named after A.A. Tibilov, Tskhinval, South Ossetia
E-mail: pliev_sm@mail.ru

Nadejda G. Smolik

RUDN University, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9166-2138>, e-mail: smolik-ng@rudn.ru

Lina T. Kolumbegova

South Ossetian State University named after A.A. Tibilov, Tskhinval, South Ossetia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8096-634X>, e-mail: linakolumbegova@mail.ru

Abstract. The study is devoted to the problems of the functioning of unrecognized states in the modern world community. In recent years, researchers have been interested, in particular, in the potential and limits of inclusion of unrecognized states in the world order, their place in international relations, the problems of the economy of self-proclaimed state entities, the relationship of unrecognized states with patron states. "The destruction of the Soviet Union and the subsequent national-state self-determination of its former republics are phenomena of a global order. To date, this process cannot be considered complete" because problems unresolved in the 20th century still need to be addressed today, in the 21st century. The purpose of the study is to compare the unrecognized states of the post-Soviet space in accordance with the "normalization index" of R. Tooml and E. Berg and to identify the prospects for international recognition of these state entities. As part of the study, a comparison of domestic and foreign classifications of unrecognized states is carried out, an assessment of the unrecognized states of the post-Soviet space using an optimized methodology for calculating the "normalization index", an analysis is made of the directions for the further development of the unrecognized states of the post-Soviet space. The significance of the study is due to the relevance of the problematics of the study of unrecognized states in conditions when their occurrence on the world map is becoming more and more frequent, as well as the need to find new ways to solve global problems of our time, one of which is the emergence of unrecognized states and their impact on international relations. The active involvement of the unrecognized states of the post-Soviet space in international relations, as well as the precedents for the emergence of new state formations (contribute to the growth of researchers' attention to this phenomenon. As a result of the study, the prospects for international recognition of the unrecognized state formations of the post-Soviet space have been identified.

Keywords: Unrecognized state, secessionism, self-determination, separatism, irredentism, recognition, sovereignty, legitimization

For citation: Inal B. Sanakoev, Soslan M. Pliev, Nadejda G. Smolik, Lina T. Kolumbegova. Classification and forms of existence of unrecognized states // Postsovetskie issledovaniya = Post-Soviet Studies. 2023;1(6):64-75 (In Russ.).

Funding: «The reported study was funded by RFBR and MES RSO, project number 21-514-07001 МОН РЮО_a »

Введение

В современных условиях можно определять непризнанное государство как организацию независимой власти публичного характера на определенной территории, которая является по совокупности формально-правовых оснований частью другого государственного образования.

Непризнанное государственное образование обычно находится в конфликте с так называемым исходным государством и не получило международного признания со стороны мирового сообщества.

Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью поиска новых путей решения глобальных проблем современности, одной из которых является возникновение непризнанных государств и их воздействие на международные отношения. На территории бывшего Советского Союза возникло множество новых государственных образований: Нагорно-Карабахская республика, Южная Осетия, Абхазия, Приднестровье. На современном этапе непризнанные государства на постсоветском пространстве выступают в качестве самостоятельных акторов международных отношений. Активное вовлечение непризнанных государств постсоветского пространства в международные отношения, а также прецеденты появления новых государственных образований (Донецкой и Луганской народных республик) способствуют росту внимания исследователей к данному феномену.

Цель исследования состоит в изучении. В рамках исследования проводится сопоставление отечественных и зарубежных классификаций перспектив развития существующих на постсоветском пространстве непризнанных государств непризнанных государств, оценка непризнанных государств постсоветского пространства по оптимизированной методике расчета «индекса нормализации», проводится анализ направлений

дальнейшего развития непризнанных государств постсоветского пространства.

Классификация непризнанных государств

Сегодня не существует общепризнанной или широко распространенной классификации непризнанных государств. Рассмотрим классификацию, разработанную Е.Ю. Мелешкиной. По ее мнению, можно провести типологию непризнанных государственных образований по совокупности различных оснований. В качестве ключевого критерия, применяемого для типологизации непризнанных государственных образований, Е.Ю. Мелешкина считает наличие контроля над территорией государственного образования [Мелешкина 2015: 57]. С помощью данного критерия можно выделить следующие типы непризнанных государственных образований:

- непризнанные государственные образования, которые полностью контролируют собственную (можно отнести к данному типу такие непризнанные государства как Вазиристан, Приднестровье, Сомалиленд, Северный Кипр);

- непризнанные государственные образования, которые контролируют собственную территорию частично (к данному типу можно отнести такие государственные образования как Пуэтленд, Тамил Илам, существующие на территории Мьянмы государства Ва и Шан);

- непризнанные государственные образования, территории которых находятся под протекторатом со стороны мирового сообщества (можно отнести к данному типу Косово, управление которым с 1999 г. осуществляла администрация ООН, после чего с 2008 г., когда был провозглашен суверенитет Косово, управление его территорией перешло к ЕС);

- непризнанные квази-государства (этносы, которые не получили на самоопределение), осуществляющие контроль за территорией лишь в местах, на которых проживает именно конкретная этническая группа (к данному типу

непризнанных государств можно отнести Курдистан: численность его граждан – курдов – составляет более 30 миллионов человек, а территория Курдистана захватывает определенные области, расположенные внутри границ Турции, Сирии, Ирана, Ирака,) [Мелешкина 2015: 59].

Второй выделяемый Е.Ю. Мелешкиной критерий типологизации непризнанных государственных образований – наличие признания суверенитета непризнанного государственного образования со стороны международного сообщества. По данному критерию можно выделить следующие идеальные типы непризнанных государственных образований: государства непризнанные и государства частично признанные. К непризнанным государствам по данному критерию можно отнести такие государственные образования, как Абхазия, Приднестровье. К числу частично признанных государств по данной типологии можно отнести Тайвань, Западную Сахару, Северный Кипр, Палестину. При этом частично признанный Тайвань поддерживает стабильные дипломатические отношения с достаточно большим количеством суверенных государств - двадцатью шестью, тогда как Северный Кипр в настоящее время признан пока только Турцией.

В рамках разработанной типологии выделены идеальные типы непризнанных государственных образований. Следует отметить, что нередко эти идеальные типы носят характер условных, тогда как фактическая динамика проходящих на территории непризнанных государств политических процессов не всегда с ними совпадает.

Американская программа картографирования существующих в мире глобальных угроз («Mapping Global Insecurity») включает в число таких угроз формирование и существование непризнанных государственных образований. В рамках данной программы была сформирована еще одна оригинальная классификация непризнанных государственных образований и иных территорий по уровню контроля территории

(есть он или нет) и степени признания мировым сообществом (непризнанные или признанные). Самые опасные территории были определены как «черные пятна» (black spots). По мнению Б.Станиславски, «черные пятна представляют территории, на которых и с которых действуют и транснациональная организованная преступность, и террористы, часто превращаясь в криминально-террористические образования («criminal-terrorist entities»)» [Stanislawski, Levitsky 2008].

Иные потенциально опасные территории — это «как бы государства» («as if states») или государственные образования, которые международное сообщество фактически признало в качестве суверенных государств, обладающие совокупностью внешних признаков суверенного государства, но фактически не осуществляющие внутренний контроль над собственной территорией, а также «почти государства» («almost states»), «образования, которые не признаны как государства, но де-факто действуют как государства и имеют эффективный внутренний контроль над территорией» [Stanislawski, Levitsky 2008]. В качестве примера «почти государства» можно привести ИГИЛ.

Таким образом, в рамках данной классификации (ориентированной явно практически) объединены государства несостоявшиеся и непризнанные, а также террористические и криминальные «черные пятна», особенно интересующие исследователей.

А.В. Ватаман оценивает инциденты сепаратизма по такому критерию как степень стремления сепаратистов к созданию отдельного независимого государства, выделяя в том числе: [Ватаман 2015: 44]

1) случаи сепаратизма, которые не связаны напрямую со стремлением к ирредентизму или сецессии, но нацеленные на получение прав автономии;

2) случаи сепаратизма, при которых не происходит отделение от государства конкретной территории, однако степень остроты конфликта с правительством и уровень политической обособленности свидетельствуют о вероятности

провозглашения независимого государства (к таким случаям можно отнести Квебек, Киву, Дарфур);

3) сепаратистские процессы, которые характеризуются провозглашением независимости государства в отсутствие реальных органов политической власти, либо если органы власти неспособны контролировать территорию, либо при наличии прочих обстоятельств, которые препятствуют реализации внутренней политики (к таким случаям относятся Западное Папуа; Анжуан, мусульманские территории Филиппин; ареал деятельности Курдской рабочей партии);

4) собственно непризнанные государства – государственные образования, на территории которых протекали сепаратистские процессы, которые завершились в итоге созданием государства, располагающего системой органов власти, осуществляющих полный контроль над занятой территорией и проживающим на ней населением, однако, не имеющие международного признания в данный момент.

Л.В. Бударагина предлагает для непризнанных государств два ключевых варианта классификации: [Бударагина 2016: 45]

1) государства частично признанные и не имеющие признания;

2) государства, образованные посредством реализации существующего у нации права на самоопределение; государства, образованные по иным основаниям и государства, которые образованы на территориях иных несостоявшихся государств.

Л.В. Бударагина относит Тайвань и государственные образования, возникшие на территории Сомали, к государствам, образованным «по другим основаниям». Палестина и Западная Сахара представляют собой третью разновидность, формируя совокупность непризнанных государств, чьи равноправие и полноценность в качестве участников международных отношений зависят не от государств-метрополий (Великобритания и Испания отказались в свое время от прав на данные территории), а от волеизъявления стран, оккупировавших

эти территории, и от стремления мирового сообщества к разрешению сложившихся противоречий.

Политико-географическая классификация типов так называемых зон распространения сепаратизма (ЗРС) предложена Ф.А. Поповым. Он выделил 10 типов распространения сепаратизма (карибско-атлантический, североамериканско-австралийский, латиноамериканский, североафриканский, тихоокеанский, африканско-малайский, западно-азиатский, африканский тропический, южно-азиатский и индокитайский) [Попов 2009: 45]. К данным типам Ф. Попов отнес 177 ЗРС, которые существовали во всех регионах мира в 2001-2008 гг., за исключением постсоветского пространства.

Ф.А. Поповым в основу классификации положены такие критерии, как «внешняя форма» и «объединяющая сила». Рассматривая «объединяющую силу», Ф.А. Попов выделяет традиционные элементы (этническая принадлежность, политическая ориентация, вероисповедание, историческое самосознание, изолированность территории) и экономические (уровень экономического развития территории, уровень ресурсообеспеченности, сочетание данных элементов, влияние глобальных экономических факторов). В качестве исключения Ф.А. Попов рассматривает так называемые индукторы, являющиеся проектами сугубо пропагандистского характера, возникшие в качестве политической реакции на реализованные на других территориях проекты сепаратизма, а также «государства-шутки». В контексте внешней формы, полагает Ф.А. Попов, в роли ключевых признаков действуют «экспертно оцениваемые степень фактического контроля территории и общественная поддержка сепаратистских целей» [Попов 2009: 47].

Общественную поддержку существующих сепаратистских целей Ф.А. Попов оценивает по следующей шкале: поддержка отсутствует, низкий уровень поддержки, средний уровень поддержки, высокий уровень поддержки. В свою очередь, уровень фактического контроля

государственным образованием территории оценивается по шкале: низкий уровень контроля территории, средний уровень контроля, высокий уровень.

У данной классификация имеется как минимум два существенных недостатка. В ней не проводится различий между движениями, охватившими ту или иную государственную территорию, и собственно непризнанными государствами. Кроме того, она производит впечатление неприменимой для статистической оценки особенностей непризнанных государств.

Более удобную классификацию непризнанных государств предложили Р. Тоомла и Э. Берг. Используя «индекс нормализации» (normalisation index), предложенный ими, ученые размещают существующие непризнанные государства на шкале по степени их открытости и уровню интеграции в международное сообщество: «отрицание, бойкот, терпимость или квазипризнание (negation, boynegation, boy, boyboycott, toleration or quasi-recognition)» [Berg, Toomla 2009: 32]. Тайвань и Косово, по мнению эстонских исследователей, находятся на стадии «квазипризнания», республика Северный Кипр находится на стадии «терпимости», тогда как все остальные случаи создания непризнанных государственных образований (Абхазия, Сомалиленд, Приднестровье, Нагорный Карабах) находятся на уровне «бойкота». Кроме того, ни одно из рассматриваемых авторами непризнанных государственных образований не находится на степени отрицания («negated»), проявляемого со стороны международного сообщества.

Методика оценки непризнанных государств по «индексу нормализации»

На основании классификации Э. Берга и Р. Тоомла можно выделить следующие четыре формы, в которых могут существовать непризнанные государственные образования.

У непризнанных государственных образований, существование которых полностью отрицается международным сообществом, признание международного сообщества либо отсутствует, либо реализовано в форме признания другими

«фактическими» государствами. На территории такого государства либо нет зарубежных представительств, либо размещаются только представительства «фактических» государств. Международные организации не участвуют в развернувшемся на территории такого государства этносоциальном конфликте. Государство не является членом каких-либо международных организаций либо является членом объединений непризнанных государств. Соответственно, в таком государстве крайне слабо развита внешняя торговля: либо внешнеторговый оборот и внешнеторговые партнеры отсутствуют, либо внешнеторговый оборот составляет меньше 50 % среднемирового уровня, имеется один доминирующий партнер [Berg, Toomla 2009: 39]. Слабо развиты в таком государстве и коммуникации: нет кода страны для телефонов и интернет-доменов; въезд граждан данного государства на территорию других стран ограничен; нет прямого почтового сообщения; воздушное сообщение либо отсутствует, либо ограничено малым количеством авиалиний и направлений.

У непризнанных государств, существование которых бойкотируется большинством акторов международных отношений, имеется международное признание суверенных государств числом менее 10. Представительства суверенных признанных государств на территории такого государства имеются, но их также менее 10 [Berg, Toomla 2009: 40]. В развернувшийся на территории непризнанного государства этносоциальный конфликт международные организации либо не вовлечены, либо вовлечены только региональные организации. Бойкотируемое международным сообществом непризнанное государство либо не является членом международных организаций, либо является членом объединений непризнанных государств. Внешняя торговля в таком государстве также развита слабо: один внешнеторговый партнер доминирует даже при наличии нескольких партнеров, внешнеторговый оборот в лучшем случае достигает среднемирового значения. Коммуникации в бойкотируемом

непризнанном государстве развиты слабо: даже при наличии кода для интернет-доменов, кода страны для телефонов нет; въезд граждан данного государства на территорию других стран, как правило, ограничен либо осуществляется на основании визового режима; прямого почтового сообщения в таких государствах тоже нет; воздушное сообщение либо отсутствует, либо ограничено малым количеством авиалиний и направлений.

Непризнанные государства, к которым акторы международных отношений проявляют терпимость, обладают международным признанием более 10 суверенных государств. Соответственно, на территории такого государства более 10 представительств суверенных признанных государств [Berg, Toomla 2009: 41]. В этносоциальный конфликт на территории такого государства вовлечены региональные организации либо ООН. Непризнанное государство, к которому проявляют терпимость, как правило, имеет статус наблюдателя в ряде международных организаций или является полноправным членом некоторых международных организаций. В подобном государстве наблюдается развитие внешней торговли: внешнеторговых партнеров несколько, внешнеторговый оборот достигает среднемирового значения либо превышает его. Коммуникации в непризнанном государстве, к которому проявляют терпимость, более развиты: имеется код для телефонов и интернет-доменов; въезд граждан данного государства на территорию других стран осуществляется на основании визового режима, но не ограничен; имеется прямое почтовое сообщение; воздушное сообщение представлено большим количеством авиалиний и направлений.

Получившие со стороны международного сообщества квазипризнание государственные образования считаются официально признанными со стороны более чем 10 других суверенных государств. На их территории имеется более 10 представительств иностранных государств [Berg, Toomla 2009: 42]. Этносоциальный конфликт на территории подобного

государства, как правило, разрешен с помощью ООН. Квазипризнанное государство является полноправным членом некоторых международных организаций. В данной форме существуют Косово, Тайвань. Внешнеторговый оборот на душу населения превышает среднемировой уровень, у государства несколько внешнеторговых партнеров. Коммуникации на территории квазипризнанного государства развиты на мировом уровне: воздушное сообщение представлено несколькими авиалиниями и множеством направлений; имеется прямое почтовое сообщение со страной; въезд граждан квазипризнанного государства на территорию других стран осуществляется на основании общего визового режима либо является безвизовым; имеется отдельный код страны для телефонов и интернет-доменов.

Относительное положение непризнанных государств в «серой зоне» в принципе поддается измерению. С этой целью Э. Берг и Р. Тоомла используют уже упоминавшийся выше индекс нормализации. В качестве основы для расчетов предлагается использовать следующие группы показателей.

Интеграция в международное сообщество

Признание:

0 — нет

1 — признано только другими «фактическими» государствами

2 — признано менее чем 10 признанными государствами

3 — признано более чем 10 признанными государствами

Зарубежные представительства

0 — нет

1 — только зарубежные представительства «фактических» государств

2 — менее 10 представительств иностранных государств

3 — более 10 представительств иностранных государств

Вовлеченность международных организаций в конфликт

0 — нет

1 — региональные организации

2 — ООН

Членство в международных организациях
0 — нет
1 — статус наблюдателя в некоторых организациях
2 — полноправное членство в некоторых организациях
Внешний покровитель (External patron)
0 — нет покровителя
1 — существующий покровитель
Внешняя торговля
Внешнеторговый оборот на душу населения
0 — нет
1 — до 2393 долл. (½ от среднемирового)
2 — до 4785 долл. (среднемировой)
3 — свыше 4875 долл.
Число внешнеторговых партнеров
0 — нет
1 — один доминирующий партнер (one dominating partner)
2 — несколько партнеров
Коммуникации
Воздушное сообщение
0 — нет
1 — одна авиалиния и мало направлений или несколько авиалиний и одно направление
2 — несколько авиалиний и много направлений
Почтовое сообщение
0 — нет прямого почтового сообщения
1 — прямое почтовое сообщение
Пограничный режим (Border regulations)
0 — въезд ограничен
1 — общий визовый режим
2 — общий безвизовый режим
Телекоммуникации
0 — нет кода страны для телефонов и интернет-доменов
1 — отдельный код страны
В соответствии с методикой Э. Берга и Р. Тоомла непризнанные государства по количеству набранных баллов размещаются на «шкале признания», которая иллюстрирует их положение в мире. Дополним методику Э. Берга и Р. Тоомла весовыми показателями:
Интеграция в международное сообщество – 0,45
Внешняя торговля – 0,25

Коммуникации – 0,3

Взвешенные оценки по каждой группе показателей суммируются, в результате получается суммарная взвешенная оценка. В итоге положение «фактических государств» на шкале признания определяется следующим образом (в баллах):
0–2,5: «отрицание» (negation)
2,6–5: «бойкот» (boycott)
5,1–7,5: «терпимость» (toleration)
7,6–10: «квазипризнание» (quasi-recognition).

Оценка непризнанных государств постсоветского пространства по «индексу нормализации»

Нагорный Карабах, Приднестровская Молдавская Республика, Южная Осетия и Абхазия существуют как де-факто государства с 1990 – 1992 годов (Абхазия – официально с 1999 года), несмотря на периодические вооруженные конфликты и положений конституций сецессионных стран, которые признают их своей частью.

Донецкая и Луганская республики были провозглашены лишь в 2014 году, там также продолжаются военные действия, и вероятность их возвращения под юрисдикцию Украины снижается. При этом вопрос об их статусе остается открытым.

Абхазия признана 6 странами, входящими в ООН (РФ, Никарагуа, Венесуэла, Науру, Вануату и Тувалу)

Донецкая народная Республика не признана ни одним государством – членом ООН.

Луганская народная республика не признана ни одним государством – членом ООН.

Нагорно-Карабахская Республика не признана ни одним государством – членом ООН.

Приднестровская Республика не признана ни одним государством – членом ООН.

Южная Осетия признана 5 странами, входящими в ООН (РФ, Никарагуа, Венесуэла, Науру и Тувалу).

Проведем оценку непризнанных государств постсоветского пространства по «индексу нормализации». Для этого представим в таблице 1 оценки шести

государств по выявленным Э. Бергом и Р. Тоомла показателям.

Проведем весовое сопоставление полученных оценок (табл. 2).

Таким образом, положение Абхазии и Южной Осетии в соответствии с проведенной оценкой можно определить как «бойкот» со стороны международного сообщества. Положение ДНР, ЛНР, Нагорного Карабаха и ПНР можно определить как «отрицание».

Перспективы развития непризнанных государств постсоветского пространства

Возвращение Абхазии в состав Грузии, которая рассматривает ее как оккупированную территорию, представляется маловероятным, учитывая долгие годы этнической дискриминации абхазов. В 2014 году с Россией был подписан договор о стратегическом сотрудничестве, включающий обширную инвестиционную программу. Имеющая собственные ресурсы и развивающаяся Абхазия не выражала официального желания войти в состав России.

Возвращение Нагорного Карабаха в состав Азербайджана после четверти века войн и делящихся до сих пор перестрелок, но главное – основы для национальной идентификации как для НКР (независимость) так и для Азербайджана (победа в войне и возврат НКР) практически невозможна. Государство – патрон – Армения даже не признала НКР, чтобы не ухудшать отношения с мировым сообществом.

ПНР, которую патронирует Россия, не имеет с ней общей границы, но вопрос возвращения в состав Молдавии остается открытым и зависит от позиций текущего руководства Молдавии – сближения с Румынией и перспектив вхождения в ЕС или же – сближения с Россией и сохранения независимого статуса. Сейчас, когда президентом Молдовы является пророссийски настроенный Игорь Додон, первая траектория развития становится менее вероятной, хотя с президентом не согласен парламент.

Южная Осетия с момента распада СССР неоднократно проводила референдумы о присоединении к Российской Федерации. После присоединения Крыма сценарий вхождения Южной Осетии в состав России вполне вероятен, в 2015 году был подписан договор о сотрудничестве и интеграции. Возвращение же в состав Грузии – практически исключено.

ЛНР и ДНР заявляли в 2014 году о создании федерации Новороссия. В 2017 году была предпринята неудачная попытка создания государства Новороссия. Постоянные военные действия на Востоке Украины угрожают безопасности Европы, оба де-факто государства оказались заложниками углубляющегося конфликта между Россией и Украиной, последнюю при этом поддерживает Европейский Союз.

Надежды на усилия международных организаций: ОБСЕ, Совета Европы, договоренностей ряда государств (например, Минской группы по разрешению Нагорно-Карабахского конфликта или Минских договоренностей Германии, Франции, России и Украины об урегулировании военного конфликта), несмотря на одновременное участие сецессионных государств и государств – патронов, показывают ограниченные возможности купирования вооруженного конфликта (как в ПНР), но неспособность разрешить проблему де-факто государств. Как и с другими непризнанными государствами, их постсоветские формы показывают, что в разрешении затяжных этнополитических и религиозных конфликтов опора исключительно на формально-правовой инструментарий неэффективна. Пока не выработаны новые правила международной архитектуры де-факто государства будут оставаться фактором нестабильности не только для государств-патронов и сецессионных государств, но и для всего мирового сообщества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бударагина Л. В. Статус непризнанных государств // *Право и современные государства.* – 2016. – №3. – С. 44-49

- Ватаман А. В.* Формирование новой системы международных отношений и непризнанные государства // *Власть*. – 2015. – №2. – С. 44-47
- Квачева П.И., Петрова С.В.* Политико-правовой статус непризнанного государства в современном мире: историко-правовой аспект (на примере Республики Абхазия) // *Вестник Пермского университета. Юридические науки*. – 2017. – №1 (35). – С. 56-65
- Курьлев К.П., Нгоян А.Л., Паласиос К.Э., Скудина О.В.* Неурегулированные конфликты на постсоветском пространстве в анализе западных экспертно-аналитических центров // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2016. Т. 16. № 3. С. 482-493
- Мелешкина Е.Ю.* Сепарации на постимперском пространстве: Косово, Абхазия, Южная Осетия // *Актуальные проблемы Европы*. – 2015. - №1. – С.56-62
- Мехдиев Э.Т.* Международно-правовые аспекты изменения государственной территории // *Евразийский юридический журнал*. 2017. №9 (112). – С. 47-52
- Попов Ф.А.* Политико-географический подход к исследованию сепарационизма // *Вестник Московского университета. Серия 5: География*. – 2009. – № 1. – С. 47-56
- Berg E., Toomla R.* Forms of Normalisation in the Quest for De Facto Statehood // *The International Spectator*. 2009. Vol. 44, N 4. P. 29-43
- Mitra J.* Lack of Development Gives Rise to Separatist Sentiments [Electronic resource]. - URL: http://www.cpiml.org/liberation/year_2001/february/06%20special%20report.htm
- Pegg S.* International Society and the De Facto State. Aldershot: Ashgate, 1998
- Popescu N.* Europe's Unrecognised Neighbours: The EU in Abkhazia and South Ossetia. Centre for European Policy Studies, 2007 [Electronic resource]. - URL: <http://www.ceps.eu/book/europesunrecognised-neighbours-eu-abkhazia-and-south-ossetia>
- Stanislawski B., Levitsky M.* Black Spots: Insecurity From Beyond the Horizon. Paper presented at the annual meeting of the ISA's 49th Annual Convention, «Bridging Multiple Divides», San Francisco, March 26, 2008 [Electronic resource]. - URL: http://www.allacademic.com/meta/p252812_index.html.
- Van Meurs W.* Frozen Conflicts. What Is to Become of the Virtual States? // *Osteuropa*. November 2017. Vol. 57, N 11. P. 111–120
- Vienna Convention on the Law of Treaties. A Commentary / Ed. by O. Dörr, K. Schmalenbach. 2nd ed. Berlin: Springer, 2018.

REFERENCES

- Budaragina L.V.* Status of unrecognized states // *Law and modern state*. 2016. №3. P. 44-49
- Vataman A.V.* Formation of a new system of international relations and unrecognized states // *Power*. 2015. №2. P. 44-47
- Kvacheva P.I., Petrova S.V.* Political and legal status of an unrecognized state in the modern world: historical and legal aspect (on the example of the Republic of Abkhazia) // *Perm University Bulletin. Jurisprudence*. 2017. №1 (35). P. 56-65
- Kurylev K.P., Ngoyan A.L., Palasios K.E., Skudina O.V.* Neuregulirovannye konflikty na postsovetском prostranstve v analize zapadnyh ekspertno-analiticheskikh centrov // *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya*. 2016. Т. 16. № 3. С. 482-493
- Meleshkina E.Y.* Secession in the post-imperial space: Kosovo, Abkhazia, South Ossetia // *Actual problems of Europe*. 2015. №1. P.56-62
- Mehdiev E.T.* International legal aspects of changes in the state territory // *Eurasian legal journal*. 2017. № 9 (112). P. 47-52
- Mehdiev E.T.* International legal aspects of changes in the state territory // *Eurasian legal journal*. 2017. № 9 (112). P. 47-52
- Popov F.A.* Political and geographical approach to the study of secessionism // *Moscow University Bulletin. Series 5: Geography*. 2009. № 1. P. 47-56
- Berg E., Toomla R.* Forms of Normalisation in the Quest for De Facto Statehood // *The International Spectator*. 2009. Vol. 44, N 4. P. 29-43

Mitra J. Lack of Development Gives Rise to Separatist Sentiments [Electronic resource]. - URL: http://www.cpiml.org/liberation/year_2001/february/06%20special%20report.htm

Pegg S. International Society and the De Facto State. Aldershot: Ashgate, 1998

Popescu N. Europe's Unrecognised Neighbours: The EU in Abkhazia and South Ossetia. Centre for European Policy Studies, 2007 [Electronic resource]. - URL: <http://www.ceps.eu/book/europesunrecognised-neighbours-eu-abkhazia-and-south-ossetia>

Stanislawski B., Levitsky M. Black Spots: Insecurity From Beyond the Horizon. Paper presented at the annual meeting of the ISA's 49th Annual Convention, «Bridging Multiple Divides», San Francisco, March 26, 2008 [Electronic resource]. - URL: http://www.allacademic.com/meta/p252812_index.html.

Van Meurs W. Frozen Conflicts. What Is to Become of the Virtual States? // Osteuropa. November 2017. Vol. 57, N 11. P. 111–120

Vienna Convention on the Law of Treaties. A Commentary / Ed. by O. Dörr, K. Schmalenbach. 2nd ed. Berlin: Springer, 2018.

ПРИЛОЖЕНИЕ/APPENDIX

Таблица 1

Оценка непризнанных государств постсоветского пространства

Показатель	Абхазия	ДНР	ЛНР	Нагорный Карабах	ПНР	Южная Осетия
Интеграция в международное сообщество						
Признание	2	1	1	0	1	2
Зарубежные представительства	2	0	0	0	0	2
Вовлеченность международных организаций в конфликт	0	0	0	2	2	0
Членство в международных организациях	0	0	0	0	0	0
Внешний покровитель	1	1	1	0	0	1
Итого интеграция в международное сообщество	5	2	2	2	3	5
Внешняя торговля						
Внешнеторговый оборот на душу населения	1	0	0	0	0	1
Число внешнеторговых партнеров	1	0	0	0	0	1
Итого внешняя торговля	2	0	0	0	0	2
Коммуникации						
Воздушное сообщение	1	0	0	0	0	1
Почтовое сообщение	1	0	0	0	0	1
Пограничный режим	1	0	0	0	0	1
Телекоммуникации	0,5	0	0	0	0,5	0,5
Итого коммуникации	3,5	0	0	0	0,5	3,5

Таблица 2

Весовая оценка непризнанных государств

Показатели	Оценки	Абхазия	ДНР	ЛНР	Нагорный Карабах	ПНР	Южная Осетия
	Балльная оценка	5	2	2	2	3	5

Интеграция в международное сообщество	Вес	0,45	0,45	0,45	0,45	0,45	0,45
	Взвешенная оценка	2,25	0,9	0,9	0,9	1,35	2,25
Внешняя торговля	Балльная оценка	2	0	0	0	0	2
	Вес	0,25	0,25	0,25	0,25	0,25	0,25
	Взвешенная оценка	0,5	0	0	0	0	0,5
Коммуникации	Балльная оценка	3,5	0	0	0	0,5	3,5
	Вес	0,3	0,3	0,3	0,3	0,3	0,3
	Взвешенная оценка	1,05	0	0	0	0,15	1,05
Суммарная взвешенная оценка		3,8	0,9	0,9	0,9	1,5	3,8

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Санакоев Инал Борисович, профессор, кандидат политических наук, заведующий кафедрой политологии и социологии ЮОГУ им. А.А. Тибилова. Цхинвал, Южная Осетия. E-mail: inal59@mail.ru

Плиев Сослан Мурадович, кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и социологии ЮОГУ им. А.А.Тибилова. Цхинвал, Южная Осетия. E-mail: Pliev_sm@mail.ru

Смолик Надежда Григорьевна, старший преподаватель кафедры теории и истории международных отношений факультета гуманитарных и социальных наук, РУДН. Москва, Россия. E-mail: smolik_ng@pfur.ru

Кулумбегова Лина Темуриевна, старший преподаватель кафедры политологии и социологии ЮОГУ им. А.А.Тибилова. Цхинвал, Южная Осетия. E-mail: linakulumbegova@mail.ru

Inal B. Sanakoev, Professor, Candidate of Political Sciences, Head of the Department of Political Science and Sociology of the A.A. Tibilov Southern State University. Tskhinval, South Ossetia. E-mail: inal59@mail.ru

Soslan M. Pliev, Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department of Political Science and Sociology of the A.A.Tibilov Southern State University. Tskhinval, South Ossetia. E-mail: Pliev_sm@mail.ru

Nadezhda G. Smolik, Senior Lecturer at the Department of Theory and History of International Relations, Faculty of Humanities and Social Sciences, RUDN. Moscow, Russia. E-mail: smolik_ng@pfur.ru

Lina T. Kulumbegova, senior lecturer at the Department of Political Science and Sociology of the A.A. Tibilov Southern State University. Tskhinval, South Ossetia. E-mail: linakulumbegova@mail.ru

Новый режим в Афганистане как вызов безопасности Республики Таджикистан

Д. Р. Итяшева

*Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
E-mail: 1032212618@pfur.ru*

А. А. Лушина

*Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
E-mail: lushina_aa@pfur.ru*

К. Х. Рахимов

*E-mail: rakhimov-kkh@rudn.ru
Центр исследований постсоветских стран, Москва, Россия*

Д. Д. Чекрыгина

*Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
E-mail: 1032219521@pfur.ru*

Аннотация. В данной статье рассматриваются риски, связанные с приходом к власти движения Талибан в Афганистане, такие как угроза терроризма, распространения радикального ислама и наркотрафика в контексте вызовов региональной безопасности Таджикистана, который из всех стран Центральной Азии имеет самую протяженную общую границу с Афганистаном. Особое внимание уделяется месту России в отношениях между Таджикистаном и новым режимом Афганистана. Отмечается уникальная позиция Таджикистана среди государств Центральной Азии в отношении правления талибов в Афганистане. В отличие от других стран, Таджикистан неоднократно подчеркивал, что не признает легитимность правления талибов. Президент Таджикистана Эмомали Рахмон на саммите ОДКБ в январе 2022 г. призвал к созданию пояса безопасности вокруг Афганистана. По его словам, на границе с Афганистаном обстановка усложняется с каждым днем. Постоянно ведутся боевые действия, есть погибшие и раненые. Э. Рахмон поделился сведениями о том, что возле южных границ ОДКБ, в афганских северо-восточных провинциях, действует более 40 лагерей и центров по подготовке террористов, в которых находятся свыше 6 тыс. боевиков. В конце лета 2021 года из афганских тюрем были выпущены тысячи заключенных, многие из которых примкнули к радикалам. Борьба с разрушительной деятельностью террористов, экстремистов, исламских радикалов и различных криминальных элементов у нас не прекращалась в течение последних 30 лет, и мы хорошо знаем, какую угрозу для нашей безопасности представляют эти силы. Таджикистан с первых дней своей независимости борется против таких вызовов и прошёл гражданскую войну, унёсшую жизни более 150 тысяч граждан страны. На наших встречах в рамках ОДКБ, СНГ и ШОС я неоднократно обращал ваше внимание на наличие в наших странах спящих ячеек международного терроризма, экстремизма и религиозного радикализма, - заявил Э. Рахмон. В наших странах усиленно продвигается крайне разрушительная идеология религиозного радикализма, которая сегодня стала одним из главных оружий в руках наших недругов. В статье произведен анализ с точки зрения выгодных аспектов для правительств Таджикистана и России. Исходя из собранных данных, был сформулирован прогноз дальнейшего развития событий.

Ключевые слова: Афганистан, Таджикистан, Россия, терроризм, наркотрафик, региональная безопасность.

Для цитирования: Итяшева Д.Р., Лушина А.А., Рахимов К.Х., Чекрыгина Д.Д. Новый режим в Афганистане как вызов безопасности Республики Таджикистан // // Постсоветские исследования. 2023;1(6):76-86.

Afghanistan's New Regime as a Challenge to the Security of the Republic of Tajikistan

Daria R. Ityasheva

RUDN University, Moscow, Russia

E-mail: 1032212618@pfur.ru

Alla A. Lushina

RUDN University, Moscow, Russia

E-mail: lushina_aa@pfur.ru

Komron Kh. Rakhimov

Center for Post-Soviet Studies, Moscow, Russia

e-mail: rakhimov-kkh@rudn.ru

Daria D. Chekrygina

RUDN University, Moscow, Russia

E-mail: 1032219521@pfur.ru

Abstract. This article examines the risks associated with the coming to power of the Taliban in Afghanistan, such as the threat of terrorism, the spread of radical Islam and drug trafficking in the context of the challenges to the regional security of Tajikistan, which of all Central Asian countries has the longest common border with Afghanistan. Particular attention is paid to the place of Russia in relations between Tajikistan and the new regime of Afghanistan. The unique position of Tajikistan among the states of Central Asia regarding the rule of the Taliban in Afghanistan is noted. Unlike other countries, Tajikistan has repeatedly stressed that it does not recognize the legitimacy of the rule of the Taliban. At the CSTO summit in January 2022, Tajik President Emomali Rahmon called for the creation of a security belt around Afghanistan. According to him, the situation on the border with Afghanistan is becoming more complicated every day. Fighting is constantly going on, there are dead and wounded. E. Rahmon shared information that near the southern borders of the CSTO, in the Afghan northeastern provinces, there are more than 40 camps and terrorist training centers, in which there are over 6 thousand militants. At the end of the summer of 2021, thousands of prisoners were released from Afghan prisons, many of whom joined the radicals. The fight against the destructive activities of terrorists, extremists, Islamic radicals and various criminal elements has not stopped in our country over the past 30 years, and we are well aware of the threat these forces pose to our security. Tajikistan from the first days of its independence has been fighting against such challenges and has gone through a civil war that claimed the lives of more than 150,000 citizens of the country. At our meetings within the framework of the CSTO, the CIS and the SCO, I repeatedly drew your attention to the presence in our countries of sleeping cells of international terrorism, extremism and religious radicalism, E. Rahmon said. In our countries, the extremely destructive ideology of religious radicalism is being intensively promoted, which today has become one of the main weapons in the hands of our enemies. The article analyzes from the point of view of beneficial aspects for the governments of Tajikistan and Russia. Based on the collected data, a forecast of further developments was formulated.

Keywords: Afghanistan, Tajikistan, Russia, terrorism, drug trafficking, regional security.

For citation: Daria R. Ityasheva, Alla A. Lushina, Daria D. Chekrygina. Afghanistan's New Regime as a Challenge to the Security of the Republic of Tajikistan // Postsovetskie issledovaniya = Post-Soviet Studies. 2023;1(6):76-86 (In Russ.).

Терроризм – это острая тема, которая волнует жителей всей планеты. Причины террористической деятельности различны: они бывают политические, экономические, религиозные, социальные, идеологические. Если говорить про Таджикистан, то начальной точкой террористической деятельности в республике можно назвать 1992 год, так как именно после распада СССР стали появляться первые террористические группировки во время гражданской войны. А с 1994 г. терроризм в Таджикистане приобрел совершенно новый характер – провокационный, который сопровождался всеми видами террористической активности: вооруженные нападения, взрывы, похищения, целью которых было получение выкупа¹. По данным экспертов, во время гражданской войны в Таджикистане более 100 тыс. человек погибли и еще столько же числятся пропавшими без вести.

По состоянию на 2022 г. в республике числится 20 организаций, которые, по заключению верховного суда, признаны террористическими и экстремистскими организациями. Религиозно-политическое движение «Талибан»², которое также признано в Таджикистане как террористическая организация, в настоящее время занимает самую значимую позицию во взаимоотношениях с Республикой Таджикистан.

После начала вывода войск США, которые находились на территории Афганистана на протяжении 20 лет, в августе 2021 года талибские боевики начали захват власти Афганистана, и в сентябре этого же года талибы захватили Панджшер – последнюю из 34 провинций. Официальный контроль над территорией талибы получили 15 августа 2021 года после захвата столицы Кабул³.

Позиция Таджикистана по отношению к новой власти в Афганистане.

Республика Таджикистан – одна из немногих граничащих с Афганистаном стран, к тому же, открыто заявившая о том, что не намерена признавать новое правительство Афганистана, «сформированное угнетением» после событий захвата власти в Кабуле талибами в августе 2021 г. и создания ими Исламского Эмирата Афганистан 07 сентября 2021 г. В Центральной Азии армия Таджикистана считается самой слабой и согласно рейтингу военной мощи 2022 года занимает 111 место из 142 стран, включенных в ежегодный обзор GFP⁴. Именно поэтому, казалось бы, страна не будет давать отпор, но Таджикистан стойко и гордо отстаивает свою позицию по поводу Талибана. Президент Таджикистана в своем официальном обращении сказал, что доверия к талибам никакого нет, так как Талибан нарушает права религиозных и национальных меньшинств. Эмомали Рахмон в видеообращении к участникам 76-й сессии Генассамблеи ООН раскритиковал состав нового афганского кабинета как лишенного инклюзивности. Лишь диалог с участием всех слоев афганского общества, в том числе афганских таджиков, заявил Э. Рахмон, может привести к установлению прочного мира и стабильности в этой стране⁵.

Президент Таджикистана рассказал о трудностях, с которыми столкнулся афганский народ под властью «Талибана», в том числе о грабежах, убийствах и угнетении людей талибами. Он также заявил, что тяжелейший гуманитарный кризис охватил афганскую провинцию Панджшер. В Афганистане не рады негативным высказываниям Эмомали Рахмона, и талибы обвиняют президента Таджикистана во вмешательстве во внутренние дела страны. Все это ведет к напряженности в отношениях

¹ Исламский терроризм в Таджикистане. URL: <http://terroristica.info/node/398> (дата обращения: 05.06.2022).

² Организация запрещена в РФ.

³ Гафурова М. Востоковед: Талибан» готовит войну у границ России. URL: <https://ura.news/news/1052537093> (дата обращения: 05.06.2022).

⁴ GFP Military Strength Ranking 2022. URL: <https://www.globalfirepower.com/countries-listing.php> (дата обращения 10.06.2022).

⁵ Новости ООН. Президент Таджикистана: Афганистан превратился в площадку для геополитических игр. URL: <https://news.un.org/ru/story/2021/09/1410572> (дата обращения: 05.06.2022).

двух стран и повышает шанс террористической угрозы со стороны Афганистана.

30-летнее президентство Э. Рахмона сопровождалось экономическими трудностями, поэтому роль защитника таджикского народа обеспечивает ему поддержку среди этих людей. Считается, что поддержка Э. Рахмоном афганских таджиков с целью обеспечения их более широкого участия в правительстве, возглавляемом талибами, может быть частью усилий по улучшению его позиций внутри страны.

Политический кризис в соседнем Афганистане, таким образом, дал действующему таджикскому лидеру шанс повысить доверие своего народа. Наднационального таджикского образования не существует, но на протяжении всей своей политической карьеры Э. Рахмон позиционировал себя как «хранителя и покровителя всех таджиков мира»⁶, а таджикское правительство поощряет патриотические настроения среди населения.

Проделаны стратегические шаги по привлечению международной помощи для Таджикистана, экономика которого сильно пострадала от пандемии. В настоящее время страна сталкивается с серьезными отключениями электроэнергии, подталкивая вверх цены на природный газ, уголь и дрова. Согласовывая антиталибскую риторику с развивающейся международной реакцией на Афганистан, Э. Рахмон мог надеяться получить большую экономическую поддержку.

Нельзя однозначно сказать, что Э. Рахмон руководствуется политическим оппортунизмом. Непосредственной угрозой таджикским интересам в результате захвата Афганистана талибами является риск исламистской радикализации в Таджикистане. Душанбе опасается, что если талибы добьются успеха в создании полноценного Исламского Эмирата, то это может спровоцировать более широкую волну исламского радикализма.

С момента обретения независимости от СССР Таджикистан пытается продемонстрировать, что радикальный ислам представляет угрозу региональной безопасности. Правительство следует строгой форме секуляризма и вводит жесткий контроль за религиозными течениями. Но растущая религиозная тенденция вызвала обеспокоенность тем, что таджикское правительство потеряет поддержку среди религиозно настроенных людей.

Э. Рахмон находится у власти уже 30 лет и проявляет осторожность к исламским движениям в своей стране. Хотя политика талибов не предлагает никаких реальных политических решений для преимущественно мусульманских обществ в других частях региона, стремление к альтернативной политике вызывает беспокойство у светских правительств. Именно поэтому таджикское руководство рассматривает Талибан как источник религиозного фундаментализма, опасного и наносящего ущерб социально-культурным институтам.

В то время как радикальные исламистские группировки в Таджикистане получают идеологическое вдохновение от торжествующего Талибана для создания собственного эмирата, режим Э. Рахмона стремится предать их забвению. Таджикистан является экономически наиболее уязвимой страной в Центральной Азии, и угрозы со стороны террористических сетей только усугубляют чувство уязвимости страны, поскольку таджикские вооруженные силы также считаются самыми слабыми в регионе. В ответ на эти угрозы Э. Рахмон использовал ранее существовавшие антиталибские настроения, чтобы укрепить свою позицию против исламистов во внутренней политике.

Угрозы, созданные новым режимом Афганистана.

Одной из основных угроз для Республики Таджикистан является наплыв беженцев из Афганистана. По данным

⁶ Умаров Т. Один против «Талибана». Зачем Таджикистан конфликтует с новыми властями

Афганистана. URL: <https://carnegiemoscow.org/commentary/85612>

Управления ООН по координации гуманитарных вопросов (UNOCHA) с 01 мая 2021 года г. 15 августа 2021 г. в период активной наступательной операции против правительственных сил Афганистана, начатой боевиками террористической организации «Талибан» на положении вынужденных переселенцев оказались 554,982 человек, то есть 81,758 семей⁷.

Во время захвата власти талибами в Афганистане Таджикистану пришлось принять более 2 тысяч беженцев из числа военнослужащих и более тысячи мирных жителей. Эти люди пробыли на территории Таджикистана несколько недель, после чего были отправлены обратно на родину. Нельзя гарантировать, что среди беженцев, прибывших в Таджикистан, не было членов террористических организаций, что грозит распространением в стране террористических идеологий. По ряду сообщений, талибы, хотя и обещали не угрожать соседям, доверили охрану таджикско-афганской границы группировке «Ансоруллах». Ее возглавляет этнический таджик М. Арсалон (Мухаммад Шарипов), неоднократно заявлявший о своем намерении построить у себя на родине халифат по образцу Афганистана. В Таджикистане группировка запрещена, а многие боевики объявлены в международный розыск⁸.

Помимо вопроса возросшей угрозы терроризма, Таджикистан также выразил озабоченность в связи с увеличением контрабанды наркотиков из Афганистана на фоне того, что таджикские власти называют «нестабильностью» в Афганистане после прихода к власти талибов. Начальник Агентства по контролю за оборотом наркотиков Таджикистана заявил, что резко возросло количество перехваченных его

агентством наркотиков, и что рост контрабанды наркотиков связан с «изменением ситуации в Афганистане»⁹.

Афганская экономика и до прихода талибов находилась в проблемном состоянии, и у нее было всего три источника доходов. Первый источник доходов – это производство и экспорт наркотической средств. По оценкам специалистов, по состоянию на 2019 год доля Афганистана на мировом рынке героина составляла 92%¹⁰.

Соседство постсоветских республик с Афганистаном с его интенсивно развивающимся наркобизнесом приводит к тому, что сами страны этого региона из стран-потребителей наркотиков превращаются в страны-производители. Свидетельством тому являются участвовавшие оперативные сводки правоохранительных органов о выявлении фактов преступлений в сфере оборота и производства наркотиков в разных районах стран региона.

Второй источник дохода — это сфера обслуживания воинского контингента. В конце 2019 г. в Афганистане размещалось около 120 тыс. военнослужащих иностранных государств (большинство из них в статусе наемников), и это очень весомая часть афганской экономики. Третий источник поступлений – это прямая экономическая помощь стране. Афганское правительство все еще зависимо от иностранных поступлений.¹¹

Кроме общей границы с Афганистаном были перечислены и другие причины возрастания напряженности между Таджикистаном и новым режимом соседней страны. Но действительно ли талибы представляют такую серьезную угрозу? Начало разбора сути реальной угрозы стоит с перечисления факторов, которые вызывают

⁷ International displacement due to conflict // URL: <https://www.humanitarianresponse.info/en/operations/afghanistan/idps> (дата обращения: 09.06.2022).

⁸ Карамзин И. Назад в 90-е: почему Таджикистан не признает новую власть в Кабуле // Информационный портал газеты Известия. URL: <https://iz.ru/1213486/igor-karmazin/nazad-v-90-e-pochemu-tadzhikistan-ne-priznaet-novuiu-vlast-v-kabule> (дата обращения: 05.06.2022).

⁹ Eurasianet. Tajikistan says Afghan instability fueling narcotics trade boom. URL:

<https://eurasianet.org/tajikistan-says-afghan-instability-fueling-narcotics-trade-boom> (дата обращения: 11.06.2022).

¹⁰ Аманбекова Ш. Афганский наркотрафик и проблемы региональной безопасности в Центральной Азии. Постсоветские исследования. 2019. С. 1103.

¹¹ Рахимов К.Х. Вклад государств-членов ШОС по урегулированию афганского кризиса: до и после вывода военного контингента НАТО. Постсоветские исследования. 2022. С. 374.

наибольшие опасения. Первый проблемный момент касается размещения талибами около 4000 боевиков вдоль границы со Средней Азией. Представители талибов настаивали на том, что этот шаг будет способствовать стабильности в регионе, однако со стороны северных соседей этот момент вызвал скептицизм. В Таджикистане также вызывает беспокойство тот факт, что талибы развернули специальные батальоны смертников «Лашкар-и-Мансури» в северо-восточных провинциях Афганистана Бадахшан и Тахар¹². В этих двух провинциях проживают сотни боевиков-выходцев из Таджикистана, Узбекистана и других стран, которые на протяжении многих лет воевали вместе с «Талибаном». Учитывая, вышеупомянутые моменты, и без того явная угроза безопасности только набирает мощь.

Опасения Таджикистана имеют под собой прочное основание, учитывая террористическую угрозу, связанную не только с талибами. В течение многих лет талибы укрывали и даже внедряли в свои ряды членов Джамаат Ансарулла, таджикской исламистской боевой группировки, выступающей против Душанбе. Через несколько недель после захвата власти талибы перебросили боевиков «Ансаруллы» к таджикской границе. Некоторые же таджикские боевики, проживающие в Афганистане, являются членами экстремистской группировки «Исламское государство-Хорасан», соперника движения «Талибан», которое недавно заявило о ракетном обстреле Таджикистана. В целом можно заключить что угроза для страны носит более чем реальный характер и взяв во внимание масштаб угрозы, Таджикистану необходимо большое количество ресурсов для противостояния ей.

Оценивая всю ситуацию, происходящую вокруг Таджикистана, возникает вопрос:

произойдет ли вторжение талибских боевиков на территорию Таджикистана?

Мнения экспертов в данном вопросе расходятся, одни считают, что такой исход вполне возможен, другие же, наоборот, говорят, что этого не произойдет. Парвиз Муллоджанов, политолог Таджикистана, предполагает вторжение, так как Россия, которая, безусловно, играет немалую роль в судьбе безопасности Таджикистана, полностью погружена в конфликт с Украиной. Следовательно, талибы могут это расценить как возможность для вмешательства. Также считает и другой политолог – А. Замон, но он лишь высказывает предположение, говоря о том, что для талибов только их территория – территория ислама, а все остальное – территория для военных действий.

В совершенно противоположном мнении мыслит И. Назриев – эксперт по Афганистану. Он говорит о том, что Талибан ни в коем случае не будет портить отношения с Россией. И что помимо Таджикистана талибы сейчас обладают множеством других проблем, а вторжение может пагубно сказаться на удержании власти. Да и к тому же, Назриев считает, что талибское количество боевиков в разы преувеличено. Схожим мнением обладает и аналитик Таджикистана – А. Кадыров¹³.

Несмотря на напряженные отношения между странами, говорить о том, что Таджикистан и Афганистан находятся на грани войны, пока рано. Несмотря на резкую риторику Э. Рахмона, он и другие высокопоставленные таджикские чиновники действуют крайне осторожно и избегают прямых ссылок на Талибан, ограничивая свою критику тем, что новое правительство Афганистана недостаточно инклюзивно в отношении этнических меньшинств страны.

Таджикистан также воздерживается от разрыва торговых отношений с новым афганским правительством, несмотря на то

¹² Siddique A. Hostilities Grow Between Taliban And Tajikistan Amid Border Closure, Truck Seizures. URL: <https://gandhara.rferl.org/a/afghanistan-taliban-tajikistan-border-truck-seizures/31858508.html> (дата обращения 10.06.2022).

¹³ Мирзобекова Р. Вторжение талибов в Таджикистан: миф или реальность? URL: <https://www.asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/security/20220304/vtorzhenie-talibov-v-tadzhikistan-mif-ili-realnost> (дата обращения: 07.06.2022).

что на долю Афганистана приходится всего 1,5% от общего объема торговли страны. Электроэнергия, основная статья экспорта Таджикистана в Афганистан, по-прежнему поставляется через границу, хотя талибы в настоящее время не могут заплатить за нее и уже накопили большой долг.

Роль России в отношениях между Таджикистаном и Афганистаном.

Говоря о том, почему Россия играет такую важную роль в решении конфликта на территории Таджикистана, следует сказать об ОДКБ (Организация Договора о коллективной безопасности), куда входят Россия и Таджикистан. По условиям данного договора, при нарушении безопасности, стабильности, территориальной целостности и суверенитета одного из участников договора все страны, которые в него входят, и должны В. оказать помощь. Президент России Владимир Путин в телефонном разговоре с президентом Таджикистана Э. Рахмоном в июле 2021 г. подтвердил готовность оказания помощи в случае вторжения талибов на таджикскую территорию¹⁴.

Действия со стороны Талибана представители ОДКБ оценивают довольно спокойно, несмотря на то что в период социального и экономического кризиса, а также катастрофы гуманитарного масштаба процветает формирование банд, террористических организаций и наркоторговли как один из источников выживания людей. Генсек ОДКБ С. Зась высказался на конференции международного дискуссионного клуба «Валдай» в 2022 г. о том, что ОДКБ уделяет и будет уделять максимально пристальное внимание укреплению границы Таджикистана и Афганистана несмотря ни на что¹⁵.

Помимо всего прочего, в ОДКБ оказывают пристальное внимание вопросу

Панджшера, над которым талибские боевики хотят установить контроль. Талибан нуждается в Панджшере, чтобы утвердить полный контроль над Таджикистаном. Панджшер - провинция, находящаяся в северной части страны, которая держит оборонительную позицию. Провинция в основном населена таджиками, когда центр Афганистана пуштунами. Однако, талибы не нуждаются сейчас в Таджикистане, им нужны лишь горные районы, которые контролирует Масуд - таджик по происхождению, лидер Фронта национального сопротивления¹⁶.

Андрей Макаров, который в 1980-е гг. работал в представительстве МВД СССР в Афганистане, считает, что такой исход спровоцирует приток беженцев в Таджикистан, тем самым, вполне вероятно, создастся кризис, который может привести к Гражданской войне. А если начнется кризис в Таджикистане, то он может затронуть и Россию¹⁷.

За последние месяцы, с начала событий в Украине, казалось бы, в Афганистане ничего не происходит, все забыли про него, но это совершенно не так. 2 мая в день праздника Ид аль-Фитр более 20 талибских боевиков танцевали над могилой Ахмада Шаха Масуда – историческая личность в истории и судьбе Афганистана, который также противостоял Талибану, как и его сын Ахмад Масуд, который в 2022 г. является главным оппозиционером Талибана. Ахмад Шах Масуд погиб в 2001 г. и был похоронен в Панджшере¹⁸. Что примечательно, до этого, в сентябре 2021 года боевиками «Талибана» был осквернен мавзолей Ахмада Масуда в Панджшере. Осквернение могилы вызвало негативный всплеск со стороны таджиков в Панджшере, хотя талибы и отрицали это действие, называя его ненамеренным и глупым. Через два дня действия Фронта Народного Сопротивления с талибскими

¹⁴ РБК. Путин пообещал Таджикистану поддержку из-за ситуации на афганской границе. URL: <https://www.rbc.ru/politics/05/07/2021/60e30fce9a794740b0e48bdf> (дата обращения: 07.06.2022).

¹⁵ Новости Интернет-портала СНГ. URL: <https://e-cis.info/news/565/98010/> (дата обращения: 10.06.2022).

¹⁶ Информационное агентство Avesta. URL: <https://avesta.tj/2022/05/25/frantsuzskie-zhurnalisty->

<vzyali-intervyu-u-ahmada-masuda-v-tadzhikistane/> (дата обращения: 10.06.2022).

¹⁷ Сокирко В. Талибы» могут настучать России чужими руками. URL: <https://m.gazeta.ru/army/2022/02/14/14535187.shtml> (дата обращения: 10.06.2022).

¹⁸ Лапшин Ю.М. Афганский дневник. URL: http://militera.lib.ru/db/lapshin_um/12.html (дата обращения: 10.06.2022).

боевиками нарастали, что привело к жестокой расправе с таджикским народом на территории Афганистана.

К 8 мая по словам людей близким к Фронту Народного Сопротивления погибло 100 талибов и 10 оппозиционеров ФНС. Также в период столкновения в Андаробе погиб учитель Саудин – один из командиров Масуда, и по данным представителей СМИ похоронить его не успели, просто забросали камнями могилу. 9 мая были заключительные бои между талибскими боевиками и представителями ФСН, Фронт Народного Сопротивления одержал победу.

В общей сложности погибли тысячи таджиков на территории Афганистана. Только около 600 человек таджикского происхождения были убиты или тяжело ранены в трех последних террористических атак: 80 человек были убиты в мечети Пули-Хишт, 300 в мечети Халифа в Кабуле и 200 в мечете в районе Имама Сахиба в провинции Кундуз. Также в апреле в Кабуле погибло более 150 детей – хазарийцев. «Талибан» официальную статистику не предоставляет. Все эти террористические атаки назвали в Афганистане геноцидом и этническими чистками. После массовых убийств командование Фронта Народного сопротивления призывает все мировое сообщество оказать помощь и, наконец, провести расследование беспристрастного характера и признать действия «Талибана» преступлением против человечности.

Ричард Бант – специальный докладчик ООН сказал, что регион находится под его пристальным наблюдением, и что он собирает опубликованные видео, аудиозаписи, которые нарушают права человека. Также он добавил, что в скором времени предоставит все свои наработки по событиям в Афганистане Генеральной Ассамблее ООН и Совету по правам человека¹⁹.

После прихода к власти талибов Таджикистан провел военные учения вблизи

своей 1300-километровой границы с Афганистаном вместе с войсками членов возглавляемой Россией Организации коллективной безопасности. Россия, как уже было упомянуто ранее, является главным гарантом безопасности Таджикистана, учитывая несостоятельность национальной армии. Главной проблемой в борьбе с нависшей террористической угрозой для страны является не только «занятость» России в конфликте на Украине, но также и неоднозначная позиция союзника по безопасности в отношении к новому режиму в Афганистане.

Стоит упомянуть тот факт, что в Таджикистане находится крупнейшая российская военная база за рубежом, а именно 201 военная база, расположенная в Душанбе. На фоне прихода к власти в Афганистане в 2021 г. движения «Талибан» российские военные сообщали об усилении базы в Таджикистане новым вооружением. Российская военная база в Таджикистане получила партию из 30 модернизированных танков Т-72Б3М с улучшенными боевыми характеристиками. Поставки современного вооружения значительно повысят боевые возможности военной базы²⁰.

Падение афганского правительства в 2021 г. вызвало интенсивные дискуссии об упадке Запада и подъеме России, которая, как считается, выиграла от захвата власти талибами. В то же время Россия сейчас входит в неизвестную и опасную ситуацию в Центральной Азии, поскольку западное присутствие уменьшается. На принятие нового режима Афганистана со стороны России указывает ряд действий страны таких как отказ от закрытия своего посольства в Кабуле, а также призыв к посредничеству между талибами и оппозицией. Несмотря на новые обстоятельства, эти и другие шаги не беспрецедентны: есть и перемены, и преемственность. С одной стороны, восприятие Москвой Афганистана как

¹⁹ Asia Plus Media group Tajikistan. Что происходило в Афганистане в последние дни? URL: <https://asiaplustj.info/ru/news/centralasia/20220526/chto-proishodilo-v-afganistane-v-poslednie-dni> (дата обращения: 10.06.2022).

²⁰ Интерфакс. База РФ в Таджикистане получила новые танки. URL: <https://www.interfax.ru/world/806833> (дата обращения: 10.06.2022).

потенциального источника угроз для себя и своих центральноазиатских соседей остается прежним. Долгосрочной целью политики России в Афганистане было обеспечение безопасности южного фланга правопреемников центральноазиатских государств. Это вряд ли изменится, пока Москва продолжает рассматривать Афганистан как источник нестабильности. С другой стороны, недавние события означают резкое изменение обстоятельств политики Москвы в Афганистане.

Москва предпочла бы консолидацию власти талибам, поскольку видит в этой группировке потенциального гаранта стабильности в Афганистане. Это заметно по действиям и риторике российской дипломатии в отношении как талибов, так и других третьих сторон. Но в то же время Москва не может стать прямой покровительницей талибов. Это пошло бы вразрез с репутацией Москвы как борца с международным терроризмом и могло бы оттолкнуть от нее некоторых из ее центральноазиатских союзников. Однако важно отметить, что повестка дня России в Афганистане отличается от повестки движения «Талибана». Это означает, что взаимодействие с талибами предпочтительно, но не обязательно для достижения его целей в стране. В результате Москва заинтересована в «Талибанах» в плане гарантий безопасности, которые они могут предоставить, а не в самой группировке.

Одним из положительных моментов из сложившейся ситуации стала критика Соединенных Штатов за их неудачи в этой стране и поднятие государственного имиджа

России на международной арене как страны, не отстранившейся от Афганистана в столь непростое для него время. Провал НАТО в Афганистане является свидетельством того, что международная система не должна предпринимать попытки изменить культуру других стран. Этот посыл был ключевой чертой внешнеполитических стратегических нарративов России, проявляющихся также во взглядах Москвы на Ливию, Сирию и Украину. Учитывая все вышеперечисленные моменты, главный союзник Таджикистана по безопасности в регионе в большей степени положительно настроен по отношению к Талибану. Соответственно Россия потенциально будет настроена не на борьбу с новым режимом Афганистана, а на поддержание стабильности и компромисса в отношениях между Таджикистаном и Талибаном.

Таджикское правительство ясно дало понять, что до тех пор, пока афганское правительство не станет «инклюзивным» — что означает, что в правительстве должно быть представлено больше этнического таджикского населения, — Душанбе не будет рассматривать вопрос о признании талибов как законного правительства Афганистана. Это одна из причин, по которой таджикская граница является самым напряженным участком северной границы Афганистана, поскольку Душанбе продолжает утверждать, что боевики на северо-востоке Афганистана представляют угрозу для Таджикистана. Позиция России будет способствовать уменьшению градуса напряженности между двумя странами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ахмад Зия Мусавию., Курьлев К.П.* Политика и опиум: Пути контрабанды наркотиков из Афганистана в Центральную Азию URSS. 2020. 120 с.
- Аманбекова Ш.* Афганский наркотрафик и проблемы региональной безопасности в Центральной Азии. Постсоветские исследования. 2019. С. 1103.
- Билан А.К., Гришина Н.Р., Радзион А.О.* Проблема терроризма в Таджикистане. Постсоветские исследования. 2021;4(5):440–447.
- Булкин В.В., Моисеенко К.С.* Терроризм в Центральной Азии (Таджикистан, Узбекистан, Туркменистан) // Постсоветские исследования. Т.3. № 6 (2020). С.479-486.
- Карамзин И.* Назад в 90-е: почему Таджикистан не признает новую власть в Кабуле // Информационный портал газеты Известия. URL: <https://iz.ru/1213486/igor-karmazin/nazad-v-90-e-pochemu-tadzhikistan-ne-priznaet-novuiu-vlast-v-kabule> (дата обращения 11.06.2020).
- Майтдинова Г.* Таджикистан в геополитических трендах в начале третьего десятилетия XXI в. // Постсоветские исследования. 2021. Т. 4. № 1. С. 9-16.

Мирзобекова Р. Вторжение талибов в Таджикистан: миф или реальность? URL: <https://www.asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/security/20220304/vtorzhenie-talibov-v-tadzhikistan-mif-ili-realnost> (дата обращения 12.06.2022).

Рахимов К.Х., Курyleв К.П. Роль ШОС в обеспечении безопасности Центральной Азии / - [научная монография.]: Издательские решения, Москва. 2018. - 202 с.

Рахимов К.Х. Вклад государств-членов ШОС по урегулированию афганского кризиса: до и после вывода военного контингента НАТО. Постсоветские исследования. 2022. С. 367-385.

Рахимов К.Х., Курyleв К.П., Химич Г.А. Взаимодействие Шанхайской организации сотрудничества с международными и региональными организациями по поддержанию международного мира и коллективной безопасности // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2020. Т. 10. № 9 (66). С. 2322-2338.

Рахимов К.Х. Международно-правовые основы сотрудничества Республики Таджикистан с ШОС в сфере обеспечения безопасности и стабильности в многополярном мире // Журнал постсоветские исследования. 2019. Том 2, № 6. С.44-55.

Рахимов К.Х. Шанхайская организация сотрудничества в системе обеспечения евразийской региональной, международной и глобальной безопасности (международно-правовое измерение) // Постсоветские исследования. 2020. – Том 3. №2. С.124-135.

Черняев М.С., Трусова А.А. Угроза терроризма в Центральной Азии: предпосылки, направления, проблемы региональной безопасности // Постсоветские исследования. 2020. Т. 3. № 6. С. 150-163.

Чикризова О.С., Шумакова А.А. Влияние кризиса исламского образования на процесс радикализации Центральной Азии // Постсоветские исследования, 2020. Т.3. - №4. С. 78-82.

Шарипов А.Н. Основные этапы формирования внешней политики Республики Таджикистан // Постсоветские исследования. 2019. Т. 2. № 7. С. 1503-1510.

Яславский А.Э. Мифы и реальность терроризма «одиночек» в контексте исламистского экстремизма // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2019. Т. 19. № 4. С. 632-642.

REFERENCES

Ahmad Ziya Musaviu., Kurylev K.P. Politics and Opium: Drug Smuggling Routes from Afghanistan to Central Asia URSS. 2020. 120 p.

Amanbekova S. Afghan drug trafficking and regional security problems in Central Asia. Post-Soviet studies. 2019. p. 1103.

Bilan A.K., Grishina N.R., Radzion A.O. The problem of terrorism in Tajikistan. Post-Soviet studies. 2021;4(5):440-447.

Bulkin V.V., Moiseenko K.S. Terrorism in Central Asia (Tajikistan, Uzbekistan, Turkmenistan) // Post-Soviet Studies. Vol.3. No. 6 (2020). pp.479-486.

Karamzin I. Back to the 90s: why Tajikistan does not recognize the new government in Kabul // Izvestia newspaper information portal. URL: <https://iz.ru/1213486/igor-karmazin/nazad-v-90-e-pochemu-tadzhikistan-ne-priznaet-novuiu-vlast-v-kabule> (accessed 11.06.2020).

Maitdinova G. Tajikistan in geopolitical trends at the beginning of the third decade of the XXI century. // Post-Soviet studies. 2021. Vol. 4. No. 1. pp. 9-16.

Mirzobekova R. The Taliban invasion of Tajikistan: myth or reality? URL: <https://www.asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/security/20220304/vtorzhenie-talibov-v-tadzhikistan-mif-ili-realnost> (accessed 12.06.2022).

Rakhimov K.Kh., Kurylev K.P. The role of the SCO in ensuring the security of Central Asia / - [scientific monograph.]: Publishing Solutions, Moscow. 2018. - 202 p.

Rakhimov K.H. Contribution of the SCO member states to the settlement of the Afghan crisis: before and after the withdrawal of the NATO military contingent. Post-Soviet studies. 2022. p. 367-385.

Rakhimov K.Kh., Kurylev K.P., Khimich G.A. Interaction of the Shanghai Cooperation Organization with international and regional organizations for the maintenance of international peace

and collective security // Questions of national and federal relations. 2020. Vol. 10. No. 9 (66). pp. 2322-2338.

Rakhimov K.H. International legal bases of cooperation of the Republic of Tajikistan with the SCO in the field of security and stability in a multipolar world // Journal of post-Soviet studies. 2019. Volume 2, No. 6. pp.44-55.

Rakhimov K.H. Shanghai Cooperation Organization in the system of ensuring Eurasian Regional, international and global security (international legal dimension) // Post-Soviet studies. 2020. – Volume 3. No. 2. pp.124-135.

Chernyaev M.S., Trusova A.A. The threat of terrorism in Central Asia: prerequisites, directions, problems of regional security // Post-Soviet studies. 2020. Vol. 3. No. 6. pp. 150-163.

Chikrizova O.S., Shumakova A.A. The impact of the crisis of Islamic education on the process of radicalization of Central Asia // Post-Soviet Studies, 2020. – Vol.3. - No4. – pp. 78-82.

Sharipov A.N. The main stages of the formation of the foreign policy of the Republic of Tajikistan // Post-Soviet studies. 2019. Vol. 2. No. 7. pp. 1503-1510.

Yashlavsky A.E. Myths and reality of terrorism of "loners" in the context of Islamist extremism // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: International Relations. 2019. Vol. 19. No. 4. pp. 632-642.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT AUTHORS

Итяшева Дарья Радиковна, магистр в области международных отношений, РУДН, E-mail: 1032212618@pfur.ru.

Лушина Алла Александровна, магистр в области международных отношений, РУДН, E-mail: lushina_aa@pfur.ru

Рахимов Комрон Хакимджонович, кандидат исторических наук, ассистент кафедры теории и истории международных отношений РУДН, руководитель Сектора Центральной Азии Центра исследований постсоветских стран (ЦИПС), E-mail: rakhimov-kkh@rudn.ru

Чекрыгина Дарья Дмитриевна, магистр в области международных отношений, РУДН, E-mail: 1032219521@pfur.ru

Daria R. Ityasheva, Master of International Relations, RUDN University, E-mail: 1032212618@pfur.ru

Alla A. Lushina, Master of International Relations, RUDN University, E-mail: lushina_aa@pfur.ru

Komron Kh. Rakhimov, Candidate of Historical Sciences, Assistant of the Department of Theory and History of International Relations Peoples' Friendship University of Russia, Head of the Central Asia Sector of the Center for Post-Soviet Studies, E-mail: rakhimov-kkh@rudn.ru

Daria D. Chekrygina, Master of International Relations, RUDN University, E-mail: 1032219521@pfur.ru

Основные вызовы межкультурного взаимодействия в рамках интеграционных процессов на пространстве ШОС

Дин Синь

Даляньский университет иностранных языков, Далянь, КНР

E-mail: 1132215508@rudn.ru

Аннотация. ШОС имеет множество путей гуманитарного сотрудничества. Не только многостороннее, но и двустороннее гуманитарное сотрудничество имеет широкие перспективы для развития. Сотрудничество в гуманитарной области уже так же важно, как сотрудничество в области безопасности и экономики. Это означает, что межкультурное взаимодействие ШОС имеет прочную основу. После того, как Пакистан и Индия официально присоединились к ШОС в 2017 г., число государств-членов ШОС увеличилось. Но это также означает, что разногласия внутри ШОС усилились. ШОС - молодая региональная международная организация, которая всё еще сталкивается со многими проблемами в процессе культурных обменов и сотрудничества. Прежде всего, географическое расположение государств-членов ШОС различно. Культуры государств-членов произошли от разных цивилизаций, и существуют большие различия между национальными традициями и религиозными верованиями. Люди в разных странах имеют разные эмоциональные ориентации, способы мышления и когнитивные результаты. Во-вторых, различия в уровне экономического развития государств-членов приведут к различиям в инвестициях в образование, туризм, здравоохранение, науку и технологии в разных странах. Кроме того, COVID-19 изменил процесс развития мира. COVID-19 оказал влияние на мировую политику, экономику и культуру, которое нельзя игнорировать. Поэтому в этой работе анализируются проблемы и вызовы, с которыми сталкиваются государства-члены ШОС в процессе межкультурного взаимодействия с точки зрения трех аспектов культурного разнообразия, различий в уровне экономического развития и воздействия COVID-19.

Ключевые слова: межкультурное взаимодействие, ШОС, вызовы и проблемы, культурное разнообразие, различия в уровне экономического развития, влияние КОВИД-19.

Для цитирования: Дин Синь. Основные вызовы межкультурного взаимодействия в рамках интеграционных процессов на пространстве ШОС // Постсоветские исследования. 2023;1(6):87-97.

The main challenges of intercultural interaction in the integration processes in the SCO region

Ding Xinyi

Dalian University of Foreign Languages, Dalian, China

E-mail: 1132215508@rudn.ru

Abstract: The SCO has many avenues for humanitarian cooperation. Not only multilateral but also bilateral humanitarian cooperation has great prospects for development. Humanitarian cooperation is already as important as security and economic cooperation. It means that intercultural cooperation of SCO has a solid foundation. Since Pakistan and India formally joined the SCO in 2017, the number of SCO member states has increased. But it also means that divisions within the SCO have intensified. The SCO is a young regional international organization that still faces many challenges in cultural exchange and cooperation. Firstly, the geographical location of the SCO member states is different. The cultures of the member states are descended from different civilizations, and there are big differences between national traditions and religious beliefs. People in different countries have different emotional orientations, ways of thinking and cognitive outcomes.

Secondly, differences in the level of economic development of member states will lead to differences in investment in education, tourism, health, science and technology in different countries. In addition, COVID-19 has changed the development process of the world. COVID-19 has had an impact on world politics, economics and culture which cannot be ignored. Therefore, this paper analyses the problems and challenges faced by SCO member states in intercultural interaction from the perspective of the three dimensions of cultural diversity, differences in economic development and the impact of COVID-19.

Key words: intercultural interaction, SCO, challenges and problems, cultural diversity, differences in the level of economic development, impact of COVID-19.

For citation: Ding Xinyi. The main challenges of intercultural interaction in the integration processes in the SCO region // *Postsovetskie issledovaniya = Post-Soviet Studies*. 2023;1(6):87-97 (In Russ.).

Вопросы культурного разнообразия в контексте межкультурного взаимодействия.

Культурный образ страны определяется её географическим положением, климатическими особенностями, историческими традициями и политическими системами. Из-за различий в географическом положении, климатических особенностях, исторических традициях и политических системах, государства-члены ШОС имеют разные культурные образы. Культурные образы государств-членов ШОС имеют свои особенности. Различия в культурных представлениях государств-членов отражают культурное разнообразие в рамках организации. Американский политолог С. Хантингтон однажды отметил, что страны склонны следовать за странами со схожими цивилизациями и сопротивляться странам, которые не имеют с ними ничего общего [Хантингтон 2010: 45]. Общность культуры является основой для обменов и сотрудничества между государствами-членами ШОС. Общность означает, что существует возможность диалога между различными государствами-членами, и государства-члены могут достичь согласованного понимания по многим вопросам. Культурные различия означают, что могут существовать противоречия.

В ШОС входят 8 государств-членов. Общая территория, состоящая из государств-членов ШОС, составляет около 30,2 млн квадратных километров, с общей площадью около 2/3 Евразии и населением 1,5 млрд человек, что составляет около 1/4 населения

мир [Пей Линна 2012:14-15]. Огромная территория и огромное население создают большой потенциал для развития ШОС. Однако из-за различий в истории, культуре, этнических религиях и обычаях, в рамках ШОС существуют разнообразные цивилизации со сложными отношениями. Разнообразные национальные традиции и идеологии позволили государствам-членам ШОС сформировать различные политические, экономические и культурные системы. С одной стороны, эти разные цивилизации обогатили и развили разнообразие ШОС; с другой стороны, коренные причины конфликтов могут скрываться за огромными различиями.

С геополитической точки зрения, Центральная Азия является узловой точкой и стратегическим узлом Евразии. Центральная Азия — это сердце Евразии. Центральная Азия не только является обязательным местом для Нового Шелкового пути - Нового Евразийского Континентального моста, но и важным коридором, соединяющего Европу и Азию, Северную Африку и Ближний Восток. Исторически сложилось так, что многие империи использовали Центральную Азию в качестве ключевого связующего звена и транспортного узла для географического соединения между Европой и Азией. Таким образом, географическое положение этого района очень важно.

В истории многие режимы хотели контролировать эту область. Власти, установленные греками, персами, гуннами, арабами, монголами, а затем и царской Россией, когда-то включали Центральную

Азию в сферу своего влияния. В процессе смены власти и борьбы за власть, национальные культурные особенности, возникшие в разных географических условиях, и национальное культурное содержание на разных этапах развития были смещены и разделены. Этот извилистый исторический процесс превратил Центральную Азию в один из регионов с самым сложным этническим и религиозным составом и самыми серьезными этническими и религиозными проблемами в мире [Сюй Тао 2016: 86-100]. В конце концов, в этом регионе сформировался тот факт, что разные культуры и разные этнические группы существуют одновременно, но и конкурируют друг с другом [Лю Цзиньцзянь, Ли Лифань 2006:145-150]. В ходе исторического развития, эти различные этнические группы жили в гармонии, но у них также были конфликты и противоречия. После окончания холодной войны, особенно после инцидента «9/11», некоторые этнические экстремисты часто действовали в Центральной Азии, что привело к усложнению ситуации в регионе [Лю Цзиньцзянь, Ли Лифань 2006:145-150]. Эта сложная региональная культура оказывает глубокое влияние на перспективы развития ШОС, и можно сказать, что она напрямую связана со стабильностью и развитием государств-членов ШОС.

С точки зрения этнической и религиозной принадлежности, Евразийский регион является одним из регионов с самым сложным этническим и культурным составом в современном мире. Различные этнические группы сформировали различную этику, ценностные ориентации, образ мышления и кодексы поведения в процессе долгосрочного исторического развития. Существуют также различные степени различий в религиозных верованиях, национальном характере и национальной культуре. В книге «Конфликт цивилизаций» (Хантингтон, 1993) упоминается, что с точки зрения взаимосвязи и взаимодействия европейской цивилизации (христианства), исламской цивилизации и восточной цивилизации (буддизма), Центральная Азия очень уникальна [Huntington 1993: 85]. Культура Центральной

Азии очень сложна. Страны Центральной Азии являются многонациональными и многокультурными странами. Существуют как конфликты, так и интеграции между различными этническими культурами и различными религиозными культурами. Что касается религии и культуры, то между государствами-членами ШОС существуют серьезные различия. В настоящее время русский народ в целом верит в православие; подавляющее большинство пакистанцев - в ислам; индийский народ в - в индуизм. Большинство жителей Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана верят в ислам.

Вера играет важную руководящую роль в практической деятельности людей. Люди с разными убеждениями по-разному понимают и реагируют, сталкиваясь с одними и теми же вещами. Такого рода когнитивные различия вызовут определенные проблемы для нормальных гуманитарных обменов. С постепенным развитием и углублением регионального культурного сотрудничества, постепенно возникли противоречия, коренящиеся в этнических и культурных различиях. Разнообразие и различия этнических групп и религий в регионе ШОС могут привести к неустойчивым и даже взаимоисключающим этническим отношениям. Когда взаимное отчуждение между этническими группами усугубится еще больше, это приведет к региональным этническим конфликтам. Такого рода взаимное отчуждение между этническими группами приведет к ослаблению сплоченности и центростремительной силы, что повлияет на развитие культурных обменов и сотрудничества в рамках ШОС.

С точки зрения языка и обычаев, государства-члены ШОС имеют десятки или даже сотни языков. Официальными языками являются китайский, русский, хинди, урду и др. Языковые различия также будут препятствовать культурным обменам и сотрудничеству в рамках ШОС. Язык является основным инструментом общения и важным средством общения людей. Китайский - один из самых распространенных языков в мире, но он в основном сосредоточен в Китае, а в других

государствах-членах ШОС относительно мало людей, владеющих китайским языком [Го Линли 2020: 44]. Русский язык является официальным языком ШОС и широко используется в России и странах Центральной Азии, но число талантов, изучающих русский язык в Китае, относительно ограничено. Кроме того, в Китае очень мало людей, владеющих хинди. На этих широко используемых языках по-прежнему не хватает специалистов, не говоря уже о национальных языках Центральной Азии. Без языковых средств трудно получить глубокое представление о деталях жизни и культурных обычаях этих стран.

С точки зрения политической системы, различные политические системы являются важной частью разнообразия цивилизаций в международном сообществе. Политическая система не должна вмешиваться в деятельность по культурному обмену между странами. Но объективная реальность международной политики такова, что различия в политических системах являются важным фактором, влияющим на национальные отношения. В процессе культурных обменов и сотрудничества между странами ШОС, различия в политических системах увеличили трудности взаимопонимания и признания между государствами-членами ШОС. Некоторые страны уже давно очень чувствительны к политике другой страны. Они не только выступают против давления западных стран на их политические системы, но и опасаются, что политическое влияние Китая окажет влияние на их общества. Различия в политических системах также приведут к отсутствию эффективного взаимодействия между государствами-членами ШОС с точки зрения законов, систем, правил и т.д. Чтобы изменить эту ситуацию, странам ШОС необходимо приложить большие усилия в подготовке кадров, чтобы укрепить взаимопонимание национальных условий и взаимопонимание

правил и положений [Син Лицзю 2016: 122-123].

Гуманитарные обмены и сотрудничество относятся не только к культурной и художественной деятельности, но и к диалогу и взаимному признанию между различными цивилизациями. Гуманитарные обмены и сотрудничество - это взаимная коммуникация стратегического мышления и стратегических концепций. Это помогает укрепить понимание общих стратегических интересов [Син Лицзю 2016: 122-123]. Анализируя геополитические, этнические и религиозные, языковые и обычаи, политическую систему и идеологию ШОС, можно увидеть, что между государствами-членами ШОС существуют значительные различия. С одной стороны, культурные различия могут способствовать взаимному притяжению между культурами и способствовать развитию культур в направлении диверсификации; с другой стороны, культурные различия могут также приводить к барьерам и трениям в процессе культурных обменов и сотрудничества, тем самым препятствуя дальнейшему развитию двусторонних и многосторонних отношений.

Проблемы экономического развития в рамках межкультурного взаимодействия

Согласно статистике Всемирного банка, общий ВВП государств-членов ШОС в 2001 г. составлял всего 11,67 трлн долл., но к 2019 г. он достиг примерно 119,4 трлн долл. ВВП Китая, России, Казахстана, Узбекистана, Кыргызстана, Таджикистана, Индии и Пакистана увеличился в 10,7 раза, в 5,5 раза, в 8,2 раза, в 5 раз, в 5,5 раза, в 7,5 раза, в 5,9 раза и в 3,5 раза соответственно по сравнению с 2001 г., и все это было выше, чем глобальный экономический рост ставка за тот же период.¹ Согласно статистике Всемирного банка, совокупный ВВП восьми государств-членов ШОС в 2020 г. составил 119,3 трлн долл., увеличившись в 11 раз с начала её создания в 2001 г., и она стала одним из наиболее активных регионов в

¹ Таблица статистики Всемирного банка: GDP (current US\$) - Kazakhstan, China, Russian Federation, Pakistan, India, Tajikistan, Kyrgyz Republic, Uzbekistan // URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD>

?end=2019&locations=KZ-CN-RU-PK-IN-TJ-KG-UZ&most_recent_year_desc=true&start=1960&view=chart (дата обращения: 16.07.2022)

мировой экономике¹. Согласно статистике ВТО, общий объем торговли восьми государств-членов в 2020 г. составил 66,1 трлн долл., увеличившись в 8,8 раза по сравнению с 0,69 трлн долл. в 2001 г., из которых общий объем торговли шести государств-основателей увеличился в 7,8 раза². Двусторонняя торговля между Китаем и государствами-членами также сохранила быстрый темп развития, впервые превысив 100 млрд долл. в 2011 г.³. После увеличения числа государств-членов объем двусторонней торговли между Китаем и семью государствами-членами превысил 2200 млрд долл.⁴ Пострадавший от COVID-19 в 2020 г. двусторонний товарооборот между Китаем и государствами-членами несколько сократился, но объем торговли остался на высоком уровне и составил около 2250 млрд долл. [Янь Дексуэ 2021: 85-106]. В настоящее время Китай является крупнейшим торговым партнером России, Узбекистана и Пакистана, а также вторым по величине торговым партнером Казахстана. Торговые связи между государствами-членами становятся всё теснее и теснее. Эти данные показывают, что экономическое сотрудничество в рамках ШОС является эффективным.

Экономическое сотрудничество ШОС привело к увеличению валового внутреннего продукта различных стран и экономической мощи государств-членов. Судя по «Отчету о ведении бизнеса в мире» (2018-2020), опубликованному Всемирным банком, за исключением небольшого снижения рейтинга Кыргызстана, рейтинги других государств-членов ШОС улучшились. Китай, Пакистан и Индия повысили свои рейтинги более чем на 35 позиций [Янь Дексуэ 2021: 85-106].

Нельзя отрицать, что экономическое сотрудничество государств-членов ШОС достигло больших результатов и внесло

выдающийся вклад в экономическое развитие региона. Однако в условиях экономической глобализации дисбаланс в уровне экономического развития между странами всё чаще становится важным фактором, сдерживающим развитие международного сообщества. Большинство государств-членов ШОС являются развивающимися странами, находящимися в процессе трансформации, и у них есть насущные потребности в развитии своих национальных экономик и повышении уровня жизни своих людей. В качестве примера можно привести государства-члены Центральной Азии, которые за короткий промежуток времени приобрели статус суверенной страны, имеют несовершенную промышленную структуру, недостаток капиталовложений и относительно низкий уровень национального экономического развития. Они находятся в маргинальном положении в глобальной и региональной экономической системе [Янь Дексуэ 2021: 85-106]. Объективно говоря, между государствами - членами ШОС существуют большие различия в экономической мощи. Это повлияло на углубленное развитие культурных обменов и сотрудничества в рамках ШОС. Дисбаланс в уровне экономического развития государств-членов ШОС не только повлияет на масштабы культурного сотрудничества между странами ШОС, но также окажет влияние на качество и эффективность их культурного сотрудничества. Влияние различий в уровне экономического развития на гуманитарное сотрудничество проявляется главным образом в двух аспектах. Во-первых, односторонняя тенденция гуманитарных обменов и сотрудничества постоянно усиливается; во-вторых, информационная асимметрия гуманитарных обменов и сотрудничества очень заметна.

¹ 卓有成效的上海合作组织区域经济合作 // 新华社 (Плодотворное региональное экономическое сотрудничество Шанхайской организации сотрудничества // Информационное агентство Синьхуа) URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1709241041216893772&wfr=spider&for=pc>(дата обращения: 17.07.2022)

² 卓有成效的上海合作组织区域经济合作 // 新华社

(Плодотворное региональное экономическое сотрудничество Шанхайской организации сотрудничества // Информационное агентство Синьхуа) URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1709241041216893772&wfr=spider&for=pc>(дата обращения: 17.07.2022)

³ Там же.

⁴ Там же.

Китай, Россия и Индия являются странами с относительно высоким уровнем экономического развития в рамках ШОС. Двусторонние экономические обмены и сотрудничество между Китаем, Россией и Индией занимают важное место. Гуманитарное сотрудничество требует большой финансовой, политической и кадровой поддержки. Страны с высоким уровнем экономического развития имеют возможность предоставить достаточные средства для того, чтобы обеспечить благоприятные условия для развития высококачественных талантов и осуществления более качественного сотрудничества. Что касается культурных обменов, государства-члены с высоким уровнем экономического развития инвестировали больше средств, технологий и талантов в раскопки и охрану культурного наследия, создание центров пропаганды языка и культуры, публикацию выдающихся литературных произведений, производство фильмов и телевидения, а также развитие общественных культурных такие предприятия, как библиотеки и музеи. Для стран с низким уровнем экономического развития, сумма денег, затрачиваемых на исследования и реставрацию культурного наследия, очень велика. Например, в 2018 г. правительство Китая выделило Кыргызской Республике 450 млн юаней в виде бесплатной помощи на археологические раскопки исторических объектов и исследования и реставрацию исторических объектов.¹ Однако экономическая помощь не может полностью решить проблему нехватки средств на охрану культурного наследия в некоторых государствах-членах.

Многие страны продвигают отличные фильмы и телевизионные работы за рубежом, чтобы распространять свою культуру и развивать культурные индустрии. Фильмы и сериалы Китая, России и Индии имеют высокую степень распространения среди государств-членов ШОС [Чжэн Вендун, Ван

Луяо, Чэн Пин 2021: 9-16,48,84,89]. В последние годы некоторые популярные китайские онлайн-литературные произведения были переведены на русский язык и получили хорошую оценку в российском Интернете, особенно темы на Уся (приключенческий жанр китайского фэнтези с демонстрацией восточных единоборств) с китайской спецификой. Российские и индийские фильмы и телевизионные работы постепенно выходят на китайский рынок, и они также любимы китайской аудиторией. Однако литературным произведениям, фильмам и телесериалам в других государствах-членах уделяется меньше внимания. Это явление напрямую связано с уровнем экономического развития государств-членов.

Что касается сотрудничества в области образования, то государства-члены с более высоким уровнем экономического развития располагают лучшими образовательными ресурсами, в то время как страны с более низким уровнем экономического развития имеют противоположное. Научные исследования высокого уровня, продуманная система учебных программ, профессиональные преподаватели, современные сети и электронное оборудование — все это требует больших капиталовложений. Поскольку экономические условия и уровень образования в России, Китае и Индии выше, чем в других государствах-членах, число рабочих-мигрантов и иностранных студентов, направляющихся в эти три страны, намного превышает число людей, направляющихся в остальные пять государств-членов. Немногие российские студенты предпочитают учиться в странах Центральной Азии, но в большинстве стран Центральной Азии, Россия является первым выбором для студентов для обучения за рубежом.

С точки зрения сотрудничества в области туризма, нынешнее сотрудничество в

¹ 中国为吉尔吉斯斯坦考古发掘和道路维修拨款 4.5 亿元人民币 // 俄罗斯卫星通讯社 (Китай выделяет 450 миллионов юаней на археологические раскопки и

ремонт дорог в Кыргызстане//Российское агентство спутниковых новостей) URL: <https://big5.sputniknews.cn/20180601/1025543116.html> (дата обращения: 30.08.2022)

области туризма ШОС сталкивается с проблемой несоответствия между текущей ситуацией на туристическом рынке и потребностями развития. Например, транспортная инфраструктура отсталая, возможности туристической деятельности недостаточны, возможности общественного питания и размещения ограничены, а вспомогательные услуги несовершенны. Государства-члены с более высоким уровнем экономического развития имеют относительно зрелые системы туристических услуг, которые могут принимать больше туристов, в то время как в странах с более низким уровнем экономического развития все наоборот.

Влияние COVID-19 на межкультурное взаимодействие

В 2020 г. COVID-19 вызвал глобальный кризис в области здравоохранения и привел к худшей глобальной рецессии со времен Второй мировой войны. COVID-19 не только оказал огромное влияние на изменения в международном ландшафте и тенденции глобализации, но и препятствовал процессу экономического сотрудничества и гуманитарного сотрудничества ШОС. Экономическое развитие государств - членов ШОС тесно связано с мировой экономической ситуацией. Все страны ШОС являются странами с формирующейся рыночной экономикой и развивающимися странами. Экономическая мощь, финансовое положение и научно-технический уровень различных стран неодинаковы. Центральная Азия является ключевым регионом ШОС. В Центральной Азии из-за нехватки медицинских ресурсов и нехватки медицинских специалистов 40% населения трудно получить медицинскую помощь [Ли Ци 2021: 16]. Столкнувшись с самым серьезным внезапным кризисом в области общественного здравоохранения и безопасности за последние сто лет и мировым экономическим спадом, государства - члены ШОС не могут оставаться в одиночестве. В связи с распространением эпидемии в глобальном

масштабе, региональное экономическое сотрудничество ШОС сталкивается с рядом беспрецедентных трудностей и вызовов.

В докладе отмечается, что из-за последствий эпидемии в Центральной Азии появится около 1,4 млн бедных людей¹. Экономический рост государств - членов ШОС в 2020 г. показал серьезные различия. Три страны - Китай, Таджикистан и Узбекистан - сохранили незначительный рост. В России, Казахстане и Пакистане наблюдалось снижение, но оно не превысило 5%. Экономика Кыргызстана упала на 8,6% из-за таких факторов, как политические потрясения и сокращение внешнего спроса [Го Сяоцун 2021: 92]. Из-за большой плотности населения и плохих медицинских условий, Индия понесла наибольший экономический ущерб из-за быстрого распространения эпидемии. COVID-19 также привел к росту уровня безработицы в государствах - членах ШОС, увеличению разрыва между богатыми и бедными, усилению инфляции, сокращению объема внешней торговли и значительным колебаниям валютных курсов.

Межкультурное взаимодействие в рамках ШОС требует адекватной финансовой поддержки и здоровой и гармоничной среды развития. Некоторые важные проекты культурного сотрудничества в регионе ШОС с трудом продвигаются из-за COVID-19. Прежде всего, COVID-19 изменил содержание и методы гуманитарного сотрудничества в рамках ШОС. Из-за распространения COVID-19, многие страны строго контролируют количество людей, въезжающих в страну. В самый тяжелый период эпидемии многие страны даже закрыли свои границы, прекратили международные маршруты и запретили иностранцам въезд в свои страны. Эти меры по борьбе с эпидемией привели к тому, что большое количество мероприятий по культурному обмену и проектов сотрудничества в области образования не смогли нормально осуществляться. Большое количество туристов, рабочих-мигрантов и

¹ 世界银行预测中亚国家贫困程度将加深 (Всемирный банк прогнозирует, что бедность в

странах Центральной Азии будет углубляться) // URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1680963413266437840&wfr=spider&for=pc> (дата обращения: 17.09.2022)

иностранцев застряли в других странах. Отрасли культуры, туризма, общественного питания и транспорта государств-членов ШОС понесли огромные экономические потери. Во время эпидемии научные конференции, специальные форумы, художественные выставки, литературные лекции и другие мероприятия могут проводиться только на онлайн-платформах; большинство курсов для иностранных студентов перешли от очного обучения к дистанционному онлайн-обучению. Мероприятия по дистанционному культурному обмену, проводимые через Интернет, лишают участников чувства опыта. Онлайн-обучение также в определенной степени снижает эффективность обучения.

Сотрудничество в области медицины и здравоохранения также является одним из важных направлений культурных обменов и сотрудничества в рамках ШОС. Сотрудничество в области медицины и здравоохранения в рамках ШОС достигло определенных результатов. Однако внезапная вспышка COVID-19 полностью обнажила слабые стороны медицинских систем и систем здравоохранения государств-членов ШОС. В первые дни COVID-19 государства-члены ШОС не приняли эффективных ответных мер. COVID-19 - это не только проверка способности национальной экономики противостоять рискам, но и серьезное испытание возможностей национального управления и реагирования на чрезвычайные ситуации различных правительств. COVID-19 вынудил ШОС реформировать систему здравоохранения и углубить сотрудничество в области медицины и здравоохранения, чтобы эффективно реагировать на кризис, вызванный эпидемией.

Недостатки механизма управления здравоохранением ШОС отражаются в двух аспектах. Во-первых, большая часть текущего сотрудничества ШОС в области медицины и здравоохранения основана на механизме конференций, и в нем отсутствует

специализированное учреждение или механизм координации. Это привело к неспособности эффективно реализовать результаты различных механизмов проведения совещаний и содержания договоров, а также к трудностям конкретной координации сотрудничества государств-членов в области здравоохранения. Столкнувшись с внезапным кризисом общественного здравоохранения, ШОС трудно играть хорошую организационную и координационную роль. Во-вторых, большинство нынешних механизмов сотрудничества в области здравоохранения в рамках ШОС сосредоточены на обучении, обменах и медицинском сотрудничестве между государствами-членами и не имеют набора механизмов управления чрезвычайными ситуациями для решения чрезвычайных ситуаций в области общественного здравоохранения. Хотя в 2009 г. было подписано «Совместное заявление о борьбе с инфекционными болезнями на пространстве ШОС»¹, сотрудничество в области профилактики и лечения инфекционных заболеваний всё еще находится на стадии инициативы. Когда наступает настоящий внезапный кризис общественного здравоохранения, ШОС по-прежнему не хватает набора механизмов управления чрезвычайными ситуациями и ликвидации последствий, которые могли бы координировать государства-члены в обмене информацией, сборе средств и техническом сотрудничестве. Недостатки этих двух аспектов привели к тому, что ШОС не смогла быстро и эффективно отреагировать на вирус на ранней стадии.

COVID-19 по-прежнему влияет на мировую экономику и угрожает жизни людей. Вирус много раз мутировал, и эпидемия повторялась много раз. В этих условиях ШОС своевременно запустила координационный механизм и укрепила сотрудничество в области биотехнологий и биотехнологических инноваций. ШОС совместно проводила исследования и

¹ Совместное заявление о борьбе с инфекционными болезнями на пространстве Шанхайской организации сотрудничества // URL:

<http://www.infoshos.ru/ru/?hasFlash=true&id=77> (дата обращения: 02.05.2022)

разработки вакцин, а также проводила углубленные обмены по медицинскому и медицинскому оборудованию, медицинской науке и технологиям, а также опыту в области медицинской защиты. ШОС прилагает усилия для устранения недостатков существующего механизма сотрудничества и продолжает углублять и совершенствовать механизм сотрудничества в области медицины и здравоохранения, чтобы повысить способность противостоять рискам.

COVID-19 оказал негативное влияние на межкультурное взаимодействие ШОС, но также создал новые возможности для гуманитарного развития в рамках ШОС. COVID-19 изменила традиционные методы сотрудничества ШОС в области туризма, образования, медицинского обслуживания и т.д. и продвинула гуманитарное сотрудничество ШОС на более глубокую, широкую область и более высокий уровень модернизации и цифрового развития. В настоящее время мир вступил в цифровую эпоху. Создание сетевой информационной инфраструктуры, применение информационных технологий нового поколения, таких как облачные вычисления, большие данные и искусственный интеллект, придали новую жизненную силу развитию цифровой экономики¹.

COVID-19 изменила образ жизни людей. В период карантина люди использовали Интернет для работы из дома, онлайн-обучения, проведения онлайн-видеоконференций и совершения покупок в Интернете. Хотя COVID-19 сильно ударил по реальной экономике, он также создал огромные возможности для развития цифровой экономики. Цифровая экономика стала важным двигателем экономического развития. Быстро развиваются новые отрасли, такие как электронная коммерция, мобильные платежи, цифровая реклама и онлайн-туризм. Государства-члены ШОС должны укреплять сотрудничество в области цифровой экономики и использовать это в качестве основы для содействия

трансформации и модернизации сотрудничества в традиционных областях. Государства-члены ШОС могут осуществлять сотрудничество во многих областях, таких как цифровизация промышленности, цифровое образование и цифровое медицинское обслуживание, а также развивать новые форматы и модели в государствах-членах, которые адаптируются к уровню местного цифрового экономического развития. Это поможет продвинуть цифровую трансформацию государств-членов ШОС и поможет развитию местной экономики. Только при условии экономического развития и стабильного уровня жизни людей, гуманитарные обмены и сотрудничество в рамках ШОС могут протекать гладко.

Неоднородность между различными культурами государств-членов ШОС очень значительна. Китайская цивилизация, православная цивилизация, исламская цивилизация и индийская цивилизация переплетаются в рамках ШОС, и конфуцианская культура, славянская культура, исламская культура и индийская буддийская культура сосуществуют в рамках интеграции ШОС. Неприятие различий между различными этническими группами и культурами привело к ослаблению сплоченности и центростремительной силы ШОС, что повлияло на развитие межкультурного взаимодействия на глубоком уровне в ШОС. Существуют огромные различия в численности населения, социальной производительности и экономической структуре государств-членов ШОС, а уровень экономического развития государств-членов неодинаков. Дисбаланс экономической мощи вызвал большой разрыв в финансовых инвестициях государств-членов ШОС в культурных обменах, образовании, туризме, науке и технологии, здравоохранении и других областях. Например, инвестиции Китая и России намного больше, чем инвестиции других государств-членов. Различные

¹ 疫情新形势下要大力促进上合组织区域数字合作 (В новой ситуации эпидемии мы должны энергично продвигать цифровое сотрудничество в регионе ШОС)

// URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1677154663742896072&wfr=spider&for=pc> (дата обращения: 21.09.2022)

национальные условия, требования интересов, уровни развития, технические стандарты, политики и правила создали барьеры в двустороннем или многостороннем сотрудничестве между странами, создавая трудности для перехода гуманитарного сотрудничества в различных областях. Влияние COVID-19 на ШОС имеет как положительные, так и отрицательные аспекты. COVID-19 нанес огромный ущерб экономикам государств-членов ШОС и серьезно повлиял на развитие сотрудничества в области образования и

туризма. В то же время COVID-19 выявил лазейки и недостатки в государственных системах здравоохранения и здравоохранения государств-членов ШОС. Однако из-за огромных проблем, связанных с COVID-19, ШОС ускорила сотрудничество в создании специализированных учреждений в области здравоохранения и механизмов управления чрезвычайными ситуациями. Более того, COVID-19 побудил ШОС перейти к цифровым культурным обменам и сотрудничеству.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Huntington S. P. The Clash of Civilizations. // Foreign Affairs, 1993. p. 85.
- 郭令丽.“一带一路”倡议下上合组织国家人文合作研究[D].新疆师范大学,2020. [Го Линли. Исследование гуманитарного сотрудничества между странами ШОС в рамках инициативы «Пояс и путь» [D]. Синьцзянский педагогический университет, 2020.]
- 郭晓琼.新冠肺炎疫情下上海合作组织区域经济发展的新挑战与新方向[J].欧亚经济,2021(03). P. 92. [Го Сяоцун. Новые вызовы и новые направления регионального экономического развития ШОС в условиях новой эпидемии коронарной пневмонии [J]. Евразийская экономика, 2021(03). С. 92.]
- 李琪.构建上海合作组织人文共同体的理论内涵与实践推进[J].陕西师范大学学报 (哲学社会科学版), 2021,50(02).P.16. [Ли Ци. Теоретический подтекст и практическое продвижение построения гуманистического сообщества ШОС [J]. Журнал Шэньсийского педагогического университета (издание по философии и социальным наукам), 2021, 50(02).С.16.]
- 裴琳娜.论国际关系中的文化冲突与融合——以上海合作组织为例[J].长春教育学院学报 ,2012,28(02):P. 14-15. [Пей Линна. О культурном конфликте и интеграции в международных отношениях - На примере ШОС [J]. Журнал Чанчуньского института образования, 2012, 28(02): С. 14-15.]
- 塞缪尔·亨廷顿.文明的冲突与世界秩序的重建[M].周琪译.北京: 新华出版社,2010. P. 45. [Сэмюэл Хантингтон. Конфликт цивилизаций и восстановление мирового порядка [M]. Переведено Чжоу Ци. Пекин: Синьхуа Пресс, 2010. С. 45.]
- 许涛.中亚地缘政治沿革[M].北京: 时事出版社,2016.P. 86-100. [Сюй Тао. Геополитическая история Центральной Азии [M.]. Издательский дом: «Текущие дела», 2016.С. 86-100.]
- 邢丽菊.推进“一带一路”人文交流: 困难与应对[J].国际问题研究,2016(06): P. 5-17, 122-123. [Син Лицзю. Содействие культурным обменам в рамках «пояса и пути»: трудности и пути преодоления [J]. Международные исследования, 2016(06): С. 5-17, 122-123.]
- 阎德学.上海合作组织经济合作: 成就、启示与前景[J].国际问题研究,2021(03): P. 85-106. [Янь Дексуэ. Экономическое сотрудничество ШОС: достижения, открытия и перспективы [J]. Международные исследования, 2021 (03): С. 85-106.]
- 郑文东,王璐瑶,程平.新时期中俄人文交流机制的特点[J].欧亚人文研究,2021(02): P. 9-16,48, 84, 89. [Чжэн Вендун, Ван Луяо, Чэн Пин. Характеристика механизма китайско-российского культурного обмена в новый период [J]. Евразийские гуманитарные исследования, 2021(02): С. 9-16, 48, 84, 89.]

REFERENCES

Huntington S. P.. The Clash of Civilizations. Foreign Affairs, 1993. p. 85.

- 郭令丽.“一带一路”倡议下上合组织国家人文合作研究[D].新疆师范大学,2020. [Guo Lingli. Research on Humanities Cooperation among SCO countries under the “Belt and Road” initiative [D]. Xinjiang Normal University, 2020.]
- 郭晓琼.新冠肺炎疫情下上海合作组织区域经济发展的新挑战与新方向[J].欧亚经济,2021(03).P. 92. [Guo Xiaoqiong. New challenges and new directions of regional economic development of the SCO under the new crown pneumonia epidemic [J].Eurasian Economy, 2021 (03).P. 92.]
- 李琪.构建上海合作组织人文共同体的理论内涵与实践推进[J].陕西师范大学学报 (哲学社会科学版), 2021,50(02). P.16. [Li Qi. The theoretical connotation and practical promotion of building a humanistic community of the SCO [J]. Journal of Shaanxi Normal University (Philosophy and Social Sciences Edition), 2021,50(02).P.16.]
- 裴琳娜.论国际关系中的文化冲突与融合——以上海合作组织为例[J].长春教育学院学报,2012,28(02):14-15. [Pei Linna. On cultural Conflict and Integration in international relations - Taking the SCO as an example [J]. Journal of Changchun Institute of Education,2012,28(02):14-15.]
- 塞缪尔·亨廷顿.文明的冲突与世界秩序的重建[M].周琪译.北京: 新华出版社,2010. P. 45. [Samuel P. Huntington. The conflict of civilizations and the reconstruction of world order [M]. Translated by Zhou Qi. Beijing: Xinhua Press, 2010.P. 45.]
- 许涛.中亚地缘政治沿革[M].北京: 时事出版社,2016.P. 86-100. [Xu Tao. Geopolitical History of Central Asia [M]. Beijing: Current Affairs Press, 2016.P. 86-100.]
- 邢丽菊.推进“一带一路”人文交流: 困难与应对[J].国际问题研究,2016(06):P 5-17,122-123. [Xing Liju. Promoting cultural Exchanges along the “Belt and Road”: Difficulties and Coping [J]. International Studies,2016(06):P. 5-17,122-123.]
- 阎德学.上海合作组织经济合作: 成就、启示与前景[J].国际问题研究,2021(03):P. 85-106.[Yan Dexue. Economic Cooperation of the SCO: Achievements, Revelations and Prospects [J]. International Studies, 2021 (03):P. 85-106.]
- 郑文东,王璐瑶,程平.新时期中俄人文交流机制的特点[J].欧亚人文研究,2021(02):9-16+48+84+89. [Zheng Wendong, Wang Luyao, Cheng Ping. Characteristics of the Sino-Russian cultural exchange mechanism in the new period [J]. Eurasian Humanities Studies,2021(02): P. 9-16, 48, 84, 89.]

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Дин Синь – магистр в области «Международных отношений», ДУИЯ, Далянь, КНР. E-mail: 1132215508@rudn.ru

Ding Xinyi – master student of International Relations, DUFL, Dalian, China. E-mail: 1132215508@rudn.ru

ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ / TECHNOLOGICAL SECURITY

Научная статья / Research article

Формирование технологической независимости СССР. Преемственность опыта для России на примере КБ Туполева

(К 100-летия основания КБ)

Н. П. Пархитко

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7678-5735>; e-mail: scharnchorst@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются перспективы восстановления отечественного гражданского авиастроения в условиях санкционного противодействия со стороны коллективного Запада. В качестве исторической детерминанты и актуального ориентира приводится опыт создания и развития советского КБ им. Туполева, обеспечивавшего стране полную технологическую независимость в течение полувека. С началом специальной военной операции Российской Федерации на Украине ЕС и США приняли беспрецедентные санкции против российской авиаотрасли. По задумке инициаторов, данные меры должны были лишить российские авиакомпании возможности использовать самолеты фирм Boeing и Airbus, составлявших на момент принятия этого решения до 65% российского парка пассажирских авиаперевозок. Новые поставки, а также техобслуживание и страхование всех бортов были запрещены, а уже сданные в лизинг самолеты по старым контрактам предписывалось в одностороннем порядке возратить лизингодателю в течение месяца. Запрет ремонта и страхования воздушных судов призваны были заблокировать даже те самолеты, которыми авиакомпании владели напрямую. В качестве ответного шага Россия пошла не только на асимметричный ответ в виде национализации всех арендованных за рубежом воздушных судов и перевода их на внутренние рейсы (во избежание их изъятия), но и разработала фундаментальный план перевода российской гражданской авиации на самолеты отечественного производства. По предварительным оценкам уже через три-четыре года серийное производство отечественных самолетов в необходимом количестве должно начаться. И опыт КБ Туполева вкупе с колоссальным технологическим потенциалом, наработанным этим конструкторским бюро в течение более чем полувека, может оказаться экзистенциально важным для отечественной авиационной отрасли. В работе применена методология исторической науки: метод исторического анализа, метод исторических аналогий, метод сравнения и метод структурного анализа.

Ключевые слова: СССР, Российская Федерация, авиация, Туполев, технологии, санкционная политика.

Для цитирования: Пархитко Н.П. Формирование технологической независимости СССР. Преемственность опыта для России на примере КБ Туполева (К 100-летия основания КБ). // Постсоветские исследования. 2023; 1(6):97-106.

Formation of Soviet technological independence. Continuity of experience for Russia on the example of the Tupolev Bureau

(To the 100th anniversary of the Bureau foundation)

Nickolay P. Parkhitko

RUDN University, Moscow, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7678-5735>; e-mail: scharnchorst@mail.ru

Abstract. The article analyzes the prospects for the restoration of the domestic Russian civil aircraft industry in the conditions of sanctions counteraction from the collective West. As a

historical determinant and an actual reference point, the experience of the creation and development of the Soviet Design Bureau is given. Tupolev, who provided the country with full technological independence for half a century. With the beginning of the special military operation of the Russian Federation in the Ukraine, the EU and the United States have adopted unprecedented sanctions against the Russian aviation industry. According to the initiators, these measures were supposed to deprive Russian airlines of the opportunity to use Boeing and Airbus aircraft, which at the time of this decision made up to 65% of the Russian passenger air transportation fleet. New deliveries, as well as maintenance and insurance of all sides were prohibited, and aircraft already leased under old contracts were ordered to be unilaterally returned to the lessor within a month. The ban on aircraft repairs and insurance was intended to block even those aircraft that the airlines owned directly. As a retaliatory step, Russia has not only adopted an asymmetric response in the form of nationalization of all aircraft leased abroad and their transfer to domestic flights (in order to avoid their withdrawal), but has also developed a fundamental plan for the transfer of Russian civil aviation to domestically produced aircraft. According to preliminary estimates, serial production of domestic aircraft in the required quantity should begin in three to four years. And the experience of the Tupolev Design Bureau, coupled with the enormous technological potential accumulated by this design bureau for more than half a century, may turn out to be existentially important for the domestic aviation industry. The methodology of historical science is applied in the work: the method of historical analysis, the method of historical analogies, the method of comparison and the method of structural analysis.

Keywords: USSR, Russian Federation, aviation, Tupolev, technologies, sanctions policy.

For citation: Nickolay P. Parkhitko. Formation of Soviet technological independence. Continuity of experience for Russia on the example of the Tupolev Bureau (To the 100th anniversary of the Bureau foundation) // *Postsovetskie issledovaniya = Post-Soviet Studies*. 2023;1(6):97-106 (In Russ.).

На момент начала специальной военной операции России на Украине, по данным агентства Cirium, в лизинге у зарубежных компаний находилось более половины (55%) всего российского авиационного флота. Авиакомпании России эксплуатировали 980 пассажирских лайнеров, 777 из них – в лизинге. У иностранных собственников перевозчики арендуют 515 самолетов рыночной стоимостью в 10 млрд долл. Всего, согласно транспортной стратегии РФ, в 2020 году авиакомпании РФ эксплуатировали 1,29 тыс. самолетов всех типов и 2,26 тыс. вертолетов. Самолетов зарубежного производства на тот момент насчитывалось 824 (64%), вертолетов – 1,459 тыс. (36%)¹.

Принятый ЕС и США пакет мер предусматривает запрет продажи, поставок, передачи или экспорт, «прямо или косвенно», всех типов самолетов,

вертолетов, космических технологий, а также комплектующих к ним. «Он также охватывает лизинг самолетов, поскольку это форма «поставки». Поэтому новые лизинговые контракты не могут быть заключены, а существующие должны быть расторгнуты. Хотя формально введенные санкции не имеют экстерриториального применения, но поставщики самолетов, деталей и компонентов из ЕС и США в целях гарантии того, что эта продукция не поставляется российским компаниям, прописали положение о том, смогут ли третьи страны обслуживать российскую авиатехнику. Иными словами, созданы все условия для максимального усложнения операций для российских перевозчиков по ремонту и техническому обслуживанию за пределами ЕС и США.

В качестве ответной меры в России интенсифицируется программа импортозамещения в сфере гражданской авиации. В транспортной стратегии было указано, что к 2030 году России потребуется

¹ Intelligent airline operations and planning. // URL: <https://www.cirium.com/industry-solutions/airlines/> (дата обращения: 07.12.2022)

около 700 новых самолетов и более 430 вертолетов¹. Два проекта российских гражданских самолетов, MC-21 и SSJ, стартовали в период, предшествовавший санкционной агрессии со стороны Запада. Поэтому доля иностранных комплектующих в них высока. Иностранные детали выбирали из-за необходимости быстрой сертификации самолета в соответствии с международными нормами, сроки их разработки были ускорены, так как иностранные производители зачастую адаптировали готовые решения для SSJ. Поэтому SSJ-new в версии с французским двигателем SaM-146 должен был быть сертифицирован к 2023 году. Но ОДК рассчитывает закончить российский двигатель ПД-8 к концу 2023 года, что позволит получить полностью собранные из отечественных компонентов среднемагистральные узкофюзеляжные самолеты.

Говоря об импортозамещении, обратимся к истории вопроса. Хотя традиционно принято считать, что ни одна страна в мире не производит всего комплекса деталей и механизмов, требующихся для производства современного гражданского самолета (т.н. «полный технологический цикл»), именно в нашей стране был создан уникальный исторический прецедент, опровергающий данный тезис. Речь идет о КБ Туполева, столетие которого Россия отмечала 22 октября 2022 г.

История становления и развития конструкторского бюро А.Н. Туполева уникальна по целому ряду причин. Во-первых, в отличие от других КБ, создававшихся в стране по решению партийно-бюрократического аппарата либо вследствие острой необходимости, КБ Туполева естественным образом воплощало в себе широкий общественный интерес к проблемам воздухоплавания и авиации в России. Поэтому его возникновения во многом являлось результатом инициативы

энтузиастов, поддержанной руководством страны. Во-вторых, КБ сочетало в себе все передовые тенденции и наработанные технологические решения, накопленные в русской авиационной науке и технике в начале XX в.

Еще в 1909 году Николаем Егоровичем Жуковским в стенах Императорского московского технического училища (сегодня – МВТУ им. Н.Э. Баумана) был сформирован студенческий кружок, занимавшийся изучением вопросов воздухоплавания в рамках одноименного лекционного курса. Именно в рамках этого кружка Н.Е. Жуковский и выявил студента, демонстрировавшего исключительные математические способности и инновационный подход к техническим решениям. Этим студентом был Андрей Николаевич Туполев [Бодрихин 2011: 4]. Оценив по опыту Первой мировой войны перспективы развития самолетостроения и его роль в военно-гражданском секторе, Н.Е. Жуковский и А.Н. Туполев выступали за формирование полноценной научно-исследовательской базы в виде создания научного аэрогидродинамического института. Так возникла инициатива об организации такого института, с которой Н.Е. Жуковский и А.Н. Туполев обратились в Высший совет народного хозяйства к заведующему Научно-техническим отделом (НТО) Н.П. Горбунову. Идея создания института была поддержана В.И. Лениным, в результате чего уже в декабре 1918 г. начал свою деятельность первый и единственный на тот момент отраслевой институт РСФСР – Центральный аэрогидродинамический институт (ЦАГИ).

Институт возглавил Н.Е. Жуковский, а А.Н. Туполев возглавил ключевой авиационный отдел ЦАГИ. После смерти Н.Е. Жуковского в марте 1921 г. А.Н. Туполев совместно с С.А. Чаплыгиным, возглавившим коллегия Института, продолжают работу по дальнейшему расширению и развитию ЦАГИ. Параллельно с главной, конструкторской деятельностью он активно участвует в создании экспериментальной базы. По схеме, разработанной А.Н. Туполевым еще в 1915 г., была спроектирована и введена в

¹ Транспортная стратегия Российской Федерации на период до 2030 г. // URL: <https://mintrans.gov.ru/documents/3/1009?ysclid=lcq2z91lhj226917247> (дата обращения: 10.12.2022)

эксплуатацию самая большая в мире на тот момент аэродинамическая труба Т1 – ТП, созданы опытный бассейн-гидроканал, лаборатория статических испытаний авиационных конструкций, отдел эксплуатации, летных испытаний и доводки самолетов (ОЭЛИД), и другие подразделения. В 1922 г. Туполев возглавил Комиссию по постройке металлических самолётов при ЦАГИ. С этого времени в системе ЦАГИ начало действовать сформированное и возглавляемое им опытное КБ по проектированию и производству цельнометаллических самолётов различных классов. По предложению самого А.Н. Туполева дату создания Комиссии – 22 октября 1922 г. – считают датой создания опытного конструкторского бюро ЦАГИ – ОКБ А.Н. Туполева [Черемухин и др. 2009: 33].

Первым самолетом, спроектированным в КБ Туполева, стал спортивный моноплан АНТ-1, названный в честь Андрея Николаевича Туполева. Машина поднялась в воздух в октябре 1923 года. И хотя этот самолет был «первенцем» конструкторского бюро, сам А.Н. Туполев гораздо большее значение придавал успешному полету другого самолета – АНТ-2. «День 26 мая 1924 года должен быть по справедливости отмечен в истории советской авиации. В этот день на Центральном аэродроме совершил свой первый вылет первый советский цельнометаллический самолёт», – так оценивал значимость успешного испытания новой машины для советского самолетостроения А.Н. Туполев. С этого момента КБ Туполева сосредоточилось на проектировании самолетов с перспективными (на тот момент) цельнометаллическими планерами.

Первой разработкой КБ Туполева, предназначавшийся уже непосредственно для нужд Красной армии, стал двухместный АНТ-3. Его предполагалось использовать в качестве воздушного разведчика. На этой машине известный советский летчик М. Громов совершил с 30 августа по 2 сентября 1926 г. круговой полет протяженностью более 7000 километров по маршруту Москва

– Берлин – Париж – Вена – Прага – Варшава – Москва.

Первый в мире серийный цельнометаллический двухмоторный 18-метровый бомбардировщик АНТ-4 (военное обозначение – ТБ-1, что означает «тяжелый бомбардировщик») был испытан в ноябре 1925 года летчиком Аполлинарием Томашевским. Экипаж тяжелого бомбардировщика составлял рекордные по тем временам шесть человек. Бортовое вооружение самолета в зависимости от модификации составляли три пулемета «Льюис» или «Дегтярев». Бомбовая нагрузка позволяла брать на борт авиабомбы совокупным весом до 1000 килограммов. В 1929 г. экипаж под руководством пилота-испытателя Семена Шестакова совершил на АНТ-4 (без вооружения) сверхдальний перелет из Москвы в Нью-Йорк протяженностью более 21 тыс. км. Нельзя не отметить и такой исторический факт: именно на АНТ-4 в марте 1934 г. летчик А.В. Ляпидевский участвовал в спасении людей с тонущего парохода «Челюскин», сняв с льдины десять женщин и двоих детей, за что 4 ноября 1939 г. был удостоен звания Героя Советского Союза под № 1 и был награжден в Кремле первой в советской истории медалью «Золотая Звезда».

Вообще, модель АНТ-4 была по целому ряду критериев прорывной для своего времени. Схема свободнонесущего цельнометаллического моноплана с профилем крыла большой строительной высоты, разработанная Туполевым и воплощенная в АНТ-4, через несколько лет стала ведущей в авиастроении мира. В западных КБ оценили аэродинамические характеристики новых советских самолетов, в первую очередь АНТ-4.

В сентябре 1929 г. был испытан «уменьшенный вариант» АНТ-4 – многоцелевой АНТ-7 (Р-6). Машина предназначалась для ведения разведки, в том числе над морями и океанами, для дальнего истребительного сопровождения, а также работы в качестве бомбардировщика или торпедоносца. Таким образом, в КБ Туполева удалось создать самолет,

отвечающий требованиям не только армии, но и флота.

22 декабря 1930 г. состоялись испытания АНТ-6, впоследствии известного как ТБ-3. Это был первый в мире массовый четырехмоторный самолет стратегического назначения. Двигатели М-17 (лицензионная копия немецких BMW-VI E) по 720 лошадиных сил и бомбовая нагрузка в пять тысяч кг. сделали этот самолет на некоторое время основным тяжелым бомбардировщиком РККА. Самолет также мог перевозить различные грузы, например танкетки, или брать на борт до 35 бойцов, десантирование которых осуществлялось непосредственно с поверхности планера. Интересно, что ТБ-3 стал первой машиной, принимавшей непосредственное участие в реальных военных конфликтах. Более сорока экипажей бомбили японские позиции у озера Хасан в августе 1938 г. Во время боев на Халхин-Голе в 1939 г. ТБ-3 применялись как ночные бомбардировщики и военно-транспортные самолеты. Впрочем, уже в 1938 г. производство самолета в СССР было прекращено, поскольку в условиях современной воздушной войны ТБ-3, чья масса превышала 17 т и скорость которого составляла не более 200 километров в час, морально и технически устарел. Тем не менее, устаревшие, но мощные машины использовались как во время советско-финского военного конфликта 1939-1940 гг., так и в ходе Великой Отечественной войны, где с успехом применялись в ходе ночных бомбардировочных рейдов в дальний тыл врага. На начало войны ТБ-3 составляли 25% всей бомбардировочной авиации Красной армии, и в одночасье от них отказаться было нельзя.

С 1932 г. по 1934 г. в КБ Туполева был разработан и выведен на летные испытания самолет АНТ-20, названный «Максим Горький» в честь 40-летия литературной деятельности писателя. Первый полет самолет совершил 17 июня 1934 г. под управлением летчика-испытателя М.М. Громова. Хотя данный самолет относился к категории агитационного изделия (т.е. изначально подразумевался лишь в одном экземпляре), в нем были реализованы инновационные технические решения

своего времени. На самолете была установлена автоматическая телефонная станция на шестнадцать абонентов, оригинальный автопилот, электромеханизмы для перемещения руля поворотов, различные приспособления для кафе, салоны на 72 пассажира и спальные каюты. Экипаж самолета достиг восьми человек. Впервые была применена, для входа в самолет, откидывавшаяся в качестве трапа часть нижней поверхности фюзеляжа. Впервые в мире на борту самолета был использован переменный ток, необходимый для имевшегося на борту различного оборудования, не предусматривавшегося ранее на воздушных судах. В процессе создания таких самолетов, как ТБ-4 и АНТ-20, были решены многие сложнейшие, для того времени, вопросы аэродинамики, строительной механики, многочисленного бортового и иного оборудования [Якубович 2010: 131]. По своему полетному весу (42 000 килограммов) самолет «Максим Горький» являлся до 1950 г. крупнейшим гражданским сухопутным самолетом мира.

18 мая 1935 г. самолет потерпел катастрофу в результате столкновения с одним из сопровождавших его полет истребителей И-5. Погибло 49 человек, в том числе виновник катастрофы, пилот И-5 Н. Благин, 11 членов экипажа «Максима Горького» и 37 пассажиров – сотрудники ЦАГИ и их родственники, в том числе 6 детей.

После крушения АНТ-20 было решено построить второй, улучшенный экземпляр. Была убрана тандемная установка, и восемь М-34ФРН заменены на шесть М-34ФРНВ мощностью 1000/1200 л. с. Постройка нового самолёта завершилась в 1938 г., испытывал его также М. М. Громов. В 1940-1941 гг. этот самолёт под маркой ПС-124 (Л-760) использовался как пассажирский на линии Москва – Харьков – Ростов-на-Дону – Минеральные Воды. После начала войны его использовали для перевозки грузов в тылу. 14 декабря 1942 г. он потерпел катастрофу в 50-90 км от Ташкента, налетав 272 часа. Планировалось построить ещё 18 самолётов АНТ-20 бис, однако он так и не был запущен в серию, уступив более

перспективным и дешевым в производстве моделям.

Резюмируя деятельность КБ Туполева в предвоенный период, следует отметить следующие аспекты. Во-первых, А.Н. Туполев разработал и внедрил в практику технологию крупносерийного производства лёгких и тяжёлых металлических самолётов. Под его руководством проектировались бомбардировщики, разведчики, истребители, пассажирские, транспортные, морские, специальные рекордные самолёты, а также аэросани, торпедные катера, гондолы, мотоустановки и оперение первых советских дирижаблей. А.Н. Туполев ввёл в практику отечественного самолётостроения организацию на серийных заводах филиалов основного КБ, что значительно ускорило выпуск машин и создание при КБ своих лётно-доводочных баз, что сократило сроки проведения как заводских, так и государственных испытаний опытных машин. Во-вторых, уже в 1932 г. вводится в строй Завод Опытных Конструкций (ЗОК), одновременно КБ переезжает в новое здание КОСОС (ЦАГИ). К 1935 г. складывается достаточно стройная структура проектных подразделений КБ с четким разделением работ между ними по разным направлениям их деятельности. Отдельные бригады возглавляли ближайшие коллеги А.Н. Туполева: В.М. Петляков, И.И. Погосский, А.П. Голубков, П.О. Сухой, А.А. Архангельский, В.М. Мясищев и другие конструкторы, имена которых навсегда вошли в историю отечественного и мирового самолётостроения. Результатом их работы стало появление т.н. «этапных самолётов» Туполева, в которых воплотились новейшие достижения науки и техники в области авиационного конструирования, в предвоенный период. Это бомбардировщики АНТ-4, АНТ-6, АНТ-40, АНТ-42 и спроектированный Ту-2, пассажирские самолёты АНТ-9, АНТ-14, АНТ-20 «Максим Горький» и рекордный АНТ-25. В Великой Отечественной войне участвовали ТБ-1, ТБ-3, СБ, Р-6, ТБ-7, МТБ-2, Ту-2, а также торпедные катера Г-4, Г-5 [Низваль 2018: 102].

В 1937-1941 гг. А.Н. Туполев был необоснованно репрессирован и, находясь в заключении, работал в ЦКБ-29 НКВД. опытным конструкторском бюро, где под его руководством трудились и другие известные советские авиаконструкторы – В. Петляков, В. Мясищев, Д. Томашевич. Именно там А.Н. Туполев спроектировал фронтальной двухдвигательный бомбардировщик Ту-2 (он же АНТ-58), в котором продуманное размещение экипажа, хорошее оборонительное вооружение, бронезащита, заполнение баков инертным, непожароопасным газом выгодно отличали данный самолет от других [Затучный и др. 2021: 29]. Его испытания начались уже в январе 1941 г. Сам А.Н. Туполев был освобожден из заключения со снятием судимости вскоре после начала войны, в июле 1941 г.

Ту-2, за который А.Н. Туполев получил звание генерал-майора, состоял на вооружении ВВС СССР вплоть до перехода советской авиации на реактивные самолеты в 1950-х годах. В послевоенный период под руководством А.Н. Туполева (с 1956 г. он генеральный конструктор) был создан ряд военных и гражданских самолётов. Среди них стратегический бомбардировщик Ту-4, первый советский реактивный бомбардировщик Ту-12, турбовинтовой стратегический бомбардировщик Ту-95, бомбардировщик Ту-16, сверхзвуковой ракетонесущий дальний бомбардировщик Ту-22 и сверхзвуковой барражирующий истребитель-перехватчик Ту-128. В 1964 г. принимается на вооружение дальний сверхзвуковой беспилотный разведчик Ту-123 «Ястреб», ставший первенцем в семействе туполевских беспилотных разведывательных комплексов [Черемухин 2011: 212].

В 1956-1957 гг. в КБ было создано новое подразделение, задачей которого была разработка беспилотных летательных аппаратов. Были разработаны крылатые ракеты «121», «123», ЗУР «131», а также велись работы по планируемому гиперзвуковому аппарату «130» и ракетоплану «136» («Звезда»). С 1955 г. проводились работы по бомбардировщикам

с ядерной силовой установкой (ЯСУ). После полетов летающей лаборатории Ту-95ЛАЛ намечалось создание экспериментального самолета Ту-119 с ЯСУ и сверхзвуковых бомбардировщиков «120» [Якубович 2010: 245].

На базе бомбардировщика Ту-16 в 1955 г. был создан первый советский реактивный пассажирский самолёт Ту-104. За ним последовали первый турбовинтовой межконтинентальный самолёт Ту-114, ближние и средние магистральные самолёты Ту-110, Ту-124, Ту-134. Также во второй половине 1960-х годов в КБ проектируется многорежимный дальний ракетносец-бомбардировщик с изменяемой стреловидностью крыла – Ту-22М, ставший в процессе своего развития основой отечественной Дальней авиации и авиации ВМФ, эти самолеты постепенно пришли на смену дозвуковым Ту-16 и сверхзвуковым Ту-22.

1960-е гг. в КБ проходят под знаком разработки нового среднемагистрального пассажирского самолета Ту-154, который в 70-е годы пришел на смену реактивным пассажирским самолетам первого поколения, а также создания первого в мире сверхзвукового пассажирского самолета Ту-144 (при участии сына конструктора - А.А.Туполева). Создание первого в мире сверхзвукового пассажирского самолета Ту-144 – это отдельная славная глава в истории КБ. В ходе разработки Ту-144 удалось успешно решить целый ряд сложнейших научно-технических задач сверхзвуковой пассажирской авиации, что позволяет с оптимизмом смотреть в будущее этого направления развития пассажирского авиационного транспорта и, в частности, на создание сверхзвукового пассажирского самолета второго поколения [Затучный и др. 2019: 505].

Но все же, именно среднемагистральный Ту-154 стал для КБ Туполева поворотным этапом в разработке современных пассажирских самолетов. Впервые в практике КБ проектировался пассажирский самолет, в основе конструкции которого даже отдаленно не было военного прототипа. Это позволило создать высокоэффективный пассажирский самолет,

экономические и эксплуатационные летные характеристики которого были на уровне лучших зарубежных аналогов.

Ту-154 совершил первый полет в 1968 г., а уже с начала 1970-х гг. эти машины пошли в активную эксплуатацию на линии страны и на поставки за пределы СССР. Всего до конца XX в. было построено более 900 Ту-154 в нескольких основных модификациях.

После смерти в 1972 г. Туполева его дело продолжил сын, Алексей Андреевич Туполев, под руководством которого увидел свет сверхзвуковой стратегический бомбардировщик-ракетоносец с крылом изменяемой стреловидности Ту-160. Самолет является обладателем целого ряда авиационных рекордов как по скорости, так и по продолжительности, так и по дальности полета. Кроме того, машина является самым большим и мощным в истории военной авиации сверхзвуковым боевым самолетом [Ригмант 2011: 10]. Характеристики Ту-160 действительно впечатляют. Длина планера – 54 м. Максимальная взлетная масса – 275 т, максимальная боевая нагрузка – 45 т, максимальная скорость – 2230 км/ч, максимальная дальность полета – 13 950 км. Сравнивая Ту-160 с американскими самолетами В-1В, В-2 и В-52, становятся очевидными преимущества российского стратегического ракетносца. Ту-160, поднявшийся в небо в декабре 1981 г., не просто по-прежнему состоит на вооружении. В ВКС России эти ракетносцы, прошедшие модернизацию, формируют костяк дальней авиации и совместно с Ту-95МСМ и Ту-22М3М составляют воздушную основу ядерной триады нашей страны!

Модернизационный потенциал Ту-160, прозванного в ВКС за характерный цвет «Белый лебедь», столь велик, что 25 января 2018 г. Министерство обороны России в присутствии Президента России В.В. Путина подписало в Казани с ПАО «Туполев» контракт стоимостью 160 млрд рублей на строительство до 2027 г. десяти новых бомбардировщиков Ту-160М2. Что ж, для отечественного ВПК и самолетостроения, в частности, это, безусловно, хорошая новость. Но вот дела с

гражданской авиацией обстоят куда сложнее.

Самой технологически совершенной гражданской разработкой КБ Туполева является самолет Ту-204, на судьбу которого оказали критическое влияние как «лихие 90-е», так и безрассудство отечественных чиновников. Ведь Ту-204 и его последующая модификация Ту-204-200, более известная как Ту-214, был разработан в конце 1980-х гг. для замены устаревающих Ту-154. Первоначально Ту-204, как и Ту-154, также был трёхдвигательным, но в угоду экономичности и снижению издержек на обслуживание от третьего двигателя решили отказаться. К тому времени уже был испытан и готов к серийному производству новый, более тяговый и более экономичный двигатель ПС-90 конструктора Павла Соловьёва. В итоге топливная эффективность Ту-204 стала вполне соответствовать заявленным требованиям – самолет расходовал всего 19,25 гр. топлива на пассажиро-километр, в отличие от улучшенного предшественника Ту-154М (31,08г/пасс/км) и даже был экономичнее лайнера Boeing 757-200 (23,4г/пасс/км). Именно последнее обстоятельство и сыграло с самолетом злую шутку в эпоху «жвачной дружбы» с западными «партнерами» - прежде всего, с США.

Ту-204 был полностью собран из отечественных комплектующих, но производитель авиационного двигателя ПС-90 «Пермские моторы» для достижения в перспективе ещё большей топливной экономичности двигателя начал сотрудничество с американской корпорацией Pratt&Whitney, которая фактически являлась прямым конкурентом «Пермских моторов». Технологии Pratt&Whitney были призваны улучшить газогенератор ПС-90, однако американцы ставили перед собой принципиально иную задачу: добраться до закупки российских ракетных двигателей РД-180, что было достигнуто, а «Пермские Моторы» превратить в свой филиал по ремонту своих двигателей.

При этом проект ПС-90 планировалось полностью ликвидировать – американцы

купили готовый двигатель для широкопрофильных испытаний на своих стендах (до полного разрушения), чтобы доказать, что двигатели Pratt&Whitney лучше российских. Однако, результаты этого теста показали, что двигатель ПС-90 оказался значительно надежнее всех американских аналогов. Тогда Pratt&Whitney изменили тактику – они всё-таки поучаствовали в модернизации двигателя ПС-90, внедрив в него свои технологии, для того чтобы потом с помощью прав на двигатель руководить его продажами и не пустить на мировой рынок. Новая модификация двигателя стала называться ПС-90А. И тут начались проблемы. Поскольку Pratt&Whitney вложила в акции «Пермских моторов» и создала у себя блокирующий пакет – фактически американская корпорация смогла управлять нашей компанией, и целью американцев было не допустить выход на мировой рынок авиационного двигателя, превосходящего по своим ТТХ их собственные разработки. Американская компания создавала постоянные проблемы со страхованием российских двигателей, не давая им полноценно выйти на рынок. Торможение производства российских двигателей продолжалось до 2011 г., пока компанию Pratt&Whitney не вынудили выйти из участия в «Пермских моторах». Акции Пермских моторов, принадлежащие ранее американцам, были проданы объединённой авиастроительной корпорации (ОАК) за 37 млн долларов, и разработчики авиадвигателей получили необходимую свободу действий, но время уже было безвозвратно упущено... Еще некоторое время продолжались тяжбы с правами на двигатель ПС-90А, но на сегодняшний день и двигатель и все права на него полностью принадлежат российскому производителю.

Из-за многолетнего противодействия Pratt&Whitney туполевцы не могли сформировать нормальный пакет заказов, и российский авиарынок был отдан на откуп Boeing и Airbus. Airbus A-321 – прямой конкурент Ту-204 получился даже чуть экономичнее, чем Ту-204 (18,5г/пасс/км у А-

321 против 19,25г/пасс/км у Ту-204) и в результате серьёзной автоматизации обходился двумя членами экипажа в кабине против трех у Ту-204. После захвата российского рынка иностранными самолётами отечественным авиастроителям было крайне трудно вклиниться на этот уже отлаженный рынок, и Ту-204 так и оставался хорошим, но невостребованным самолётом¹.

На сегодняшний день проект Ту-204 и его модификация Ту-204-200 (Ту-214) не могут похвастаться очевидными технологическими преимуществами перед иностранными конкурентами. Но при этом Ту-214 стоит 30 млн долларов, в то время как стоимость А-321 составляет 87-93 млн долларов США. Если бы не было сознательного торможения нашего самолёта иностранными конкурентами, эксплуатация Ту-214 коммерческими авиакомпаниями могла бы быть определено привлекательнее зарубежных аналогов! Математика нехитрая: при инвестициях в 1 млрд долларов вы получаете 33 борта Ту-214 или 10-11 бортов А-321. В условиях роста цены на иностранную валюту, даже при отсутствии санкций, Ту-214 был бы востребован как минимум среди российских перевозчиков. Таким образом, развязанная против России санкционная война лишь ускорила старт национального производства.

В наши дни Ту-204/214 эксплуатируют: Специальный летный отряд «Россия» - 17 бортов; ВКС России – 6 бортов; Авиастар-Ту 2 борта; КАЗ им. Горбунова – 2 борта; РКК Энергия – 2 борта; Air Koryo – 2 борта; другие эксплуатанты – 6 бортов; по состоянию на начало 2022 года в состоянии лётной годности на хранении в различных организациях находилось 34 борта, в том числе у авиакомпании Red Wings – 7 бортов².

Таким образом, в условиях обрушившихся на Россию санкций Ту-204/Ту-214 – это как раз тот самолёт, который проще всего запустить в производство. В них нет иностранных запчастей, поэтому производство этих машин локализовано на территории РФ на 100%. 6 апреля 2022 г. Объединённая Авиастроительная Корпорация объявила о том, что приступила к производству сразу 20 экземпляров Ту-214 и намерена произвести 70 самолетов этой модели до 2030 года. При должном подходе к реализации поставленной задачи и бесперебойном финансировании планы вполне выполнимые. С учётом же запуска в производство самолёта МС-21-300 и уже находящегося в серийном производстве SSJ-100 АО Компании «Сухой», в ближайшие годы Россия имеет все шансы избавиться от пресловутой материально-технологической зависимости от Запада, в которую она, с легкой руки младореформаторов и «оптимизаторов», загнала себя сама. И в том, что данное решение принято руководством страны в год 100-летия основания КБ Туполева, усматривается некий позитивный символизм.

¹ Пархитко Н.П., «Творцы стальных птиц» // Правда, №1 (31350) 10—12 января 2023 года // URL: <https://gazeta-pravda.ru/issue/118-31321-2124-oktyabrya-2022-goda/tvortsy-stalnykh-ptits/> (дата обращения: 11.12.2022)

² Состав Российских авиапарков // URL: [https://airlines.aero/sostav-rossijskih-](https://airlines.aero/sostav-rossijskih-aviaparkov/?ysclid=lcq52n0znq250405228)

[aviaparkov/?ysclid=lcq52n0znq250405228](https://airlines.aero/sostav-rossijskih-aviaparkov/?ysclid=lcq52n0znq250405228) (дата обращения: 11.12.2022)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бодрихин Н. Г.* Туполев. // М.: Молодая гвардия, 2011. – 455 с.
- Затучный А.М., Ригмант В.Г., Синеокий П.М.* Крылья Победы. Ту-2 // М: ООО «ИИГ «Полигон-Пресс»: 2021. 256 с.
- Затучный А.М., Ригмант В.Г., Синеокий П.М.* Ту-144 – легенда XX века. // М: ООО «ИИГ «Полигон-Пресс»: 2019. 536 с.
- Незваль И.Ф.* Воспоминания о работе в КБ Туполева. // М.: 2018. 196 с.
- Ригмант В.Г.* «Стратегический бомбардировщик Ту-160». // М.: 2011. 35 с.
- Черемухин Г. А.* Дальше. Выше. Быстрее: воспоминания о работе в авиапромышленности, о технике и ее создателях / под ред. Н. Г. Георгиевой. // М.: Проспект, 2011. 448 с.
- Черемухин Г. А., Гордон Е. И., Ригмант В. Г.* «Туполев»: полет в будущее // Москва: ИИГ Полигон-Пресс, т. 1: «Очерки по истории создания и развития ОКБ А. Н. Туполева». // М.: 2009. 383 с.
- Якубович Н.* Боевые самолеты Туполева / Николай Якубович. М.: Яуза: Эксмо, 2010. 528 с.

REFERENCES

- Bodrihin N. G.* Tupolev. // М.: Molodaja gvardija, 2011. 455 s.
- Zatuchnyj A.M., Rigmant V.G., Sineokij P.M.* Kryl'ja Pobedy. Tu-2 // М: ООО «ИИГ «Poligon-Press»: 2021. 256 s.
- Zatuchnyj A.M., Rigmant V.G., Sineokij P.M.* Tu-144 – legenda XX veka. // М: ООО «ИИГ «Poligon-Press»: 2019. 536 s.
- Nezval' I.F.* Vospominanija o rabote v KB Tupoleva. // М.: 2018. 196 s.
- Rigmant V.G.* «Strategicheskiy bombardirovshhik Tu-160». // М.: 2011. 35 s
- Cheremuhin G. A.* Dal'she. Vyshe. Bystree: vospominanija o rabote v aviapromyshlennosti, o tehnikе i ee sozdateljah / pod red. N. G. Georgievoj. // М.: Prospekt, 2011. 448 s.
- Cheremuhin G. A., Gordon E. I., Rigmant V. G.* «Tupolev»: polet v budushhee / Moskva: ИИГ Poligon-Press, t. 1: «Oчерki po istorii sozdaniya i razvitija ОКВ А. N. Tupoleva». //М.: 2009. 383 s.
- Jakubovich N.* Boveye samolety Tupoleva / Nikolaj Jakubovich. // М.: Jauza: Jeksmo, 2010. 528 s.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Пархитко Николай Петрович — **Nickolay P. Parkhitko** — PhD in History, кандидат исторических наук, доцент кафедры Теории и истории журналистики Филологического факультета РУДН. Москва, Россия E-mail: scharnchorst@mail.ru Associate Professor of the Theory and History of Journalism Department, RUDN University. Moscow, Russia. E-mail: scharnchorst@mail.ru

ПРОБА ПЕРА / FIRST STEP

Научная статья / Research article

Характер и особенности таджикско-российских отношений (1991-1997 гг.)

М. И. Каримова

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

E-mail: karimovamehrangez@01gmail.com

Аннотация. Взаимоотношения между Россией и Таджикистаном существуют уже несколько столетий. Судьбы этих двух народов были тесно переплетены, так как эти народы почти одно столетие прожили вместе в составе союза советских социалистических государств. Для Республики Таджикистан 1990-е гг. были действительно сложными, так как в 1992 г. началась гражданская война. Эта братоубийственная война украла много жизней, привела экономику страны в плачевное состояние, лишила жителей республики веры на спокойствия. В годы гражданской войны особое значение в урегулировании конфликта принимала Российская Федерация. Находящаяся еще со времен Советского союза 201 мотострелковая дивизия сыграла ключевую роль в разрешении конфликта. Российская Федерация оказывала помощь не только в военной сфере, но также принимала активное участие в разрешении конфликта между оппозиций и действующей властью мирными переговорами. Начиная с 1994 г. Российская Федерация выступала посредником в разрешении конфликта. Именно благодаря усилиям российского дипломатического института, уже в 1997 г., в Москве, при участии Б.Н. Ельцина, между законным президентом Республики Таджикистан Э. Рахмоновым и главой Объединенной таджикской оппозиции Нури, было подписано соглашение об установлении мира и национального согласия в Республике Таджикистан. В статье рассмотрены осуществление стратегического партнерства и особенности становления дипломатических отношений между Россией и Таджикистаном в годы гражданской войны.

Ключевые слова: политика, международные отношения, гражданская война, Таджикистан, Россия, сотрудничество.

Для цитирования: Каримова М. И. Характер и особенности таджикско-российских отношений (1991-1997) // Постсоветские исследования. 2023;1(6):107-113.

Character and features of Tajik-Russian relations (1991-1997)

Mehrangez I. Karimova

Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia

E-mail: karimovamehrangez@01gmail.com

Abstract. Relations between Russia and Tajikistan have existed for several centuries. The destinies of these two peoples were closely intertwined, since these peoples lived together for almost a century as part of the union of Soviet socialist states. For the Republic of Tajikistan, the 90s were difficult, since in 1992 a civil war began. This fratricidal war stole many lives, brought the country's economy into a deplorable state, deprived the inhabitants of the republic of faith in peace. During the years of the civil war, the Russian Federation played a special role in resolving the conflict. The 201st motorized rifle division, located since the times of the Soviet Union, played a key role in resolving the conflict. The Russian Federation provided assistance not only in the military sphere, but also took an active part in resolving the conflict between the opposition and the current government through peaceful negotiations. Since 1994, the Russian Federation has acted as a mediator in resolving the conflict. It was thanks to the efforts of the Russian diplomatic institute that already in 1997, in Moscow, with the participation of B. Yeltsin, between the legitimate president of the Republic of Tajikistan Rakhmonov and the head of the United Tajik Opposition Nuri, an agreement was signed on establishing peace and national accord in the Republic of Tajikistan. The article considers the

implementation of a strategic partnership and the features of the formation of diplomatic relations between the Russian Federation and the Republic of Tajikistan during the civil war.

Key words: politics, international relations, civil war, Tajikistan, Russia, cooperation, Post-Soviet Studies.

For citation: Mehrangez I. Karimova. Character and features of Tajik-Russian relations (1991-1997) // *Postsovetskie issledovaniya = Post-Soviet Studies*. 2023;1(6):107-113 (In Russ.).

Российско-таджикские отношения берут начало с давних времен. Первые отношения между таджиками и русскими начались в Средние века, когда шел активный торговый обмен между государствами Средней Азии и Московским государством. Однако в возобновлении более тесных связей в экономической, культурной и других сферах взаимоотношений двух народов серьезный перелом произойдет после присоединения Туркестана к Российской империи. Этот момент стал поводом для открытия широкого поля для хозяйственного и культурного развития, в первую очередь, на благо местного таджикского крестьянского населения. Из горных районов в промышленные города прибыло большое количество рабочих, в том числе будущие основатели молодой Республики Таджикистан – Н. Махсум и Ш. Шотемор.

По мере присоединения Туркестана к России проводились беспрецедентные научные исследования во всех областях знаний, изучались письменные памятники, история и культура таджикского народа, исследовались недра, флора и фауна, проводились этнографические изыскания. Выдающийся вклад в изучение истории, развития и культуры таджиков внес великий советский историк В.В. Бартольд.

Советский период сыграл важную роль в образовательном плане Таджикистана. Осуществлялась политика просвещения, восстанавливалось старинное искусство в первозданном виде.

Благодаря советской политике Таджикистан смог построить в будущем свою государственность, принципы которой изначально основывались на советской системе государственного аппарата.

В 1991 г. распался СССР – сверхдержава, которая включала в себя пятнадцать республик, а это, огромные территории, богатые сельскохозяйственным,

экономическим, социально-культурным разнообразием [Крылов 2018: 247–258]. В результате распада великого государства образовалось ряд новых совершенно разных, как по политическому, так и по социально-экономическому уровню развития государств. Среди них Россия во главе с Б.Н. Ельциным и Республика Таджикистан во главе с Р. Набиевым.

Уже после приобретения независимости, Таджикистан провел политику становления и формирования республики как суверенного государства. Была выстроена внешнеполитическая инфраструктура и стали налаживаться каналы связи с внешним миром. На данный момент Таджикистан участвует в ООН (с 1992 г.), в ШОС (с 2001 г.) и его независимость признана свыше 135 государствами [Алиева 2016: 31].

Постсоветский кризис власти привел Таджикистан к трагическим событиям 1992 г. В условиях «внезапной» независимости, выбора моделей развития государства власть оказалась неспособной адаптироваться к новым условиям, не проявила даже минимальную волю к выживанию. Факты принятия 22 июля 1989 г. Закона «О языке», 24 августа 1990 г. «О государственном суверенитете Таджикской Советской Социалистической Республики», 8 декабря 1990 г. «О свободе совести и религиозных организациях», 12 декабря 1990 г. «Об общественных объединениях в Таджикской ССР», Заявление Верховного Совета «О государственной независимости Республики Таджикистан» от 9 сентября 1991 г. и др. способствовала стремительной политизации общественной жизни в Таджикистане [Бушков, Микульский 1997: 53].

Эти акты канализировали национальное самосознание, создали правовую основу для организации и деятельности общественных движений и партий, что в современных условиях неизбежно отражало противоречия

между исламизированным обществом и светским государством.

В результате попытки августовского путча 1991 г. в СССР на территории Таджикистана сформировались различные политические силы, готовые бороться за власть, в первую очередь с антикоммунистических позиций «движение Растохез», Демпартия Таджикистана и Исламская партия возрождения. Сложилась и социальные условия, способствовавшие этому. Зарождавшиеся силы несли на себе бремя традиционного регионализма и сословности, что создавало особый след борьбы внутри них и между ними. Немаловажную роль сыграли и теневая экономика, усилия по легализации и поиск прочной опоры в верхних эшелонах власти.

Немаловажное место занимает ущерб, принесенный экономике страны. Согласно ежегоднику, «Дипломатия Таджикистана» за 2016 г. он составлял более 10 млрд. долл.

Поэтому эта тенденция ухудшила общественно-политическую ситуацию в стране. Непрерывающиеся встречи представителей оппозиции и сторонников президента привели к нестабильности общественно-политического положения республики, которая и без того находилась в тяжелом экономическом положении.

Противостоящими сторонами конфликта принято считать правительственные войска и создание таджикской оппозиции. Таким образом ситуация стала выходить из-под контроля, наступил полный паралич власти и период решения политических вопросов военными средствами. С июня 1992 г. между сторонами начались вооруженные столкновения, приобретающие все более кровопролитный и криминализированный характер. В результате братоубийственной войны развитие Таджикистана было отброшено на десятилетия назад. Гражданская война явилась производной от неспособности политических сил общества осознать суть главной задачи, ставшей перед Таджикистаном на постсоветском этапе ее истории, необходимости строительства национального по своему характеру нового таджикского государства, и выстроить свои действия в соответствии с этой задачей. Иными словами, она стала производной от

неспособности этих сил избрать такую модель постсоветского развития, которая в наибольшей степени соответствовала бы характеру названной задачи и способствовала ее решению.

12–14 февраля 1990 г. произошли массовые беспорядки в Душанбе. Беспорядки начались с антиармянских митингов, вызванных прибытием в Таджикистан армянских беженцев из Азербайджана, но вскоре переросли в серию вооруженных столкновений и грабежей мирного населения [Nohlen 2001: 462–465]. Он послужил прологом к кровопролитной гражданской войне в Таджикистане (1992–1997 гг.), в которую оказался втянут не только народ Таджикистана, но также и государства Средней Азии, РФ, религиозные силы. Конфликтующие стороны были намерены разрешить конфликт мирным путем, при этом для разрешения конфликта требовался посредник, который мог бы гарантировать соблюдение договоренностей и пользовался доверием мирового сообщества. В этой роли начала выступать Российская Федерация.

Все произошедшие конфликты на постсоветском пространстве имеют общие черты и характер проблематики.

Нужно отметить, что участие России в разрешении внутритаджикского конфликта носило многоплановый характер. Во-первых, оказывалось содействие при проведении межтаджикских переговоров, а со второй половины 1997 г. Россия становится одной из стран-гарантов выполнения Общего соглашения о мире и национальном согласии в республике. Во-вторых, осуществлялась охрана таджикско-афганской границы как границы СНГ. В-третьих, Россия стала доминирующей силой в составе Коллективных миротворческих сил СНГ. Практическая деятельность России в отношении Таджикистана осуществлялась исключительно на основе двусторонних договоров и соглашений [Каримова 2008: 66].

В начале Россия не проявляла особого энтузиазма по отношению к таджикским событиям. Это было обусловлено внутренней ситуацией в России. Однако уже с 1992 г. российская армия провела операцию

по вытеснению оппозиционных сил на территорию Афганистана. 25 мая 1993 г. с подписанием двустороннего широкомасштабного Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи. Согласно данному договору: «Высокие Договаривающиеся Стороны строят свои отношения как дружественные государства, последовательно руководствуясь принципами взаимного уважения...; Взаимодействуют в целях укрепления мира, повышения стабильности и безопасности, как в глобальном, так и региональном масштабе...; Сотрудничают в обеспечении надежной обороны Сторон...; В случае совершения агрессии против любой из сторон... Стороны окажут друг другу помощь...; подтверждают и уважают территориальную целостность и нерушимость существующих границ Российской Федерации и Республики Таджикистан и т.д.».¹

Кремль настаивал на урегулировании конфликта мирным путем. Интерес, проявленный Россией к Таджикистану впервые после распада СССР, и ее лояльность к руководству республики сыграли позитивную роль в дальнейшей ориентации демоисламистов на сближение с Москвой. [Мещеряков 2012: 103] 1994 г. стал переломным моментом в разрешении конфликта. Так в 1994 г. прошли первые встречи сторон, Таджикистан с одной стороны, оппозиция с другой, на которых были сформулированы общие тенденции и подходы в урегулировании конфликта. Решающим фактором стало образование единого оппозиционного блока. По результатам первого раунда переговоров был принят консенсус о склонности сторон к политическому диалогу. В ходе анализа первого раунда переговоров можно выявить, что принятые документы не способствовали прекращению военных действий на территории, но была сформирована почва для последующего ведения переговоров.

В последующем урегулировании конфликта особую роль сыграло усиление партнёрства Таджикистана с СНГ. В

частности, на Алма-атинской встрече глав государств СНГ в 1995 г. было принято решение о проведении полномасштабной миротворческой операции в стране. Это означало, что силам СНГ в Таджикистане придавался статус «миротворческих сил под эгидой ООН».

Анализируя весь ход ведения переговоров, можно заметить ее сложность. Сам факт того, что переговоры проходили во всех Среднеазиатских странах, говорит о том, что каждое государство пыталось найти общие принципы и интересы конфликтующих сторон для формирования мира, а также согласия.

Именно благодаря усилиям российского дипломатического института, уже в 1997 г., в Москве, при участии Б.Н. Ельцина, между законным президентом Таджикистана Э. Рахмоновым и главой ОТО Нури, было подписано соглашение об установлении мира и национального согласия в Республике Таджикистан.

На территории Таджикистана со времен СССР находилась 201 мотострелковая дивизия. Именно данное воинское формирование сыграло видную роль в разрешении конфликта. Вовлечение российских солдат во внутривойсковую борьбу было вызвано постоянными атаками террористов на базу. Вследствие этого было решено взять под контроль сначала округи базы, а затем и все военные дороги Таджикистана, тем самым обеспечив правительству Республики возможность спокойно передвигать гуманитарные и военные отряды по населенным пунктам. Ближе к концу войны российские дивизии вернулись обратно на базу, а российское правительство сыграло важнейшую роль в проведении мирных переговоров между Рахмоновым и ОТО.

Начиная с 1997 г. Россия, как страна-миротворец, провела ряд крупных гуманитарных операций, а также массовое разминирование территорий близ Афганистана, где был сконцентрирован наиболее высокий уровень террористической активности.

¹ Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи. Ратифицировано постановлением Верховного Совета от 15 июня 1993 года N 5442-1 //

URL:
<http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202202280001>

Дополнительным стабилизирующим фактором в тот период стало создание при Минобороны Таджикистана аппарата Главного военного советника Минобороны России, деятельность которого завершилась в апреле 2003 г. [Филоненко 2017: 131].

Российские пограничники продолжали защищать таджикско-афганскую границу вплоть до 2005 г., после чего эти функции были переданы таджикской стороне. Для оказания содействия местным пограничникам в охране госграницы и подготовке кадров в 2007 г. была сформирована Оперативная пограничная группа ФСБ России в Республике Таджикистан, реорганизованная в 2012 г. в Группу пограничного сотрудничества ФСБ России в этой стране [Филоненко 2017: 131].

Таким образом, Россия приняла особое участие в урегулировании ситуации в Таджикистане, тем самым сохранив жизнь населению Республики, погруженному в голод, все отраслевой кризис и жестокую братоубийственную войну.

Именно в те годы были заложены основы доверительных отношений наших стран, сохраняющихся и сегодня. Можно сказать, что отношения России и Таджикистана проверены временем.

На данный момент Таджикистан является стратегическим партнером и союзником России в Центрально-Азиатском регионе. Отношения России и Таджикистана носят традиционно дружественный характер и характеризуются интенсивным и доверительным политическим диалогом, развивающимся в различных областях [Курылев 2018: 320–326].

Еще одной точкой связи отношений Таджикистана и России является государственная граница с Кыргызстаном. Хотя в 1991 г. и Таджикистан и Кыргызстан признали независимость друг друга, но процесс делимитации и демаркации государственной границы до сих пор не урегулирован. Необходимо отметить, что границы Баткенской области и Согдийской области достаточно сложны. Разногласия на счет спорных территорий между странами продолжается с 2002 г. по сей день. Еще в 1997 г. при содействии двух стран была создана Таджикско-Кыргызская комиссия по

комплексному рассмотрению двухсторонних отношений между государствами.

Анализируя влияние общественно политической ситуации в Таджикистане на становление и развитие отношений с Россией, можно сделать следующие выводы.

В данный период государства Центральной Азии пережили глубокие структурные изменения, стремительный переход от одной общественно-экономической формации к другой, внутренние и внешние, экономические и политические кризисы, а порой и военные конфликты.

Соответственно эти события не могли не повлиять на становление и развитие отношений с Россией. Так как именно Россия внесла решающий вклад в межтаджикское урегулирование на всех его этапах, при этом немаловажно то, что именно российские военнослужащие составили костяк Коллективных Миротворческих сил СНГ. Именно благодаря миротворческим силам СНГ и активному участию России в ней позволил стабилизировать обстановку на афганской границе, не допускать распространения афганской войны на территории Таджикистана.

Вклад Коллективных Миротворческих Сил СНГ и наблюдательной миссии ООН способствовали обеспечению безопасности в стране, поставкам гуманитарной помощи населению страны и соблюдение пунктов Генерального соглашения.

Таджикистан и по сей день помнит и выражает свою глубокую признательность России как в письменной, так и в устной форме (это прослеживается во многих источниках) за огромный вклад в урегулирование конфликта, а также определяет свои приоритеты сотрудничества во всех сферах. Россия выступила первой страной-гарантом выполнения Соглашения 1997 г. Общая история, народ, правильный подход к общению – все это и многие другие факторы, безусловно, играют влияние на развитии российско-таджикских отношений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алиева Р.Р.* Приоритетные направления Таджикско-российских отношений на рубеже XX-XXI вв. // История международных отношений 2016. 11 с.
- Бабаханов М.Б.* История таджиков мира. Душанбе, 2005.
- Бушков В.И., Микульский Д.В.* Анатомия Гражданской войны в Таджикистане. Издание 2-е, переработанное и дополненное. М., 1997. 53 с.
- Гусаков Н.П., Андропова И.В.* Единая миграционная политика стран ЕЭП: проблемы разработки и перспективы реализации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2014. № 4. С. 78—86.
- Искандарзода Б.Д.* Внешнеполитические факторы и урегулирование гражданского конфликта в Таджикистане // Постсоветские исследования. 2022;1(5): С. 30-38.
- Курьев К.П.* Миграционные потоки из Центральной Азии в страны Европейского союза // Вестник РУДН серия: Международные отношения Том 18, № 2 (2018). С. 315-327.
- Крылов А.Б.* Постсоветское пространство: Проблемы развития // Вестник РУДН серия: Международные отношения Том 18, № 2 (2018): Центральная Азия: "геополитический плюрализм" и поиск региональной идентичности. С. 247-258.
- Майтдинова Г.М., Шаропов О.М.* Таджикско-российские отношения в условиях становления государственности (1991–2010). Постсоветские исследования. 2022;1(5). С.18-29.
- Мещеряков К.Е.* Российско-таджикские отношения в годы гражданской войны в Таджикистане (1992–1997 гг.) // КЛИО 2012. № 12 (72) С. 102-107.
- Парамонов В.В., Строков А.В., Абдуганива З.А.* Влияние Европейского союза на Центральную Азию: обзор, анализ и прогноз. Алматы: Фонд им. Фридриха Эберта, 2017.
- Филоненко А.Е.* О роли России в урегулировании конфликтов и кризисов в странах Центральной Азии в постсоветский период. // Историческая и социально-образовательная мысль. Том 9 №2/2, 2017.
- Nohlen D., Grotz F., Hartmann C.* Elections in Asia and the Pacific: A Data Handbook: Volume 1: Middle East, Central Asia, and South Asia (Elections in Asia and the Pacific Vol. 1). // Oxford: Oxford University Press, 2001. P. 462—465.

REFERENCES

- Alieva R.R.* Priority areas of Tajik-Russian relations at the turn of the XX-XXI centuries. // History of international relations 2016. 11 p.
- Babakhanov M.B.* History of the Tajiks of the world. Dushanbe, 2005.
- Bushkov V.I., Mikulsky D.V.* Anatomy of the Civil War in Tajikistan. 2nd edition, revised and enlarged. M., 1997. 53 p.
- Gusakov N.P., Andronova I.V.* Unified Migration Policy of the SES Countries: Problems of Development and Prospects for Implementation // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: International relations. 2014. No. 4. P. 78-86.
- Iskandarzoda B.D.* Foreign policy factors and settlement of the civil conflict in Tajikistan // Post-Soviet Studies. 2022;1(5): P. 30-38.
- Kurylev K.P.* Migration flows from Central Asia to the countries of the European Union // Bulletin of the RUDN University series: International Relations Vol. 18, No. 2 (2018). P 315-327.
- Krylov A.B.* Post-Soviet Space: Problems of Development // Vestnik RUDN Series: International Relations Vol. 18, No. 2 (2018): Central Asia: "Geopolitical Pluralism" and the Search for Regional Identity. P. 247-258.
- Maitdinova G.M., Sharopov O.M.* Tajik-Russian Relations in the conditions of Statehood Formation (1991-2010). Postsovetskie issledovaniya = Post-Soviet Studies. 2022;1(5):18-29
- Meshcheryakov K.E.* Russian-Tajik relations during the civil war in Tajikistan (1992-1997) // KLIIO 2012. No. 12 (72). P. 102 - 107.
- Paramonov V.V., Strokov A.V., Abduganiva Z.A.* The influence of the European Union on Central Asia: review, analysis and forecast. Almaty: Fund im. Friedrich Ebert, 2017.

Filonenko A.E. On the role of Russia in the settlement of conflicts and crises in the countries of Central Asia in the post-Soviet period. // Historical and socio-educational thought. Volume 9 No. 2/2, 2017.

Nohlen D., Grotz F., Hartmann C. Elections in Asia and the Pacific: A Data Handbook: Volume 1: Middle East, Central Asia, and South Asia (Elections in Asia and the Pacific Vol. 1). // Oxford: Oxford University Press, 2001. P. 462-465.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Каримова Мехрангез Илхомовна,
Магистр в области «Международных
отношений» Российского университета
дружбы народов. Москва, Россия. E-mail:
liza.korosteleva.99@mail.ru

Mehrangez I. Karimova, Master in
International Relations Department of RUDN
University. Moscow, Russia. E-mail:
liza.korosteleva.99@mail.ru